

ISSN 0139-3327

საქართველოს
საბავშვო ჟურნალი

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

10

1984

10.335/3
1984/3

10.335/3
1984/3

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ГИВИ ГЕГЕЧКОРИ. Стихи. Перевод Юнны Мориц	3
ВАСИЛ ГВЕТАДЗЕ. По дорогам войны. Стихи. Перевод Владимира Демьянова	6
НАНА КАНДЕЛАКИ. Ливень. Роман. Перевод Лианы Татишвили	8
МЗИЯ ХЕТАГУРИ. Стихи. Перевод Владимира Солоухина	51
РЕВАЗ МИШВЕЛАДЗЕ. Новеллы. Перевод Майи Бирюковой, Лианы Татишвили и Камиллы Коринтэли	59
СЕРГЕЙ СЕРЕБРЯКОВ. Стихи	123
ГУРАМ РЧЕУЛИШВИЛИ. Осень дедушки Котэ. Рассказ. Перевод Наталии Александровой	128

10
1984

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ

МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Стихотворения в про-
зе. Перевод Александра Маркевича
и Юрия Михайлика 132

ПУБЛИЦИСТИКА

АМИРАН АБШИЛАВА. «Потийский эксперимент». Перевод Теймураза Чочуа 136

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГИВИ АЛХАЗИШВИЛИ. Судьба художника 152
АРТАШЕС МХИТАРЯН. В поисках гармонии 159
ГИВИ ГВЕНЕТАДЗЕ. «Человек-стихия». Критика о рассказе М. Горького «Мой спутник» 163

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КОСТА ХЕТАГУРОВА

РУБЕН ЧЕТИТЫ. Коста Хетагуров и грузинская общественность 180

К 50-ЛЕТИЮ I СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

МАРИЯ РАМИШВИЛИ, ЕЛЕНА КИАСАШВИЛИ. Сквозь строки писем 189
НОДАР ДУМБАДЗЕ. Долг и призвание 207

НЕКРОЛОГ

НОДАР ДУМБАДЗЕ 212

ИСКУССТВО

НАТО ЖГЕНТИ. Два прочтения образа 217

ХРОНИКА 179, 224

КОГДА Я СОСТАРЮСЬ, ХОЧУ ПРЕВРАТИТЬСЯ...

Когда я состарюсь,
 хочу превратиться
 в ребенка, который таскает в карманах
 ракушки, поющие об океанах,
 магниты, и компас, и ржавые гвозди,
 и горсть разноцветных кусочков стеклянных.

В ребенка хочу превратиться, который
 дичится людей, со зверюшками дружит,
 глядит изумленно, как мать испуганно
 стирает одежду его и утюжит —
 зачем? Почему называются грязью
 горячая пыль и прохладные лужи?

Я взглядом бы свежим окинул просторы —
 не так, как старье озирает носильщик,
 а словно свободный художник, красильщик
 лесов и полей, окружающих горы.

И дрожь петуха под ножом птицереза
 была бы абстрактной, как звездные хоры.

В ребенка хочу превратиться, который
 отправится в путь и пройдет его снова,
 забыв свой мучительный опыт былого,
 проклятое свойство проклятого слова:
 живое в живых выпотрашивать чувство
 (о, дрожь петуха под ножами искусства —
 и кровь не видна, и следа никакого!)

В ребенка, в ребенка хочу превратиться,
 который «святым ремеслом» не прельстится,
 о нем и не вспомнит ни духом, ни сном!

И то, что вчера пережил,
 он не станет
 назавтра тянуть за собою, как тянет,
 упряжка волов под ярмом.

126.283

В ребенка хочу превратиться, в ребенка,
который истлевшие сбросит вериги,
забудет, какие бывают мытарства,
не вспомнит, какие прочитаны книги,
пройдет сквозь коварство
полночного царства,
но с вечной зарею воспрянет с землею,
забыв колесующий ужас квадриги.

Когда постарею, хочу превратиться
в ребенка, который таскает в карманах
ракушки, поющие об океанах,
магниты, и компас, и ржавые гвозди,
и горсть разноцветных кусочков стеклянных...

В ребенка, в ребенка хочу превратиться,
в ребенка, который не помнит, как робко
прокладывал путь меж волков и овечек...
И видя, что детский идет человечек
(ракушка в кармане, дрожащая стрелка),
ему улыбнется в последнем тумане,
к нему из последней протянется сини
огромная солнечная тарелка...

СУЛАМИФЬ, НАКОНЕЦ, ПОЛЮБИЛ ТЫ, О ЦАРЬ СОЛОМОН!..

Суламифь, наконец, полюбил ты, о царь Соломон!..
И, желая, она лепестки своих губ отворила,
и в сравнении с этим померкли сокровища мира —
только хлам золотой накопил ты, о царь Соломон!..

Ты ведь мог умереть, превратясь в назидательный миф,
и любовь беспробудно в тебе проспала бы... Однако
ты для этого только на свет и явился из мрака —
чтоб однажды, о царь Соломон, полюбить Суламифь!
Полюбить — до скончанья дыханья, до хлада в крови,
и обнять — до скончанья сует и житейского праха.
Ее девственный взор искусил тебя, словно монаха!
И безумие первой, а также последней любви
так внезапно подкралось, закрыло глаза твои, царь,

виноградными листьями этих блаженных ладоней...
И когда ее трепет великий (звезда в небосклоне!)
и когда ее шепот божественный (кровь и алтарь!)
оплели твое имя приветствием... свет неземной
от нее изошел и разлился меж ней и тобою,
небеса распахнуло сиянье ее голубое,
небеса пропитало и встало над всю страну...

Ее взор целомудренный — солнце твое, Соломон:
если дашь погасить или вынудят страшною силой,
этот мир для тебя отвратительной станет могилой...
Суламифь, наконец, полюбил ты, о царь Соломон!..

Перевод Юнны МОРИЦ

Васил ГВЕТАДЗЕ

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

СТИХИ О ДВАДЦАТИЛЕТНЕМ

В чуткие окопы утром пришел приказ.
— К бою! — был как пуля он тверд и прост.
Каждый, кто в атаку ходил не раз,
Знает это жуткое счастье — подняться в рост!
Близкие взрывы болью отдаются в висках.
Ужас и ярость сменяются в свой черед.
Воет осколок, поднимая земной прах.
Рядом мальчишка, бледнея, кричит: «Вперед!»
Входит в волны боя, сквозь свинец и картечь,
Входит, руки смерти ощутив у лица!
О, поля Отчизны, как его уберечь!?
Видно, не напрасно вы растили бойца.
Ранило солдата. Казалось, донесся крик.
Небо проливало на землю стальной поток.
Ласковая девушка склонилась к нему на миг.
Руки протянул, а окликнуть ее не смог.
Старость не просыпет на голову ему серебра.
Страх преодолеешь — увидишь перед собой:
Медленно кренился оглохшая Сапун-Гора,
Тихо наклоняется к земле солдат молодой.
Скрадывает боль прикосновение смертельного льда.
Черная парча развеивается в вечернем дыму.
Этот парень моря не видал никогда.
Несколько шагов до простора оставалось ему.
Но в последний раз вспыхнули в сознание костры,
И в последний раз в сердце ощутил торжество:
Рота восходила под огнем на гребень горы.
Рота продолжала наступать уже без него...

ОБЛАКА

Луга. Туман. Струится Неман сонный.
Фиалка ночи дышит, расцветая.
Кто б ни был ты, умолкнешь, пораженный,
И в сердце грянет искренность святая.
Теперь кизил трепещет над водою,
Где прежде горе дни именовало,
Лишь облака препятствуют покою.
Но вот ушли. И словно не бывало.
Ни шелеста вокруг, ни дуновенья.
Лишь неба край в невидимом закате.
О, лучше б мне не чувствовать волненья,
Чем не сказать об этой благодати!
Заметил в липах сумерек разрывы
И вдруг припомнил снега покрывало.
Вновь облака нависли молчаливо.
Но вновь ушли. И словно не бывало.

ОЖИДАНИЕ

Зашлась тишина, набухая пронзительным пеньем,
И мина на снежное поле упала с шипеньем.
И взмокла рубаха от этой мучительной трели,
И камешек страха скатился за ворот шинели.
И вдовьи одежды равнина над ним распростерла.
И сердце вцепилось руками в осипшее горло!
И он ощутил на мгновенье (о, жуткая нега),
Как медленный мак расцветает на мякоти снега!
И зуммер виска на предельной, неслыханной ноте,
И весь этот космос немислимо сжавшейся плоти,
И чуждое тело, и черные раны на теле!
И словно очнулся: сегодня, сейчас, неужели?!
Окутает смрадом, ни боли, ни цели, ни смысла!..
И ухнуло рядом! И горькая копоть нависла!
Расслабились путы. Развеялась снежная вата.
И длинной минутой насытилось тело солдата.
Опять миновало. И он огляделся счастливо.
Земля остывала. И таяло эхо разрыва...

Перевод Владимира ДЕМЬЯНОВА

I.

Нана КАНДЕЛАКИ

ЛИВЕНЬ

●
Роман
●

МАРТ был на исходе, но погода в Тбилиси стояла холодная. Шли дожди, иногда со снегом, бушевали ветры. Зима явно затянулась — люди заждались весны.

Лаша по обыкновению встал очень рано, быстро оделся, умылся, на ходу проглотил кусочек печенья и выскользнул из дому.

Еще порядком и не рассвело. В лицо ударил холодный ветер. Лаша поднял воротник пальто и по самые брови нахлобучил меховую шапку. Шел дождь вперемежку со снегом. У остановки троллейбуса Лаша замедлил было шаг, но передумал, решил не дожидаться транспорта и, спрятав руки в карманы пальто, продолжил путь.

Вскоре его нагнал свободное такси. Лаша окликнул шофера и поспешил к остановившейся в отдалении машине.

Перевод
Ляны ТАТИШВИЛИ

Печатается с сокращениями.

— Прошу прощения, — сказал он, усаживаясь на заднее сиденье, — я вам тут нанес грязи.

— Стоит ли беспокоиться, Лаша Симонович. Было бы вам удобно, а машину вымоем, как стеклышко блестять будет.

Лаша наклонился вперед и внимательно взглянул на шофера.

— Матэ, ты? Как живешь? Куда ты пропал?

— Да ничего. Вот... работаю...

— А на стройке для тебя не нашлось работы? Почему ты ушел от нас?

Матэ в смущении качнул головой.

— Конечно же нашлось, — еле слышно пробормотал он, — но мне было трудно работать под открытым небом.

— Да, в машине тебя ни дождь, ни снег не достанут... и доходу больше, — Лаша иронически улыбнулся.

— У некоторых на стройке доход не меньше моего. Только вот такой уж вы человек, Лаша Симонович, вас нельзя предавать. Ну я и устроился шофером такси и, чего уж скрывать, немного вздохнул.

Лашу неприятно поразили эти слова.

— Когда, наконец, мы будем довольствоваться честным куском хлеба? Ты не задумывался над тем, откуда берутся те лишние рубли, которые тебе суют в руку? Иной человек, если у него в кошельке негусто, в такси сесть боится. Ваш брат, таксист, не жалуется тех, кто платит по счетчику!

Матэ побелел.

— Вы, конечно, за чужим рублем не погонитесь, — спустя некоторое время с горечью произнес он, — руки марать не станете. Да и зачем вам... Тесть у вас такой — не даст нужды почувствовать. И шурина ваш — малый не промах. Я же единственный кормилец в семье. Войну прошел, ордена и медали кровью заработал. Хорошо пожить и мне хочется. Института я не кончал, а доходное место мне никто на блюдечке не преподнес. Вот и приспособляюсь...

Лашу словно обухом по голове ударили. Он вдруг почувствовал острую боль в груди, ему стало душно.

— Останови машину! — он снял с себя теплое кашне.

— Мы же еще не приехали!

— Останови! Мне сюда, в этот дом. — Лаша бросил рубль на переднее сиденье, не прощаясь, выскочил из машины и юркнул в первый же подъезд. К счастью, через подъезд можно было попасть во двор дома. Оттуда он прошел в соседний двор, а из него — на какую-то узкую улочку. Здесь, под развесистой чинарой, остановился и перевел дух.

«Боже мой, я воображаю себя честным человеком, а люди, оказывается, вон какого обо мне мнения! Ну, что ж — поделом мне! Баста, и дня не останусь в доме тестя! Сниму комнату, да, да, сниму, пока дадут квартиру... Но тесть обязательно должен знать причину моего ухода...»

Эти мысли принесли ему некоторое облегчение. Он уже только о том и думал, как вернется с работы и сообщит Цисане о своем решении.

До стройки оставалось метров сто. Лаша переходил улицу, когда мимо него промчались сперва грузовая машина, а за нею белые «Жигули». Из-под колес вырывались фонтаны жидкой грязи.

Недовольно отряхнув полу пальто, он раздраженно посмотрел вслед машине. К своему удивлению, увидел знакомый номер. «Куда это спозаранку несется мой шурин?»

Занятый своими мыслями, Лаша и не заметил, как дошел до стройки. Голос ночного сторожа вернул его к действительности. Поздоровавшись, старик с гордостью сообщил:

— Только что мы с Ладом Угрехелидзе вашего шурина проводили. Выдали все по списку. Так что он и не почувствовал вашего отсутствия.

— О чем ты, дядя Миха, я не пойму, — рассеянно проговорил Лаша и пожал плечами, но вдруг смысл сказанного дошел до него. Он вспомнил слова Матэ и вспыхнул от гнева. — Что выдали, как ты сказал?

Миха, с довольным видом кутаясь в бурку, кивнул в сторону улицы.

— Я говорю, шурин ваш был здесь, Бежан Евтихич. Только вот уехал. Представил нам список материалов, так мы ему выдали все сполна.

Лицо Лаши покрылось мертвенной бледностью. Довольный собой старик, взглянув на него, прикусил язык, сник, отошел в сторонку.

— Запри ворота и пришли ко мне Угрехелидзе!
бросил Лаша и бегом направился к одноэтажному кирпичному строению посреди двора.

Через несколько минут в кабинет Лаши; тяжело дыша, вошел старший прораб.

— Звали? — смущенно спросил он, снимая кепку.

— Кому и что ты выдал сегодня ни свет ни заря? По какому праву? На каком основании? — с трудом сдерживая гнев, обратился к нему Лаша.

— Да у него же бумага с вашей подписью была!.. Как я мог подумать или допустить, что...

— Почему не мог? Почему? Мы с тобой не два дня вместе работаем! Ты понимаешь, что натворил? Что ты ему дал? Помнишь хотя бы?

— Конечно, помню, вот и бумага у меня осталась, — Угрехелидзе схватился за карман, потом полез за пазуху и, не обнаружив бумаги, хлопнул себя по лбу. — Неужели потерял? Или он вытащил у меня... Простите, но, по-моему, вытащил...

— Вспомни, Ладо, вспомни, что ты ему дал?

— Я-то помню, Симоныч, сейчас скажу... Сто литров олифы!.. Тысячу кирпичей... Двадцать ящиков кафеля... Двадцать мешков цемента. Гвоздей дал двадцать кило, дверные ручки и...

— Составь точный список и передай бухгалтеру. Удержу из твоей зарплаты стоимость всего этого.

— Симоныч...

— Или отдам тебя под суд! Иного выхода у меня нет.

— По правде говоря, стройка не пострадает, если какая-то крупица материалов пойдет на вашу дачу. Вы заслужили это. Днюете и ночуете здесь. Ладно уж, не Христос же вы в самом деле. — Расплываясь в широкой улыбке, Угрехелидзе попытался разрядить обстановку.

— О какой даче ты говоришь, Ладо? — Лаша широко раскрыл глаза.

— Ваш шурина сказал, что вы строите дачу в Цхенти.

— Ложь это! Ложь! Мой шурина врун и подонок!

— Так вы не строите дачу?! А супруга ваша зво-

нила мне вчера, когда вы ушли. Просила помочь Бежану. Лаша, мол, в курсе дела. Бежан, мол, заберет все так, чтобы никто не знал, что Лаша... Боже мой, что я тут вздор мелю, все у меня перепуталось... Но ваша жена звонила, это уж точно, клянусь детьми, а потом он сам пожаловал ни свет ни заря и бумагу с собой привез... Что мне было делать?

— Цисана звонила?! — Лаше показалось, что у него оборвалось сердце. Нестерпимая боль снова пронзила его. Чтобы не упасть, он тяжело опустился на стул и после продолжительного молчания тихо сказал:

— Иди, Ладо, займись своим делом. Но список материалов все же оставь. Я сам покрою недостачу.

— Простите, Симоныч, простите мне мое ротозейство... И не торопитесь покрывать недостачу, Симоныч. Закупим где-нибудь. У меня полно друзей...

— Что ты заладил—«Симоныч» да «Симоныч»?! Меня зовут Лаша, Лаша Тархнишвили, — в сердцах крикнул Лаша.

Угрехелидзе стоял перед ним, не поднимая глаз.

— Хочешь ударь меня, я заслужил это.

Лаша смягчился, подошел к Ладо, обнял его за плечи.

— Я его заставлю вернуть все до последнего гвоздя, а тебе от выговора не уйти, чтобы впредь был бдителен.

— Ладно, так мне и надо. Но знай, меня обманула подпись, точь-в-точь твоя. Мог ли я подумать, что брат твоей жены... Ну, попадись он мне, клянусь, прибью!

— И правильно сделаешь, мошенникам прощать нельзя. — Лаша неожиданно улыбнулся и подтолкнул Угрехелидзе к двери.

Ладо вышел, а Лаша сел за стол и закрыл глаза. В ушах звучали горькие слова Матэ: «Вы, конечно, за чужим рублем не погонитесь... Зато тесть у вас такой, что... да и шурин — малый не промах...». «Выходит, и Цисана замешана в делах папаши и брата. Что делать? Бежать, немедленно бежать оттуда... Но пойдет ли Цисана со мной?»

Тяжелые, горькие мысли дурманили голову и постепенно затягивали в водоворот воспоминаний...

Лаша познакомился с Цисаной пять лет назад на Тбилисском море.

К тому времени он уже два года работал прорабом на одной из строек Сабурталинского массива. В душе вынашивал мечту и, надо сказать, не столь уж фантастическую, продолжить учебу в аспирантуре. Жил он у своего однокурсника Гиви Нацвлишвили, который тоже собирался поступать в аспирантуру. Они вместе готовились к экзаменам.

Стояла изматывающая июльская жара, и молодые люди решили съездить к Тбилисскому морю, чтобы немного освежиться. Накупавшись, они прилегли под тентом. Даже вздремнули. И тут до них донесся громкий смех. Две девушки в лодке никак не могли справиться с веслами. Волны уносили лодку все дальше от берега, и это почему-то веселило их.

— Поможем? — Гиви подмигнул Лаше.

Они подплыли к лодке, и Гиви с бесцеремонностью старого знакомого спросил:

— Как насчет магарыча, если вызволим из беды?

— Будет, обязательно будет! — бронзовая от загара девушка показывала рукой на Лашу, — тамадой назначаю его!

— Везет же некоторым, — Гиви в сердцах ударил кулаком по воде. — Я тут стараюсь вовсю, а лавры достаются другому! Кстати, как вас зовут?

— Меня Цисаной, а ее Даманой!

...Они обедали в приморском ресторане. Гиви никому не уступил должность тамады и застолье сам оплатил. К вечеру молодые люди вернулись в город.

Уже перед сном Гиви с улыбкой сказал Лаше:

— Ты приглянулся Цисане.

— А с тебя Дамана не сводила глаз.

— Да что там Дамана! Одни глаза Цисаны чего стоят — огонь! Только не думай, я не завидую. Все дело в везении... Женился бы ты, согласишься она стать твоей женой?

— Я не думал об этом... — Лаша улыбнулся, — у меня на уме сейчас только аспирантура.

— Что ты за человек, не пойму.

— Обыкновенный. Я верю в поговорку: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь».

— А я попытаюсь поймать обоих. Дамана? — поймай луй, ничуть не хуже Цисаны. Ноги стройные, как у козули, ты заметил?

— Остроумна и прекрасный собеседник.

— В женщине я прежде всего ценю женственность, ума и моего достаточно.

Тем летом девушки не выезжали из города, и молодые люди встречались почти каждый день.

В начале сентября Цисана пригласила Лашу к себе домой, познакомила с родителями и неожиданно очень смело объявила:

— Если я выйду замуж, то только за него!

У Лаши перехватило дыхание. Не зная, куда деваться от смущения, он замер перед цисаниным отцом, словно застигнутый на месте преступления.

— Чей будете, юноша? — насмешливо щурясь, осведомился Евтихий.

— Родители мои — учителя, живут в деревне. В Гурии.

— Как Тархнишвили очутились в Гурии?

— Там отец познакомился с матерью, ну и остался.

— Примак, значит?

— Мать была единственной дочерью.

— Хм, — усмехнулся Евтихий, — за что батька, за то и детки, значит?

— Папа, Лаша в этом году сдаст экзамены в аспирантуру, потом защитит кандидатскую, будет читать лекции в институте... И, наконец, мы любим друг друга!

«Попался в западню, попался!» — кровь бросилась Лаше в лицо, но он продолжал стоять как вкопанный.

Евтихий не отрывал от Лаши пристального взгляда, его смятение, казалось, доставляло ему удовольствие.

— Я только за него выйду, только за него! — Цисана надула пухлые губки.

Евтихий вдруг перестал хмуриться, осклабился и одобрительно кивнул головой.

— А мне нравится твой выбор. Неплохого парня привела, ничего не скажешь, порадовала отца!

— В самом деле милый юноша... — подала голос и

мать Цисаны, Лола, прикладывая платочек к глазам, наполненным слезами.

Евтихий привлек к себе дочь и будущего зятя. — Ну что ж, дети, — пророкотал он. — Пусть будет по-вашему, славное дело вы затеяли. Идите своей дорогой, а я вам помогу. Для кого же это добро копились?!

— Папа, заодно уж реши, когда свадьба. Только не откладывай надолго, — Цисана без малейшего стеснения чмокнула Лашу.

Евтихию не понравилась несдержанность дочери. Он нахмурился, бросил на нее грозный взгляд, но звонкий смех Цисаны и простодушие, с которым она торопила отца, обезоружили его. Он погладил ее по мягким вьющимся волосам и, прижимая к груди, с грустью сказал Лаше:

— Для отца все дети одинаковы, но эту проказницу я люблю особой любовью. Не обижай ее. Это огорчит меня. А я никому не посоветовал бы огорчать меня.

«Гиви называет это судьбой, — думал он. — Пусть так. Зачем мне отказываться от нее?»

— Когда свадьба, папа? Решай, наконец! — не унималась Цисана.

— Не торопись, дочка, пусть Лаша сдаст экзамены в аспирантуру.

— А я хочу, чтоб свадьба была в ближайшую субботу!

— И тебе того же хочется, юноша? — обратился Евтихий к Лаше.

А тот вконец утратил ощущение реальности — все происходящее казалось ему сном. Цисана, безусловно, красивая девушка, да еще из состоятельной семьи, подающая надежды пианистка. Но Лаша не помышлял о женитьбе и теперь даже испытывал неловкость, что так безучастен к привалившему счастью.

Он украдкой бросил взгляд на дорогую обстановку тохадзевской гостиной и представил себе простую деревенскую оду, в которой родился, добрые бесхитростные лица своих родителей... На какое-то мгновение его охватил страх.

«Имею ли я право связывать с ней свою судьбу?»

Я не смогу создать ей условия, к которым она привыкла, и потому буду плохим мужем. Наверное, стоит сказать об этом».

Только он собрался начать откровенный разговор, как Евтихий протянул ему хрустальный бокал, полный вина, и внушительно произнес:

— Благославляю вас! Зовите гостей, в субботу свадьба!

— Папочка, дорогой! — взвизгнула Цисана и расцеловала отца.

...В назначенный день Тохадзе сыграли пышную свадьбу.

В воскресенье утром молодых проводили в свадебное путешествие — Москва, Ленинград, Таллин, Рига, Гагра...

Домой они вернулись к концу сентября.

И снова в их честь был накрыт праздничный стол.

Дом наполнился друзьями Цисаны и Лаши. Поселились на славу.

А когда гости разошлись, Евтихий вызвал к себе в кабинет зятя с дочерью и с натянутой улыбкой произнес:

— Ну что, юноша, плакала твоя аспирантура?

— Сдам экзамены в будущем году, — смущенно выдавил Лаша.

— А сейчас чем думаешь заняться? Мы вот с Цисаной по своим делам уйдем, а ты, может, с Лолой на кухне хозяйничать будешь? — хмыкнул Евтихий.

Слова тестя обидели Лашу.

— Я не собираюсь сидеть без дела, я — инженер и найду себе подходящую работу.

— Где? — входя в это время в кабинет, спросил шурин Бежан.

— Не найду ничего стоящего здесь, поеду к себе в деревню.

— Куда? — рассмеялась Цисана, — все в город бегут, а я из города в деревню поеду? Твоя жена учится в консерватории, не забывай об этом.

— Но кто-то же должен работать в деревне? — с обидой в голосе спросил Лаша.

— Вот что я тебе скажу, юноша, моя дочь — это тебе не первая встречная. Нечего было переступить по-

рог моего дома, если не хотел жениться на такой девушке, как Цисана.

Из-под ног Лаши, казалось, выбили почву.

Цисана, улыбаясь, смотрела на него, и эта улыбка еще более смущала его.

«Уходи, немедленно уходи!» — стучало в ушах.

Лаша сделал шаг в сторону двери.

«Чему быть, того не миновать», — подумал он и в это время услышал бархатный голос Цисаны, почувствовал прикосновение ее нежных рук.

— Ты обиделся, Лаша? — она обняла его за шею и прижалась к груди. — Не хмурься, папа пошутил, правда, папа? Он добрый, это он так, для проформы говорит, а сердце у него золотое, клянусь мамой...

— Правда, сынок, Евтихий — добрый человек, — широко улыбаясь, поддержала Цисану Лола, — ты не беспокойся, он сам устроит тебя на работу, на хорошую работу. Мы же ради вас живем... А кто у нас есть, кроме Бежана и Цисаны? Дай бог им счастья, теперь и ты нам вроде сына...

— Ладно, хватит хмуриться, — Бежан подтолкнул локтем Лашу.

— Папа, скажи что-нибудь Лаше, — Цисана умоляюще смотрела на отца.

— Что-нибудь придумаю, конечно, — процедил сквозь зубы Евтихий.

Прошел месяц.

Лаша сторонился тестя, избегал разговора с ним.

«Хорош, нечего сказать... Начальником строительства меня никто не назначит, а должность обыкновенного прораба его не устраивает. Что мне теперь делать? Хвастал, что устроит на работу, а сам и пальцем не шевельнет...» Лаша нервничал, однако выразить свою обиду вслух не решался. Это невольно сказывалось на его отношениях с Цисаной — он стал неразговорчив, сдержан, угрюм.

Разговор с тестем все же состоялся и именно тогда, когда он совсем этого не ожидал.

Спустя два месяца после свадьбы поздним октябрьским вечером Лаша сидел в кресле, зарывшись в газеты и журналы.

Нана Канделаки. Ливень.

საქ. სსრ-ის მთავრობის
გამომცემი

— Что, молодой человек, значит, аспирантуру отложил на будущее? — неожиданно обратился к нему Евтихий.

— С аспирантурой покончено! — отрезал Лаша. — Вот нашел себе занятие — решаю кроссворды!

— Разве медовый месяц у вас не кончился? — Евтихий бросил на него сумрачный взгляд.

— Если я не оправдал ваших надежд, можете отказать мне от дома, — в тон ему отвечал Лаша.

Ответ зятя смутил Евтихия. Он вдруг испугался за дочь — что, если зять и в самом деле уйдет из дома?

— Не смог найти подходящую работу? — небрежно спросил он.

— Таковую, чтобы устраивала вашу семью, не смог.

— Почему не попросил меня? — Евтихий самодовольно провел рукой по усам.

— Вот уж не думал, что вам нужно специальное заявление писать, — вспыхнул Лаша.

— Гонор свой для других побереги. Со мной этим ничего не добьешься, — спокойно ответил Евтихий. — Пойдешь завтра в трест к Самсону Лабадзе от моего имени. Впрочем, нет, лучше к Дзуку Дгебуадзе. Посмотрим, что тебе предложат.

— А можно мне пойти в трест не завтра, а через три дня? — чуть помедлив, спросил Лаша.

Тесть с изумлением уставился на него.

— Почему?

— Мне нужно съездить в деревню. Сегодня утром я встретил своего односельчанина. Он сказал, что мать болеет.

— Конечно, съезди. Родителей надо любить и уважать! Поезжай вместе с Цисаной. Должны же, наконец, твои родители познакомиться с невесткой. Отправим вас с подарками, как положено, — лицемерно улыбнулся Евтихий и позвал дочь: — Оторвись хоть на минутку от этого рояля! Сегодня ночью вы едете в деревню, к родителям Лаши.

— А занятия? Я и без того достаточно пропустила, — Цисана недовольно пожала плечами.

— Не беда, если погуляешь еще денька два-три. Пора познакомиться со свекром и свекровью!

Все село сбежалось к дому Симона и Талико посмотреть на Лашу и его молодую жену. Стариков по-здравили с женьбой сына.

Во дворе усадьбы Гархнишвили были накрыты два длинных стола. Тамадой Симон выбрал директора школы. Всю ночь напролет звучали тосты и песни, а под утро начались танцы. Вытолкнули в круг Лашу с Цисаной, а потом и Симона с Талико.

— Послушай, — неслышно шепнул Симон жене, — невестку одарить надо.

— Вон какие на ней украшения! Чем такую удивишь?

— Таков обычай, Талико, и мы должны следовать ему.

— Может, подарить цепочку? Как-никак старинная, полметра длиной!

— Давай, неси! Повесишь невестке на шею при всем честном народе.

Талико, кивнув мужу, вышла из круга танцующих и направилась к дому.

— Ну, уважаемые учителя, если вы такие искусные танцоры, почему прятались до сих пор? — с шутливым упреком обратился к Симону председатель колхоза.

— Боялись растратить свой талант до свадьбы сына, — в тон ему отвечал Симон.

Вскоре появилась запыхавшаяся Талико. Она подошла к невестке и, повесив ей на шею цепочку, расцеловала ее.

— Носи на счастье. Это приданое моей матери. Своего рода реликвия для нас. Теперь она твоя.

Цисана обняла свекровь, поцеловала.

Наутро Лаша показывал Цисане деревню. Они поднялись на его любимую гору, прошлись берегом реки и вышли к роднику, побывали в школе, где он учился и где по-прежнему учительствовали его родители.

А вечером стали готовиться к отъезду.

Симон наполнил вином двадцатилитровый бочонок — в подарок Евтихию, а Талико бережно завернула чурчхелы и сушеные фрукты для Лолы.

— Не беспокойтесь. У отца достаточно вина, правда, Лаша? — Цисана взяла его под руку.

— Знаешь, что сказал олень оленю, угощая его травой? — спросил Симон. — Тебе будет приятно принять ее от меня. Так-то, дочка... а на что мы годимся, если не будем доставлять удовольствие друг другу.

— Я не хотела вас обидеть.

Лаша привлек к себе Цисану:

— Домашнее вино все же ни с каким вином не сравнится. А мой отец знает в нем толк.

— Спасибо. Я просто подумала... Конечно, они обрадуются вашим подаркам, — Цисана улыбнулась Талико и Симону и вопросительно уставилась на Лашу — доволен ли он?

Лаша кивнул ей.

На другой же день после возвращения молодых из деревни Евтихий и Лаша отправились в трест. Евтихий представил Лашу заместителю управляющего Дзуку Дгебуадзе.

— Вот привел к вам своего зятя. Владелец красного диплома, блестящие характеристики с места работы. Работал, разумеется, по специальности, — Евтихий с нарочитой небрежностью бросил на стол Дгебуадзе Лашин диплом так, что он заскользил по полированной поверхности.

— Есть один объект — двадцатипятиэтажная гостиница. Пойдешь туда главным инженером? — Дгебуадзе даже не взглянул на диплом.

Лаша не ожидал подобного предложения и вопросительно взглянул на Евтихия.

— Что, испугался? — рассмеялся Дгебуадзе.

— Ишь ты, побледнел даже! В аспирантуру поступать собирался, а паршивой гостиницы испугался? Чего молчишь? — Евтихий бросил на зятя испепеляющий взгляд. — Это ведь твой диплом, не чужой.

— Что значит чужой?! — встрепнулся Лаша.

— Так в чем же дело? Почему ты онемел? — Евтихий не мог скрыть своей досады.

— Дело в том, что... — начал было Лаша, но вдруг решительно произнес: — Я слишком серьезно отношусь к своей профессии, потому и не спешу с ответом.

— По правде говоря, дорогой Евтихий, этот юноша в какой-то степени прав. В таких случаях действительно спешить не следует. Скажу тебе правду: заложен

только фундамент гостиницы, а уже три руководителя сменилось.

— Почему?

— Очень большая стройка. Вводит в соблазн строителей, — ухмыльнулся Дзуку.

— О каком соблазне ты говоришь, если вырыт только фундамент?

— В том-то и дело, — снова ухмыльнулся Дзуку.

— Значит, нет спасения от хапуг? Пока не замуруют кого-нибудь в стенах этой гостиницы, она не будет построена?

— Честные люди не перевелись еще. Как ты можешь, Евтихий, такое говорить?

— Если найдете честнее него, я сбрею свои усы! — Евтихий провел рукой по усам и подмигнул Дзуку.

— Потому я и пригласил вас к себе, — и Дзуку почему-то подмигнул в ответ Евтихию. — Однако, чего скрывать, в нашем деле на одной честности далеко не уедешь. Нужны еще знания и опыт. Шутка ли такое строительство?!

— Есть у него опыт! Вот справки! — Евтихий положил перед Дзуку бумаги.

— Да, но... Мы с тобой болтаем, а основное действующее лицо молчит.

— Лаша, скажи, наконец, что-нибудь! — вспыхнул Евтихий.

— Что я могу сказать?! Небольшой опыт у меня есть. Но за стройку никогда не отвечал.

— У тебя есть красный диплом и достаточно опыта для того, чтобы проявить свои знания в большом деле, — уверенно произнес Евтихий. — Нужно только немного смелости.

— И не надо забывать, что за спиной у тебя стоит Евтихий Тохадзе, — слова Дзуку прозвучали несколько театрально.

— Эх, он еще не знает мне цену, — вздохнул Евтихий, подходя к окну. Вдруг он резко остановился и хлопнул себя по лбу: — Чуть не забыл! Ты как-то оставил у нас свой портсигар. Воображаю, как ты искал его! — и он почтительно положил перед Дзуку золотой портсигар.

Сдержанно улыбнувшись, Дгебуадзе кивнул Евтихию.

— У тебя в доме разве что-нибудь потеряется? Я и забыл о нем. Из-за этой гостиницы себя не помню. В министерстве, кажется, только тем и заняты, что ругают нас.

— Оформи его. Верь мне — он не подведет.

— Тем более, что от нас требуют выдвигать молодых, — как бы про себя произнес Дгебуадзе.

Какое-то мгновение он сидел молча, задумчиво глядя перед собой. Потом поднялся и протянул Лаше руку:

— Надеюсь, ты оправдаешь наши надежды. Не подведешь ни меня, ни тестя.

— Управляющий трестом будет со мной беседовать? — поинтересовался Лаша.

— Управляющий полностью доверяет Дзуку Дгебуадзе.

— А как ты думал? — самодовольно улыбаясь, Евтихий направился к двери. — Идем, Лаша. Меня тоже ждут дела. Полдня на разговоры ушло.

— На вот, заполни эту анкету для отдела кадров, а послезавтра утром придешь на коллегую.

— На коллегую? — Евтихий был неприятно удивлен. — Ты сказал, приказ будет послезавтра?

— Он должен быть на коллегии, так, формально. Для тебя это новость, Евтихий?

— Да, но... Ты же знаешь, на коллегии порой... — Евтихий пожал плечами.

— Слово Дзуку Дгебуадзе кое-что значит и для коллегии. Чего хмуришься? А ты быстренько заполни анкету в приемной.

Дзуку пожал им руки и вызвал секретаршу. — Управляющий у себя?

— Да.

— Почему не сказала?! — он схватил папку в кожаном переплете и вместе с Евтихием и Лашей вышел из кабинета.

И все же Лаше пришлось встретиться с управляющим. Пока тот беседовал с молодым инженером, Дгебуадзе, сидя в конце стола, внимательно прислушивался к их разговору.

Лабадзе явно экзаменовал Тархнишвили. И его ответы, видимо, нравились ему. Он с интересом слу-

шал Лашу, не скрывая своего удовлетворения от победы.
седы.

— Где ты отыскал его, Дзуку? — спросил он, широко улыбаясь. И, обращаясь к Лаше, сказал: — Будете у нас работать! Только наведите порядок на стройке, и я для вас ничего не пожалею. Шутка ли, трех руководителей сменили! Позор!

— Может быть, сперва утвердим его кандидатуру на коллегии, а потом в министерстве? Не будем нарушать порядок, — с серьезным видом предложил Дзуку.

— Утвердим. Этому уже ничто не помешает. — Лабадзе улыбнулся Лаше. — Приступайте к своим обязанностям.

Лаша с головой погрузился в работу. Особенно трудно пришлось ему на первых порах. Только убедившись, что стройка укомплектована квалифицированными рабочими и специалистами, добросовестно относящимися к своему делу, он немного успокоился.

Выполнение работ по-прежнему проверял сам, но инициативу передал в руки прорабов и начальников участков.

Через шесть месяцев после его прихода на стройку коллектив получил премию и завоевал переходящее знамя, которое им вручил сам министр. Прощаясь, он пожал Тархнишвили руку и с уверенностью произнес: — К концу пятилетки сдадите гостиницу.

— Три руководителя с трудом один фундамент положили, а от него одного требовать завершения всего строительства в срок... Пусть хотя бы половину плана выполнят, — вступился за Лашу Дгебуадзе.

— Мы не вправе срывать планы, намеченные правительством, — так же невозмутимо ответил Лаша.

Раздались аплодисменты.

— Спасибо! — министр еще раз пожал руку Тархнишвили и заметил Лабадзе: — Вот когда я с двадцатого этажа помашу строителям в благодарность за их труд, тогда пусть гремят аплодисменты!

— А это, по-моему, будет через каких-нибудь два года, не так ли, Лаша? — спросил Лабадзе.

— Нет, — решительно возразил Лаша, — через три. Министр и Лабадзе, переглянувшись, неожиданно улыгнулись.

— Но ни одним днем больше, — согласился министр.

— Слово есть слово! — подтвердил Тархнишвили. Министр похлопал его по плечу.

— Если что-нибудь понадобится, обращайтесь прямо ко мне. Ваш объект — в центре внимания.

— Между прочим, это я его представил коллегии, — хвастливо вставил Дгебуадзе.

— Вам довольно словесного спасибо или?.. — улынулся министр.

— Да нет! Это я так, — смутился Дзуку. — Просто мне приятно, что мой кадр оправдал наше доверие.

— Василий Киквидзе двадцати четырех лет командовал целой дивизией. Так что, я думаю, двадцатиэтажная гостиница будет по плечу Тархнишвили! — воскликнул Лабадзе.

— Конечно. Надо больше доверять молодым специалистам. Молодежи нашей ни опыта, ни знаний, ни смелости не занимать, — с чувством произнес Дгебуадзе, вытирая ослепительно белым платком взмокшее от пота лицо.

«Мало ему золотого портсигара, так еще хочет урвать грамоту или орден за мой счет! — Лаша бросил на него косою взгляд, и волна гнева захлестнула его. — Я не успокоюсь, пока не дам понять этому типу, что знаю, какой ценой мне достаются эти почести...»

Лаша узнал истинную историю портсигара недавно, совершенно случайно, услышав разговор Евтихия и Лолы.

— Я так рада, что наш Лаша хорошо устроился, — говорила Лола.

— Мне в копеечку влетела эта твоя радость, — процедил сквозь зубы Евтихий.

— Неужели тебе пришлось задобрить Дзуку?

— А ты думаешь, он — сама невинность? — с горечью произнес Евтихий. — Брата родного продаст. Вон какую дачу себе отгрохал! Юсуповскому дворцу под стать.

— А кто это, Юсупов?

— Ты что, забыла Архангельское? Княжеское владение под Москвой?

— Не своди меня с ума! Неужели этот попрошайка построил такую дачу?

— Это мы с тобой попрошайки. Кроме четырех коммунат, у нас ничего нет! А летом тысячи приходится тратить, чтобы поехать отдохнуть.

— Чего ты злишься? Не я же помешала тебе построить дачу? — вскипела Лола.

— Место нужно для этого, участок...

— Ну и достань этот участок, как другие достают. Попрошайка Дзуку должен тебя обскакать?

— Слышал бы он, как ты его попрошайкой величаешь, — Евтихий вдруг улыбнулся. — Но ты права, — он поднялся с кресла и стал ходить из угла в угол, — надо что-то предпринять.

— Что же ты ему преподнес?

Сделав вид, что не расслышал вопроса, Евтихий продолжал нервно ходить по комнате.

— Сколько он взял у тебя? — не отставала Лола.

— Золотой портсигар. Отстанешь теперь?

— Этот негодяй разорит нас! — Лола хлопнула себя ладонями по щекам.

— Не бойся. Евтихий Тохадзе не даст себя разорить. Но, по правде говоря, не думал я, что он возьмет портсигар.

— Почему же не взять, когда дают!

— А черт с ним, с этим портсигаром! Зато парню дорога открыта. Теперь все только от него самого зависит. Что поделаешь, не те уж нынче люди, не те...

— Вот удивил, — усмехнулась Лола, — а то ты лучше!

— Поди вон отсюда, пока я не сказал тебе пару теплых слов, — взорвался Евтихий. — И это мне благодарность от вас, дармоедов?! Не на кого мне положиться, не на кого!

Первым желанием Лаши, когда он услышал все это, было немедленно бежать к министру и порвать со строительством. Однако, одумавшись, он предпочел сдержаться.

«Я работаю на совесть и в срок сдам гостиницу. А с Дгебуадзе мы еще встретимся, и не раз. Тогда-то я и выскажу ему все, что о нем думаю. Некуда будет

отступать этому пройдохе и взяточнику. И Лабадзе я обязательно скажу, чтобы он избавился от такого зама. Он поймет меня. Лабадзе — честный человек... Так мне кажется... А нет—я вообще уйду от них...»

С этого дня он стал избегать тестя. Мысль о том, как уличить Дгебуадзе в бесчестности, не давала ему покоя.

Однажды, когда он поздним вечером вернулся со стройки, его встретила заплаканная Цисана.

— Скажи, для чего я вышла замуж?.. Тебя ничего не интересует, кроме этой проклятой стройки! А я должна чахнуть в четырех стенах?

Лаша, ничего не ответив, прошел в ванную.

Евтихий заступился за зятя:

— Довольно хныкать, он ведь с работы пришел, не с гулянки. Потерпи немного. Может, его в министерство переведут или назначат управляющим...

— А ты только о должностях и мечтаешь!

Лаша вышел из ванной и направился в спальню посмотреть на сына. Малыш спал. Лаша включил светильник, прилег на кровать, открыл журнал и незаметно для себя уснул.

— Лаша, — растолкала его Цисана, — мама с ума сойдет, если увидит, как ты разлегся на этом покрывале. Встань, поужинай.

Он приподнялся, посмотрел на часы.

— Хочешь, пойдем к Гиви? Сегодня день рождения его сестры Ланы.

— Так поздно? А удобно? — Цисана просияла.

— К ним всегда удобно, они мне как родные. Давай, одевайся!

— А что возьмем в подарок? — спросила Цисана.

— Подарим что-нибудь в другой раз, — вяло проговорил он.

— Нет, без подарка я не пойду. У меня есть японский зонтик, совсем новый. Я думаю, он понравится Лане.

— Как хочешь, только побыстрее одевайся.

Семейство Нацвлишвили с восторгом встретило приход Цисаны и Лаша.

— Ах вы, негодники! Я уж и не ждала вас! — воскликнула Лана, целуя Лашу и Цисану.

— Экстренно, за здоровье вновь прибывших! Гиви уже наполнял большой бокал для Лаша. — Мо-
лодцы, что пришли. Выпьем за здоровье Цисаны и Ла-
ши, друзья! Пьем до дна, не то я обижусь! Вот так...
А теперь споем! Давай, Лана, начинай!

Лана запела какую-то популярную песенку, брат стал вторить ей, и вскоре все сидящие за столом с видимым удовольствием подхватили ее.

— Как хорошо, что мы пришли, — шепнула Цисана Лаше.

— Эта семья мне многое дала в смысле знаний, культуры и, если хочешь, доброты. Можно сказать, здесь я прошел еще один курс высших наук.

— А они люди зажиточные. Взгляни, какое на Лане платье и украшения какие.

— Вот не думал, что тебя можно чем-то удивить, — пожал плечами Лаша.

— Что поделаешь, люблю хорошую жизнь.

— Когда я стану профессором, как отец Ланы, или, еще лучше, академиком, обязательно куплю тебе такие же серьги и кольцо.

— Прошу тебя, молчи.

— Почему?

— Ты никогда не станешь профессором, а тем более академиком. И не надо хвастать передо мной.

— Я не хвастаю. Вот закончу строительство, возьму тему для диссертации... Ну, если не доктором, то кандидатом обязательно буду.

— Когда? Когда я буду старушкой? — насмешливо улыbnулась Цисана.

Улыбка жены задела Лашу.

— Допустим, я не стал ни кандидатом, ни, тем более, доктором. Быть женой инженера для тебя унизительно?

— Я же говорю, ты хвастунишка, — смягчилась Цисана.

— Гиви! — крикнул Лаша, — потанцуй с Цисаной, а то она что-то приуныла.

— Танцевать с вами, королева, мечта каждого смертного! — воскликнул Гиви, включая радиолу.

— А мы с тобой потанцуем, Лаша! — Лана протянула к нему обе руки.

— Я так устал сегодня, Ланочка, еле стою на ногах. Вот Рамаз с удовольствием с тобой потанцует.

Обиженная Лана скорчила гримасу и пошла к Рамазу.

— А мы будем есть баклажаны с орехами — сказал Лаша сидящей напротив него Дамане и протянул ей блюдо.

— Не хочу, Лаша, спасибо.

— Боишься пополнеть? Ешь, лишние два-три килограмма тебе не повредят.

Дамана повела плечами.

Лаша знал, что она равнодушна к Гиви, что тот как бы играл в жмурки с девушкой — то встречался с нею, то избегал. А бедная Дамана таяла на глазах.

«Удивительно, чем она ему не угодила?» — Лаша невольно оглядел богато обставленную столовую Нацвлишвили и остановил взгляд на скромно одетой девушке, сидевшей перед ним.

— Потанцуем? — спросил он, вставая.

— Лаша, милый, прости. Но я сейчас не могу...

— Что с тобой? Ты не в духе? Потанцуешь и отойдешь.

— Лучше проводи меня...

— Хочешь уйти?

— Да.

Лаша склонил голову и протянул ей руку.

Они незаметно вышли в коридор. Дамана быстро отыскала на вешалке свой плащ и выскочила на лестницу.

Лаша бросился за ней.

— погоди, Дамана! Я провожу тебя.

— Не надо. Мне хочется побыть одной.

— Что случилось, Дамана?

— Не любит он меня, а насильно мил не будешь.

— Почему ты так решила?

— Сегодня за столом он мне прямо сказал: не люблю.

— Да он пьян и что несет, сам не знает!

— Нет, тогда он не был пьян. Он сказал мне правду.

Дамана убежала, а Лаша не спеша поднялся по

лестнице, вошел в столовую и сел на свое место. Никто из присутствующих ничего не заметил.

Цисана веселилась всюду. Танцевала то с Гиви, то с Рамазом. Потом Гиви стал о чем-то просить ее. Она жеманно отказывалась. Гиви поцеловал ей руку и что-то с улыбкой шепнул на ухо. Цисана, кивнув, пошла к инструменту. Зазвучала мазурка Шопена. Профессор Бесо Нацвлишвили поднялся и церемонно пригласил дочь на танец.

— Bravo, bravo! — воскликнул Рамаз, когда смолкли последние звуки мазурки. Он восторженно захлопал в ладоши и почему-то поцеловал руку Лане.

Лана, лукаво улыбаясь, подмигнула Лаше.

— Сыграйте нам вальс, если можно, — попросил Цисану вошедший во вкус Бесо. — Тамара так любит вальс.

— Смотри, Бесо, утомишься, — лицо Тамары Ивановны сияло.

Полились чарующие звуки «Голубого Дуная» Штрауса. Бесо и Тамара танцевали, а остальные смотрели, с какой грацией исполняла немолодая супружеская пара этот нестареющий танец.

— Выпьем, друзья, за здоровье Цисаны! — поднял бокал Гиви.

— Я протестую! — крикнула вдруг Лана. — Нельзя разъединять мужа и жену! Выпьем за обоих вместе!

— А я прошу, — Лаша поднялся с места, — выпить за здоровье двух подруг — Цисаны и Даманы!..

— А где Дамана? — удивленно спросила Тамара Ивановна.

— Она ушла, — и Лаша выразительно посмотрел на Гиви.

— Ушла, не попрощавшись с нами?

— Тогда за тех, кто остался! За твой первый сольный концерт, Цисана! За расцвет твоего таланта! — Гиви вмиг осушил бокал и, вконец захмелев, затянул песню.

Евтихий Тохадзе работал главным технологом на одном из винных заводов. Обладая представительной внешностью и звучным, приятного тембра голосом, он

умел внушить к себе доверие и пользовался авторитетом. Никому и в голову не приходило контролировать его деятельность.

Когда Бежан окончил институт, отец устроил его к себе на завод. Очень скоро благодаря усердию в работе, да и авторитету отца Бежана выдвинули на должность начальника цеха.

Отец с сыном прекрасно сработались. Евтихий втянул Бежана в свои дела, и они вдвоем занимались сбытом незаконно изготовленной продукции. Пока им это сходило с рук.

Евтихий был доволен сыном. Убедившись, что на него можно положиться, он передоверил ему все дела.

Деньги прибывали, богатство множилось.

Однако, когда Бежан вздумал жениться, Евтихий уперся, как бык. Он считал, что избранница сына недостойна его.

— Я не впущу ее в дом! Что ты в ней нашел? Бросился на первую встречную! Заварил кашу, теперь расхлебывай. Распишись с этой голодранкой и тяни лямку.

— Она порядочная девушка, поверь, отец...

— Нет, я, ей-богу, умру от смеха!—Евтихий скорчил гримасу.

— Почему ты не хочешь понять, что мы любим друг друга?

—Куда ты смотрел? Или в Тбилиси девушки перевелись? На посмешище меня выставил! Чтоб ноги этой девчонки здесь не было, слышишь!

— А куда нам идти?

— Это не моя забота! Ступай на все четыре стороны!

— Ее отец и старший брат должны приехать, чтобы познакомиться с тобой, с мамой, с Цисаной...

— Посмей только привести их сюда, прогоню взащей обоих, понял? Только посмей!

Бежан побледнел, понял, что отец не шутит, — он слов на ветер обычно не бросал.

— Экая жалость, какой поддержки я лишился! — как бы про себя проговорил Евтихий.

— Как, ты меня и с работы гонишь?

— Делить ничего не следует и в первую очередь — деньги...

— Довольно, отец, хватит ругать меня.

— Да тебя придушить мало! Какое дело мне завалил!

— Ну так я не женюсь.

— И пойдешь в тюрьму, да? Они от тебя не отцепятся! Я-то чую, чего им надо, но они плохо знают Евтихия Тохадзе! Черт с тобой, женись! А потом посмотрим. Только помни: в наши дела никого не посвящай.

Евтихий купил Бежану двухкомнатную квартиру в кооперативном доме, но в душе его теплилась надежда, что сын в конце концов вернется в отчий дом.

Однако, когда через год у Бежана родились две девочки-близнецы, Евтихий расстался с этой мыслью. Он поспешно выдал замуж Цисану. Зять как будто пришелся ему по душе, и он решил все свое имущество завещать дочери.

Однажды, когда семья Тохадзе собралась за воскресным столом (как правило, по воскресеньям Бежан обедал у родителей), Евтихий неожиданно заявил:

— Я решил выйти на пенсию.

— Почему? — встревоженно спросила Лола. — Тебе прямо сказали, чтоб ты уходил, или только намекнули?

— Кто мне посмеет сказать это? Много в Грузии таких виноделов, как я? — огрызнулся Евтихий. — Устал я, пора на отдых! Имею я на это право или нет?

— Да, но... А о детях ты подумал? — в голосе Лолы звучало раздражение.

— Ах, вот оно что! — Евтихий грозно свел брови. — Чего еще вам нужно, дети? В чем нужду испытываете?

Цисана прослезилась, Бежан опустил голову.

— Ты что скажешь, Лаша? Заслужил я отдых?

— Конечно, заслужили. Вот и мой отец через три года на пенсию собирается. Видимо, всему свое время.

— Золотые слова. Воистину, всему свое время! Вы все устроены, стоите на ногах. Мне кажется, я сделал для вас все, что мог. Пришло ваше время, время молодых. Вам и карты в руки, действуйте! Стройте! Мое поколение выполнило свой долг. Довольно с нас. Чего уж скрывать, трудно мне стало работать. На завод пришли молодые. Нужно время, чтоб привыкнуть к ним,

да и их научить уму-разуму. А у меня этого времени в обрез.

— Ты что, Евтихий, отходную себе поешь, а что тебе, что ли? — Лола прослезилась.

Лицо Евтихия расплылось в довольной улыбке.

— По правде говоря, умирать я еще не собираюсь, но не надо забывать, что мы не вечны... особенно когда тебе вот-вот семьдесят стукнет.

— Не верьте ему! — всплеснула руками Лола, — ему еще и шестидесяти пяти нет, этой осенью исполнится.

Все рассмеялись, а Лола продолжала с возмущением:

— Шестьдесят пять — это совсем не много, можно еще немножко поработать.

— Конечно, папочка, — Цисана чмокнула отца в щеку.

— Бойтесь лишений? — Евтихий из-под нахмуренных бровей оглядел свою паству.

— Как ты можешь так думать, папочка, — в голове Цисаны звучал упрек, — мы о тебе думаем, поверь. Так вдруг оказаться без дела, полному сил и здоровья, — это ужасно...

— За меня не беспокойтесь, я всегда буду при деле. Вы о себе подумайте... без чужой подсказки ни шагу...

— Ничего не понимаю, — вспыхнул вдруг Бежан, — что ты намеками разговариваешь, папа? Чем я заслужил это?

— Ну, пошло-поехало, — прервал его Евтихий. Он испугался, как бы Бежан не брякнул чего-нибудь при Лаше. — Цисана окончит свою консерваторию, местечко для нее, думаю, найдется, друзья меня не оставят. О Лаше я уже молчу. Слава богу, он сам себе голова. Дгебуадзе говорил мне недавно...

— Что, просил второй портсигар? — не сдержался Лаша.

Евтихий не ожидал подобного выпада. Бросил на зятя косою взгляд.

— Зря потратились, — продолжал Лаша. — Непорядочный он человек. Правда, представил меня Лабадзе, но если бы тот посчитал мою кандидатуру неподходящей, никакая взятка не помогла бы.

Цисана и Бежан замерли на своих местах.

— Ты сам сказал, Дзуку представил тебя. Это то-

же дело, поверь мне, — без прежнего апломба произнес Евтихий.

— Прошу вас взять портсигар назад. В противном случае я обо всем расскажу Лабадзе, — спокойно сказал Лаша.

— Ни в коем случае! Ты не посмеешь это сделать!

— В своей жизни я не совершил ни одного бесчестного поступка, и на этот раз... — Лаша поднялся, но Евтихий не дал ему договорить.

— Ведь кто-нибудь должен был замолвить за тебя словечко?! Такова жизнь.

— Довольно жить такой жизнью. К чертям все эти ваши правила!

— Ладно уж, — махнул рукой Бежан, — какое значение имеет теперь этот портсигар!..

— Ты, однако, неблагодарный человек. Кто бы дал тебе эту должность, если бы не Дзуку? У тебя были и знания, и опыт, а что ты из себя представлял? Ничего! А он... Он заслужил этот портсигар. Да мне вовсе и не жалко!.. Я добрый человек!

— Как же, заслужил! Он ограбил вас самым бессовестным образом.

— Для тебя нам ничего не жалко, Лаша, дорогой, — вмешалась в разговор Лола.

— Каждый раз при виде вашего Дзуку меня душил злорадство. Со стыда сгораю. Так и кажется, что он смеется надо мной, — кипел Лаша.

— А ты забудь о портсигаре. Ему и самому, небось, неловко.

— Кому? Дзуку? До чего вы наивны!

— Успокойся, Лаша! — раздраженно произнесла Цисана и, обращаясь к отцу, пробурчала: — А ты тоже странный, почему при нем давал этот проклятый портсигар?

— Только твоих замечаний мне не доставало! — вскипел Евтихий. — Поди после этого делай кому-нибудь добро, — метнув злобный взгляд на Лашу, он удалился.

Лола бросилась за мужем со словами:

— Я с ума сойду, если у него давление подскочит.

— Не стоит поднимать шум из-за этакой ерунды.

Ты пользуешься в тресте авторитетом, да и среди строителей тоже. Плевать тебе на этого Дзуку, — сказал Бежан.

— И папу надо пожалеть, — вкрадчиво проговорила Цисана. — Ты же видишь, как он расстроился. А этого Дзуку, как клопа, раздавить следует. Еще корчит из себя папиного друга.

— Вот я и хочу вывести его на чистую воду, — не сдавался Лаша.

— Будет у тебя возможность, скажешь ему пару теплых слов. Только не сейчас. Очень прошу, — Цисана умоляюще смотрела на мужа. — Подумай о папином здоровье. Он такой хороший, заботливый. Разве ты не видишь?

— Как не видит, — Бежан улыбнулся и неожиданно поцеловал зятя.

— Как вы не понимаете, что этот подонок еще меня же может обвинить. Я не боюсь его, но...

— Ты просто не знаешь Дзуку Дгебуадзе. Он никогда не позволит себе ничего подобного по отношению к отцу, — убежденно произнес Бежан. — Да пойми ты, они ведь друзья.

— Я совсем иначе понимаю дружбу. — Лаша пожал плечами. Взглянув на часы, поднялся. — Я поехал на стройку. Там идет сварка, мне надо проверить.

Он прошел в спальню. Поцеловал спящего ребенка и вышел из дому.

Брат с сестрой, переглянувшись, с облегчением вздохнули.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лаша знал, что его шурин не вернет ничего из того, что обманом вывез со стройки. Более того — требование вернуть назад стройматериалы приведет в бешенство тестя и вызовет неприятные разговоры.

Евтихий не терпел, когда ему перечили, и никто не решался на это.

Человек жесткий и своевольный, он, тем не менее, имел много друзей. Славился гостеприимством, но предпочитал угощать в ресторане. Траты его не сму-

щали, и именно этим завоевал он сердца друзей и начальства.

— Никогда не давай повода для зависти. Не дуется искусственно умножать число своих врагов, — поучал он Лашу, когда тот собирался пригласить своих друзей. — Вот тебе деньги, зови кого хочешь и куда хочешь. Гуляй себе на здоровье, а в дом не надо наносить грязи.

— Наследят — вымоем пол, — не понял Лаша.

— Запретный плод сладок, как тебе известно, а в открытые двери никто не ломится. Люди мечтают попасть в мой дом, но я никому не позволю совать нос в мою тарелку. Слышал такую поговорку — не имей сто рублей, а имей сто друзей? Не верь тому, кто тебе скажет, что у него сто друзей. Друг — один, как мать, как бог. Один! Понял? Остальные все — знакомые, в лучшем случае — хорошие знакомые или товарищи. У меня, например, нет друзей. Товарищей — тьма. И эту тьму я не могу приводить в свой дом. Если со всеми держаться на короткой ноге, никто не будет уважать тебя.

— Один умный человек сказал: «Кто себе друзей не ищет, самому себе он враг», — сказал Лаша и посмотрел тестю в глаза.

Евтихий усмехнулся.

— Ты не хочешь меня понять? Дело твое. Ищи друзей, множь их число, но в этом доме, слава богу, хозяин пока что я, и все останется так, как было до сих пор.

Он произнес это таким категорическим тоном, что Лаша не решился ему возразить.

Из новых знакомых только брат и сестра Нацвлишвили сумели расположить к себе Евтихия. Для них, да еще для Даманы, с которой с детства дружила Цисана, двери дома Тохадзе были всегда открыты. Вот, пожалуй, и все, кто был вхож сюда.

Лаша никак не мог понять этой, как ему казалось, причуды тестя. «Что за жизнь, если я не могу привести домой своих друзей — на что мне тогда этот достаток и эта квартира?» — думал он и интуитивно чув-

ствовал, что именно недостаток прятал Евтихий от чужого глаза.

Спорить с тестем на эту тему Лаше было нечего. В конце концов, не он здесь хозяин и не ему ломать установившиеся порядки.

«Ни за что не позволю своему сыну жить у жены! Настоящее рабство!» — эта мысль занозой засела у него в сердце. Однако нехватка времени, которое почти целиком отнимала работа, была причиной все более редких встреч с друзьями, и, вероятно, именно поэтому Лаша подчинился требованию Евтихия.

Тем не менее, утренний инцидент переполнил чашу терпения.

Вся его жизнь в тохадзевском доме представилась ему в ином свете, и он испытал глухое раздражение.

«Поделом мне, одна уступка влечет за собой другую, — думал он, проклиная собственную близорукость и простодушие. — Сперва уговорили не разоблачать этого прохвоста Дгебуадзе, теперь перед новым фактом поставили. Хватит! Сегодня же все должно разъясниться...»

Лаша встал, надел пальто, поднял воротник и, полный решимости поставить точку над «и», отправился домой.

По дороге он обдумывал, с чего начать разговор. Сперва решил спокойно высказать свое отношение к происшедшему. Но вспомнив письмо с поддельной подписью, залился краской стыда и гнева.

«Проглотить это — значит признать, что мы кормимся из одной кормушки. Только бы Евтихий оказался дома...»

Лаша торопился, но такси все же не взял. Ему нужно было время, чтобы подготовиться к предстоящему объяснению.

Сердце тревожно забилося, когда он увидел во дворе машину тестя. Взбежав по лестнице, остановился перед знакомой дубовой дверью, перевел дух и только потом открыл ее своим ключом.

Евтихий в гостиной просматривал газеты. Лола хлопотала по хозяйству. Цисана сидела за роялем. Ника, лежа на ковре, возился с игрушками.

— Папа пришел, папа! — закричал он, увидев

отца. Бросив игрушки, мальчик подбежал к нему, обхватил за ноги.

Лаша поднял его на руки, поцеловал в щеку и осторожно опустил на пол.

— Лаша, что с тобой, сынок? Почему ты так бледен? — Лола, всегда внимательная, заметила его смятение.

— Почему так рано? Что-нибудь случилось? — испуганно спросила Цисана.

Евтихий отбросил в сторону газеты и с нескрываемым любопытством уставился на Лашу.

— Что случилось? Гостиница, что ли, рухнула или того хуже, сгорела?

— Гостиница цела, а вот Бежан осрамил меня перед всей стройкой, — ответил Лаша.

— Что еще выкинул этот негодник? — Лола схватилась за голову.

Евтихий сразу все понял. Ведь это он составил Бежану список стройматериалов, необходимых для завершения строительства дачи.

— Помолчи, наконец, — рявкнул он на жену. — Нечего впадать в истерику по любому поводу! Соседи вокруг. Небось, уже навострили уши, услышав твой вопли! — Обернувшись к зятю, Евтихий процедил сквозь зубы:

— Что он такого сделал?

— Вы прекрасно знаете что, — Лаша не сводил с тестя пристального взгляда.

— Ничего не знаю, — Евтихий мотнул головой и нервно провел рукой по редющим волосам. Потом встал, подошел к окну. «Подумать только, как обнаглел этот шенок», — злоба душила его, но в следующий же миг он принудил себя улыбнуться, в надежде, что зять не посмеет грубить ему в присутствии жены и дочери. — Так что же натворил мой сын, а твой шурин?

Лаша подробно рассказал о случившемся.

Лола ударила себя по щекам и запричитала:

— Он с ума сошел! Это же неслыханно! Он погубил Лашу!

— Я не знал, куда деваться от стыда, когда сто-

рож рассказал мне все это, — говорил Лаша, опускаясь в кресло, — ну, а когда появился прораб с этим подложным письмом, меня чуть не хватил удар. Что он подумал? Если все будут таскать материалы, да еще грузовыми машинами, как я выстрою эту гостиницу?

Этого стерпеть Евтихий не мог. Если сейчас же не заткнуть рот наглецу, подумал он, потом будет поздно. Кровь бросилась ему в голову, и он закричал вне себя от гнева:

— Мой сын для тебя — это не «все»! Понял? Подумаешь, что случилось! Может быть, мир перевернулся?

— Папа, папочка, успокойся, а то давление поднимется, — уговаривала отца Цисана.

— Чего ты кричишь! Только что сам мне выговаривал... Что подумают соседи? — вступила Лола.

— Нет, мои дорогие, ничто не заставит меня замолчать! — глаза Евтихия метали молнии. — Знаешь ли ты, кто содержит твою семью? Кем живы они — твоя жена и сын, да и сам ты, благодаря кому живете, не стесняясь расходами, на широкую ногу?

— Довольно уж, Евтихий, — Лола попыталась успокоить мужа, но он, махнув рукой, с еще большим ожесточением прогрохотал:

— Из-за тысячи кирпичей столько шума и упреков?! Неужели Евтихий Тохадзе заслужил такое от своего зятя?!

— А вы тут при чем? — с деланным простодушием осведомился Лаша.

— Я послал Бежана на стройку. Мне нужны были эти материалы, чтобы закончить строительство дачи для твоей жены и сына! — отчеканивая каждое слово, ответил Евтихий.

— Я не просил вас строить мне дачу!

— Молокосос! Как ты смеешь со мной так разговаривать? — и Евтихий стремительно вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Ника заплакал. Цисана бросилась к сыну, подняла его, прижала к груди. Ни слова не говоря, с упреком смотрела на Лашу.

— Стоило, действительно, поднимать столько шума из-за каких-то кирпичей, — обиженным тоном про-

говорила Лола, — он же для вас старался. С собой в могилу еще никто ничего не брал...

Дверь в комнату отворилась, и на пороге показался Евтихий.

— Капли и что-нибудь от давления, — бросил он Лоле, и в тот же миг тяжелая дубовая дверь с грохотом захлопнулась.

Лола поспешила в комнату мужа.

— Добился своего? Ты же знаешь, что у папы давление и больное сердце!

— Эта стройка — не моя собственность! Хотите, чтоб меня привлекли к ответственности? В тюрьму посадили? — взорвался Лаша.

— Вот, оказывается, чего ты боишься? — Цисана мрачно взглянула на мужа. — Мужчина должен уметь рисковать! Или, по крайней мере, знать, что из-за тысячи кирпичей его никто в тюрьму не упрячет.

— Цисана!

— Не кричи! Не пугай ребенка! — Цисана смерила его взглядом и неожиданно жестко произнесла: — Если у папы поднимется давление, я тебе покажу!..

— Как это понимать?

— Ноги твоей здесь больше не будет!

Ее слова сразили Лашу. Какое-то время он стоял неподвижно, понутив голову. Затем, как бы очнувшись, устремил долгий взгляд на ребенка и направился к двери.

— Не смей ничего говорить Бежану! — Цисана бросилась за ним.

— Я его, пожалуй, уже не увижу. А ты передай ему: пусть вернет все, что взял. В противном случае я обращусь в суд.

— Ты что, забыл, что Бежан — мой брат?

— Я не забыл. Но ты... как ты могла позвонить прорэбу?

Цисана на миг побледнела, опустила ребенка на пол и, недобро сверкнув глазами, воздела руки и в отчаянии воскликнула:

— Будь проклят день, когда я встретила тебя!

— Да уж, действительно... — с грустью проговорил Лаша и, резко повернувшись, шагнул за дверь.

— Неблагодарный! Трус! — кричала ему вслед Цисана.

— Папу хочу, папочку... — ревел Ника. Прибежала Лола.

— В чем дело? Что случилось, Цисана? Где Лаша? Ответом был только Никин плач.

— Где Лаша, Цисана? Что он, ушел? — Лола заплакала.

— Папочка... хочу папочку... — захлебываясь, плакал ребенок.

— Никуда твой папочка не денется! — едва сдерживая слезы, со злобой крикнула Цисана.

Лаша не вернулся домой ни в тот вечер, ни в последующие дни.

Лола места себе не находила.

— Будь проклята эта дача! Из-за нее разбилось счастье моей дочери.

— Что ты называешь счастьем, мама?

— Хорошего мужа. Для женщины это главное.

— Такой муж, как у тебя, это счастье, да. Ты живешь, как королева! А я? Что для меня сделал мой муж?

— Ты думаешь, я всегда так жила? Достаток пришел потом, со временем. Поначалу мы жили в одной комнате и ничего не имели.

— У него такой характер, что и потом ничего не дождешься. Видела, какой скандал он поднял из-за ерунды? Его добропорядочность все равно бы меня доконала. Поэтому чем скорее все кончится, тем лучше.

— Ты с ума сошла! Он же отец твоего ребенка! Поинтересовалась бы, по крайней мере, где он.

— Этого только не хватало. На стройке, конечно. Где ему еще быть?

— Цисана, детка, ты же любила Лашу?

Цисана почувствовала, как к горлу подступает ком и, чтобы не расплакаться, закричала:

— Да, да, по вашей милости я потеряла мужа! И вы же еще мне мораль читаете? Пусть лучше Бежан вернет, что вывез со стройки! Не то увидите, что будет... Лаша не простит ему этого! Я же знаю его характер! Сказал, что подаст на него в суд. И не сомне-

ваюсь, что так и делает. Неужели Бежан не мог до-
стать эти проклятые кирпичи в другом месте?

— При чем тут Бежан! Они нужны были не тебе,
а твоему отцу!

— Да, именно мне... — со значением повторил Евтихий, входя в комнату, — и я не имел права побеспокоить своего зятя, который сидит у меня на шее вместе со своей семьей?!

— Всю свою зарплату он отдавал маме. Что еще он мог? — вступилась за Лашу Цисана.

Евтихий улыбнулся.

— Зарплату он отдавал, согласен. Но сколько ты брала у меня?

— Ты попрекаешь меня, папа? — Цисана разрыдалась.

— Что ты говоришь, Евтихий? — глаза Лолы наполнились слезами.

Разговор прервал звонок в дверь. Все переглянулись. Цисана поспешно вытерла глаза.

Лола вышла в холл.

— Приветствую вас! — раздался оттуда голос Бежана. Он вошел в комнату. В руке у него был мяч. — Никала, смотри, что я тебе принес!

Мальчик подбежал к дяде и с криком «мячик, мячик!» ударил по нему ножкой.

— Осторожно! Он все тут перебьет! Это не твоим отцом нажито! — рассердился Евтихий.

Бежан настороженно взглянул на отца, потом перевел взгляд на заплаканную сестру.

— Что-нибудь стряслось? — выдавил он в смущении.

Евтихий не отвечал. Он встал, прошелся по комнате, остановился перед Бежаном и тихим, спокойным голосом произнес:

— Верни Лаше все, что взял у него, и передай — пусть возвращается.

— Как вернуть? Все уже использовано, — Бежан заморгал глазами.

— Я сказал: верни все, что взял, — повторил Евтихий и вышел из комнаты, но тут же вернулся и невозмутимо добавил: — Не подумайте только, что я

унижаюсь перед этим законником, но на сегодня так надо. А вообще-то во всем виноваты, конечно, вы, барышня. Нечего сказать, выбрала муженька! В горле застрекает из страха перед ним. Спасибо, дорогие дети, уважили отца! Невестка и зять у меня — лучше не сыщешь!

Цисана всхлипнула.

Бежан молчал.

— Немедленно верни ему все, не то не избежать тебе тюрьмы! — повторил Евтихий, — И передай от моего имени, пусть возвращается. Сегодня же!

— Сегодня я ничего не смогу найти.

— Верни завтра, но обязательно.

— Я не хочу, чтобы он возвращался! — вдруг заявила Цисана.

— Что?! — Евтихий недобро сощурился — верный признак того, что он сильно разгневан. — Я уже давно понял, что ты не жалуешь своего муженька и что твое замужество — очередной каприз... Одурачила меня?! Пожалуй, это единственный случай в моей жизни, когда меня оставляют в дураках, и кто же — моя собственная дочь!

Поздней ночью к строительству подъехали две машины — грузовая и легковая. Из легковой вышел Бежан, вызвал сторожа и попросил принять вывезенные неделю назад стройматериалы.

Наутро сторож рассказал об этом Лаше.

— Говорил, что возвращает все без остатка, вот проверьте, пожалуйста.

Улыбка скользнула по лашиному лицу, он с облегчением вздохнул и справился об Угрехелидзе.

— Вот-вот появится, он вроде вас — ни свет ни заря уже здесь, — сторож вдруг рассмеялся, — а вы, видать, здорово отчихвостили своего шурина, коли он так поспешно возвратил все в целостности и сохранности.

...Строительство подходило к концу. Лаша мечтал съездить осенью в деревню к родным. Ему хотелось отдохнуть. Четыре года, проведенных в бесконечных трудах и заботах, дали о себе знать. Усталость навалилась как-то вдруг, сразу — после семейного разрыва. Сердце сжималось от никиного плача, который все

еще стоял в ушах, от горьких, несправедливых слов Цисаны...

Не снимая пальто, Лаша сел за рабочий стол.

— Вы здесь? — голос сторожа вывел Лашу из задумчивости. — Ладо пришел, проверил, говорит, возвращено все до последнего гвоздя. — Миха положил на стол сложенный вчетверо лист бумаги.

— Шурин ваш оставил.

Лаша раскрыл лист и начал читать.

«Не думал я, что ты так рассердишься, иначе и близко к твоей стройке не подошел бы... Прошу забыть обо всем. Я вернул все, что взял, и давай не будем делать из мухи слона. Папа просил передать, что ждет тебя к обеду. Не опаздывай. Твой Б. Т.»

Лаша невольно усмехнулся. «Как легко для них оскорбить человека, а потом идти на мировую...» Он подошел к окну, выглянул во двор. Рабочие старательно укладывали кирпичи вдоль забора. «Сломанную чашку не склеешь, отрезанный ломоть к хлебу не прилепишь. — думал Лаша. Он перевел взгляд на почти законченную гостиницу и почувствовал удовлетворение. — Пожалуй, я попаду к своим в деревню еще до осени».

В один из воскресных дней Лаше неожиданно встретился Матэ.

— Лаша Симонович, что вы здесь делаете?

— Вот купил рубашку, а ты?

— А я решил заглянуть просто так. У меня сегодня выходной, люблю болтаться по магазинам.

— Пообедаем вместе? — предложил Лаша.

— С удовольствием. Тут неподалеку есть хорошая закусочная, или вы ресторан предпочитаете?

— Я и позабыл дорогу в рестораны, не до них было.

— Тогда пошли со мной.

— Только не спорить, сегодня приглашаю я, Матэ.

Матэ, улыбнувшись, кивнул головой.

— Сперва пообедаем, потом решим, кто угощает.

Они выпили по стаканчику, и Матэ спросил, как идут дела на строительстве.

— Сдаем гостиницу приемочной комиссии. Еще не-
деля, и кончим все дела.

— И куда потом?

— К своим, в деревню. Хочу отдохнуть.

— А потом с новыми силами за работу?

— Я, наверное, останусь в деревне. Мне и там
найдется дело.

— А ваша жена? Она ведь в консерватории учит-
ся...

— Ну и будет учиться.

— Я что-то не пойму, она здесь, вы — там?

— Видишь ли, Матэ... Я ушел оттуда.

— Почему? — Матэ был поражен.

— Не пришелся ко двору. Чужой я им...

Лаша отпил из стакана и рассказал Матэ о слу-
чившемся.

— Ты помог мне понять истинное положение ве-
щей. И когда я выразил свой протест, жена прямо ска-
зала мне, чтоб я убирался. Меня фактически выстави-
ли оттуда.

— Ну и дела! Что за люди! А ребенок?

— С того дня я его не видел; да и не пытаюсь уви-
деться, знаю, ничего из этого не получится.

— Они не имеют права не показывать тебе ребен-
ка... Хочешь, я зайду за ним, поднимемся на Мтацмин-
да, там столько развлечений для ребят.

— Мы как-то были с ним там.

— Пошли! Выпьем этот бокал за тебя, за твои ус-
пехи и пошли... Вот увидишь, твоя жена не откажет,
отпустит мальчика, — он осушил бокал, расплатился
с официантом и, подхватив Лашу под руку, увлек его
за собой.

Они сели в первое попавшееся такси, и Лаша на-
звал шоферу адрес.

Очень скоро машина остановилась возле знакомо-
го четырехэтажного дома. Матэ вышел и направился к
подъезду, на ходу поправляя рубашку.

Шофер повернулся, хотел что-то сказать Лаше, но
тот с таким напряжением смотрел вслед Матэ, что
слова замерли у него на губах.

«Неужели я увижу Нику? — сердце у Лаши сту-
чало так громко, что, ему казалось, было слышно даже
шоферу. — Я не видел его целых три месяца... А дети

так забывчивы! Вдруг Цисана не отпустит ребенка?»

Показался Матэ.

Лаша вышел из машины.

— Категорический отказ! — Матэ весь кипел от злости. — Что за люди! Даже в дом не пригласили.

— Я так и знал. А ты мне не верил.

Лаша бросил на переднее сиденье деньги и махнул шоферу: поезжай, мол, а Матэ предложил:—Пройдемся, подышим воздухом.

Лаша и Матэ шли в полном отчаянии, не замечая прохожих. Каждый думал о своем. Наконец, Матэ нарушил молчание

— Хочешь знать правду? — он остановился и взглянул Лаше в глаза. — Ты выбрался из крошечного ада!

— Не так уж они плохи, просто удовольствие загубило их.

В воздухе носились ароматы весны. Цвела акация. Чинары покрылись ярко-зеленой листвой. Высоко в небе реяли ласточки.

— Что будешь делать? — спросил Матэ.

— Я же сказал, сдам гостиницу и поеду к своим, в деревню.

— А если сперва съездим ко мне в деревню, отдохнешь немного, а потом пойдешь к своим?

— Зачем мне твоя деревня?

— Как это зачем?! Знаешь, какая она красивая! И дом у нас хороший, с садом! Там моя вдовая сестра с сынишкой живут. Передохнешь, в себя придешь, а то покажись ты в таком виде матери, да еще со своими новостями, каково ей, бедной, придется? И отцу вряд ли доставишь удовольствие своим видом.

— Спасибо тебе, Матэ.

— Благодарить потом будешь...

— Когда буду уезжать, сперва приеду к тебе, честное слово.

— Родным в таком виде не показывайся, пожалей стариков.

— Они у меня совсем не старики, Матэ. Отцу и шестидесяти нет.

— Тем более, значит их не проведешь. Достаточно взглянуть на тебя, чтобы понять: случилась беда.

— Я так плохо выгляжу? — Лаша улыбнулся.

— Ты еще шутишь?

Лаша опустил голову. Они шли в полном молчании, не замечая прохожих.

— Ты хочешь остаться один, я пойду, — сказал, наконец, Матэ. — Но помни о моем предложении.

Лаша улыбнулся ему в ответ.

На другой день позвонила Лана и сообщила Лаше, что заболел Гиви.

«Узнали, наверное, что мы с Цисаной расстались, вот и интересуются, как да что... Идти и рассказывать все от начала до конца... Нет, это выше моих сил. Не пойду».

Однако к концу рабочего дня Лана позвонила снова и от имени матери попросила Лашу обязательно навестить их сегодня. Потом трубку взяла Тамара Ивановна и сказала, что ждет его. Лаша не мог ей отказать и после работы отправился к Нацвлишвили.

Дверь открыла хозяйка.

— Как поживаете, Тамара Ивановна? — спросил Лаша, целуя ее в щеку.

— Старею, сынок, а мои дети и в ус не дуют. Мечтаю о внуках, но они не спешат обзаводиться семьями. А ты где пропал? Совсем нас забыл...

— Вы же знаете, я все время на работе. Совсем нет свободного времени.

— Строительство ведь закончено, недавно я проезжала мимо, красивая получилась гостиница, белая, как храм, величественная и вместе с тем какая-то удивительно воздушная. Поздравляю, сынок. Мы все гордимся тобой.

Лаша поблагодарил Тамару Ивановну и негромко спросил:

— Гиви все еще лежит?

— У него приступ радикулита. Слушай, Лаша, что произошло у вас с Цисаной, вы что, расстались?

Лаша помедлил было с ответом, но потом утвердительно кивнул головой.

— Почему? Мне казалось, вы так счастливы...

— Очень долго рассказывать... Если в двух словах — не сошлись характерами.

— Мне очень жаль.

Дверь гивиной комнаты распахнулась, и Лана бросилась навстречу Лаше.

Гиви, небритый, с ввалившимися щеками, выглядел похudevшим. Он протянул Лаше руку и сделал попытку приподняться.

— Видишь, что сделал со мной радикулит?..

Лаша поцеловал его, помог ему сесть в постели.

— Сейчас еще ничего, могу, по крайней мере, сидеть, а если поднатужиться, то и встать. Но больше двадцати минут оставаться на ногах не могу. А ты как?

Лаша исподлобья посмотрел на него и пожал плечами.

— Цисана была у нас, сказала, что вы разошлись, — тихо проговорила Лана.

— Ты окончательно решил? — спросил Гиви.

— Да.

— Значит, ты жених? — Лана улыбнулась. — А не женился бы ты на одной девушке довольно приятной наружности, из хорошей семьи, с образованием? — она удобно устроилась в кресле и, кокетливо склонив голову, ждала лашиного ответа.

— Такая девушка уже была моей женой. Повторяться не собираюсь, — полушутливо-полусерьезно ответил Лаша.

— Получила! — зло бросил Гиви сестре.

— А ты молчи, — Лана растерялась, но постаралась не подать виду, — а если она поедет за тобой за тридевять земель?

— Я не собираюсь уезжать за тридевять земель.

— Та девушка... любит тебя, Лаша, по-настоящему... — Лана опустила голову.

— Скажи той девушке, пусть не играет с огнем, нельзя во всеуслышание кричать о своих сокровенных чувствах. И потом, как мне кажется, она собирается породниться с моей бывшей женой, поэтому вести подобный разговор немножко неудобно.

— О чем он говорит? Кто с кем собирается породниться? — Лана бросила быстрый взгляд на Гиви и вдруг вызывающе усмехнулась: — Ищешь предлога, да?

— Лана! — Гиви был в ярости. — Перестань ва-

лять дурака! Наглая девчонка! Немедленно выйди отсюда!

— А вот и не выйду! И не кричи, я тебе не ребенок!

— Тем более непростительно... марш отсюда! — Гиви запустил в нее подушкой, но она сумела увернуться, и подушка заскользила по полу.

— Эх, вы, горе-рыцари! — сквозь слезы крикнула Лана и выскочила из комнаты.

— Через три года консерваторию закончит, а ведет себя, как ребенок... — Гиви не хотелось возвращаться к прежней теме, но, поскольку Лаша хранил молчание, он, подавив неловкость, смущенно спросил: — Кто сказал тебе, что мы с Цисаной...

— Интуиция. Да и Дамана на кое-что открыла глаза. Потом я видел вас вместе. Только не думай, что я злюсь на тебя.

Гиви не знал, что ответить, как оправдаться.

Их связывала давняя дружба, и Гиви не хотел недомолвок. Он предпочел быть откровенным.

— Я влюбился в Цисану с первого взгляда. Но посчитал себя не вправе мешать твоему счастью. И в том, что вы не сошлись характерами, нет моей вины.

— Тебе об этом Цисана сказала? — совершенно спокойно спросил Лаша.

Гиви, закуривая, кивнул головой.

— Да, не сошлись... Бывает... А вы, может быть, сойдетесь. Желаю удачи! Только сына мне не притесняй...

— Что ты говоришь, Лаша!

Лаша резко поднялся и вышел из комнаты.

Приемочная комиссия заканчивала работу, когда заместитель управляющего трестом вызвал к себе Тархнишвили.

В кабинете Дгебуадзе толпились сотрудники — только что закончилось совещание. Все поздравляли Лашу с успешным завершением работ. Наконец, Дзуку и Лаша остались одни.

— Пришла слава, и семья уже не нужна?

— Кто вам сказал?

— Без тебя они, конечно, не пропадут. Но ты действительно ушел из дому?

— Да!

— Евтихий Тохадзе не заслужил этого! Да, благодарным тебя не назовешь!

— А о причине моего ухода вам доложили? ведомился Лаша.

— Что о ней говорить! Это ясно, как день!

— И все же?

— Мне кажется, я уже сказал: ты неблагодарный человек! Бедняга Евтихий! Легко ли пережить несчастье дочери!

Лаша усмехнулся.

— Что тут смешного?

— А то, что вы выставляете моего бывшего тестя этакой божьей коровкой.

Потеряв самообладание, Дгебуадзе вскочил и хлопнул кулаком по столу.

— Ты думаешь, что получишь новый объект? И не надейся! Я заставлю тебя побираться, как последнего попрошайку!

— А если я преподнесу вам золотой портсигар? Вы и тогда пожалеете для меня пусть даже самую незначительную должность?

Дзуку, как подкошенный, упал в кресло.

— Это был мой портсигар!

Тархнишвили взял со стула свою белую полотняную кепку и направился к двери. Дверь в это время открылась, и в кабинет вошел Лабадзе.

— Вы здесь! А я собирался послать за вами! Завтра торжественное открытие гостиницы, и министр просит, чтоб вы обязательно присутствовали.

— Спасибо, но вряд ли я смогу.

— Вы обижены, что мы обошли вас наградой?

— Ну что вы! Ни о какой награде я и не помышлял. За свою работу мы получали зарплату, да и премиями нас не обделяли.

— Министр собирается поручить вам новый объект, но об этом пока молчок... Я ничего не говорил... — Лабадзе, улыбаясь, похлопал Лашу по плечу, — молодец, Тархнишвили, здорово вы поработали!

Лаша бросил выразительный взгляд на Дгебуадзе

и, обращаясь к Лабадзе, в смущении покачал головой:
— Простите, Самсон Несторович, мне бы ^{очень} хотелось немного отдохнуть.

— А ведь он действительно устал, — живо откликнулся Дгебуадзе, — возвести такую гостиницу, да еще на полгода раньше срока...

— М-да, это огорчит министра.

— Работа для него всегда найдется, Несторович. Пусть отдохнет. Потом что-нибудь подыщем, — гнул свое Дгебуадзе.

— Вряд ли я и потом вас побеспокою. Хочу взять тему для диссертации...

— Да вы созданы, чтобы строить! — воскликнул Лабадзе. — Пусть другие натаскивают студентов, а вы нужны нам, строителям! Снова будете строить высотное здание! Нет, я вовсе не хочу умалить роль лекторов, но тот, кто привык к строительной площадке, не сможет запереться в четырех стенах, — Лабадзе помолчал, потом спросил: — Сколько вам лет, Лаша?

— Двадцать девять.

— Когда мне было столько же, я строил в Зестафони среднюю школу и воображал себя Давидом Строителем. — Лабадзе перевел взгляд на Дгебуадзе: — А ты что делал, Дзуку, в тридцать лет?

Дгебуадзе махнул рукой.

— Пусть поедет отдохнет, — сказал он, не отвечая на вопрос. — Он заслужил это.

— Ладно, а как вернетесь, сразу ко мне, — Лабадзе пожал Лаше руку и вышел из кабинета.

— Дзуку Петрович! — Лаша в упор смотрел на Дгебуадзе. — Верните Евтихию портсигар...

— Значит, из-за этого неприятности?

— Там было много причин, но он часто напоминал мне, что это вы устроили меня на работу и сделали человеком.

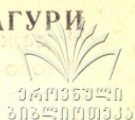
Дзуку не сразу нашелся, что ответить.

— Иуда! Сегодня же верну ему портсигар!

— До свидания! — Лаша открыл дверь.

— До свидания, Лаша, — как ни в чем не бывало ответил Дзуку. — А ты понравился министру. Теперь он тебя в покое не оставит. Поэтому до встречи, Лаша!

Окончание следует

ПЛЯСКА

Грохот и гром, скрежет и визг,
 Дым табачный слоями повис,
 Завыванье и жуть, барабан бухает, трубы ржут.
 Люди дергаются музыке в такт,
 Извиваются, словно змеи,
 И я сижу на краешке стула так,
 Что пошевелиться не смею.

Неподвижная, я отражаюсь в их прыгающих глазах,
 Как неодушевленный предмет,
 Как, скажем, бутылка вина.
 На краешке стула сижу одна.

Закрываю глаза, чтоб не видеть дикую пляску,
 Закрываю уши, чтоб не слышать дикие звуки,
 Но все равно все грохочет, мелькает, лязгает,
 И я на колени опускаю бессильные руки.
 Я могла бы броситься к двери,
 Я могла бы выбежать в поле,
 К чистому воздуху, сладостно наполняющему грудь,
 К свежему воздуху, прохладой омывающему лицо.
 Но волны табачного дыма мне преграждают путь,
 Но люди, прыгающие неумоимо,
 Образовали вокруг кольцо.

Вот женщина. Дергается напряженным телом.
 Она старается вызвать желанья
 В юноше, прыгающем перед ней наподобье паяца,
 Точно также в постели с тобой,
 Напрягаясь все тем же телом,
 Вызывая и утоляя все те же желанья,
 Извивалась она..
 А юноша прыгает наподобье паяца.

Потом она навесить приходила больную меня,
 И я ее благодарила,

Национальная библиотека
Республики Беларусь

И даже погадала ей на кофейной гуще,
Много слов хороших наговорила,
И она, как будто, верила каждому моему слову,
А я, как будто, радовалась ее восторгу,
Так мы обманывали друг друга в течение дня.

Ей, оказывается, понравилась моя прическа.
— Да, я не только гадать умею.
Волосы ее укладывая и расчесывая,
Я хлопотала и колдовала над нею.
Она послушно, как ребенок, сидела на стуле,
Не могла я дотрагиваться лишь до ее шеи,
Которую ты, наверное, целовал.
Потом мы попрощались,
Радуюсь, что друг друга ловко так обманули,
И она пошла куда-то на карнавал.

Донесла ли она до карнавала мою прическу?
Вон волосы ее, как у ведьмы, распущены,
Вон она беснуется, отбивает чечетку,
Вон она извивается, как будто уже нагая,
Но время ею, как видно, упущено,
Ты на нее сегодня не смотришь,
Тебя сегодня интересует другая.
И тебя раздражает, что я все вижу и понимаю.

Да, ты хочешь, чтоб я оглохла,
Да, ты хочешь, чтоб я ослепла,
Но я и так то глаза закрываю,
То уши ладонями зажимаю,
Но дело твое, как видно, плохо.
Все вижу вокруг, все слышу, все знаю.

Больше всего ты хочешь, чтоб я исчезла,
Чтоб не было меня вообще и чтоб я тебе не мешала.
Для этого ты даже улыбаешься ласково, подходишь
близко,

Словно кость мне бросаешь, но все бесполезно.

Я сижу на краешке удобного кресла
В удобном углу танцевального зала,
Я делаю вид, что на вас не гляжу,
Я взглядом по лицам другим повожу,

Гляжу я на стены, на потолок,
Но джаз гремит, джаз не умолк.

А женщина тебе издалека улыбается,
А женщина для тебя вдалеке извивается.
Она хочет вырвать тебя из круга чести,
Из совести круга...

Господи, как это у вас получается?
Вы уже в дальнем конце и оба вместе,
Вы уже третесь там в танце друг о друга.

Никакие первоклассные футболисты
Не пересекают с мячом футбольного поля
С такой же точностью и быстротой.

Сработано здорово, сработано чисто!
Ну что же, милый, вольному воля...
Только сейчас ты был близко-близко,
И вот ты уже рядом с проклятой, с той.
Я хлопаю в ладоши, я бурно вам аплодирую, я вам
кричу «молодцы!»

А оркестранты думают, что они такие хорошие,
Что я для них кричу и скандирую,
И с новой силой дуют во все концы.

Теперь-то уж точно я оглохну.
Ты, наверное, думаешь: «Чтоб она сдохла!»
И за руку тащишь меня в танцевальный круг.
Ты очень хочешь меня не видеть,
Ты нарочно хочешь меня обидеть.
Вдруг я вспылю, накричу, убегу, исчезну вдруг.

Но я улыбаюсь, показывая все свои зубы.
Вот и повод. Ты мне замечаешь грубо:
— Не смейся, это тебе не идет,
Виден твой золотой зуб.

Ты достигаешь цели,
Как кипятком, меня обжигает обида,
Но я улыбаюсь, не подавая вида,
Но не смыкаю улыбающиеся губы.
Как ты ненавистен мне, отвратителен, груб.
Мой золотой зуб сверкает,
Наверное, он отражает

В уменьшенном, крохотном виде
Бокалы, и серьги, и яркие платья,
И люстру, и ту, что стремится в объятья твои,
Все вокруг, всех вокруг отражает,
Лишь слезы, что мне на глаза набегают,
Горячие, горькие слезы обиды
Никто не увидит, никто не узнает...

Из дикого танца, из круговерти,
Как в убежище,
Возвращаюсь на стул, на котором сидела,
Стараюсь себя успокоить,
В свое равнодушие поверить.
Но музыке в такт по столу барабаню рукою,
Но музыке в такт под столом стучу каблуками,
Но музыке в такт я дергаюсь то и дело.

Едруп замечаю,
Что кто-то из всей этой крутящейся массы,
Сквозь все эти визги, и крики, и танцы,
Смотрит на меня постоянно,
Целый вечер за мной наблюдает,
Смотрит пристально, смотрит отчаянно,
Взгляды мне, как веревку спасенья, кидает.

Он хотел бы со мной танцевать,
Он хотел бы меня обнимать.
Но знает, что в любви не свободна я,
Он считает, что я твоя.
И не делает нужного шага.
И вот — он глядит на меня, а я гляжу на тебя.
О, мужчины, где ваша отвага?

Ты танцуешь совсем неумело. Но в этом ли дело?
Кому здесь нужно умелым, красивым танцором
казаться?

Главное — телами друг друга касаться,
Главное — телами друг о друга тереться,
Извиваясь и прыгая оголтело.

А я вспомнила, как мы в первый раз
С тобой, милый мой, танцевали.
Приютил ресторанчик какой-то нас.

Но негде было за столик сесть,
Не было в час тот свободных мест —
И завертело нас в танцевальном зале.

Как я была тогда голодна...
Но музыка буйствовала, хмельна,
И я забыла про голод.
Я летала, парила, качалась, плыла,
Я оторваться тогда от тебя не могла,
А сердце стучало, как молот.
И когда нам все же дали места,
Я жалела, что кончается танец.
Была драгоценной минута та,
Больше она никогда не настанет.

А мужчина глядит на меня между тем
Из музыки, из пляски, из табачного дыма,
Из мельканья, и тряски, из гибких тел,
Он глядит и манит к себе меня,
Проникая в душу мою глубоко.
Он понял, что хоть и считается — я твоя,
Но я одинока.

Он понимает, что я свободна.
Наконец, он осмелился.

Он приглашает меня на танец,
За руку меня берет и решительно тянет,
За руку ведет меня в танцевальный круг.
Итак, наступила минута моя,
Я танцую, так радостно танцую,
Так яростно танцую я, что ломается мой каблук.
Но что мне каблук? Что мне все каблуки?
Пошли виражи, пошли круги.

И без каблука с танцем я справляюсь,
Я хочу, чтоб ты видел, как я кружусь,
Какой я красивой всем кажусь,
Как мужчине этому нравлюсь.

Я стараюсь поближе к тебе танцевать,
Я стараюсь перед глазами у тебя танцевать,
Я стараюсь, чтобы ты ревниво следил за нами.
Но ты за нами совсем не следишь,

С другой танцуешь, на другую глядишь,
Ну, что же, и я танцую с другим.
Я снимаю сломанный туфель с ноги
И размахиваю им, как знаменем.
Все хохочут,
Наконец-то все глядят на меня,
Наконец-то и ты глядишь на меня,
Мой партнер смеется, весь зал смеется,
Трубы визжат, барабан грохочет,
Вино золотисто в бокалы льется.

Теперь я пошла нарасхват,
Теперь я пошла по рукам,
От приглашающих нет отбоя.
Танцую со всеми, извиваюсь,
Наверное, тоже вызывая желанья,
Касаюсь десятков мужчин мимолетным касаньем,
Танцую со всеми, но не с тобою.

Уже я на стуле сажу по-другому,
Не на краешке.
Шампанского? Рому? Мне теперь все равно,
Пусть льется вино золотисто,
Дают сигарету,
Мне теперь все равно, наливайте вино,
Я теперь — королева твиста.

Затягиваюсь. От непривычки кашляю. Ну и пусть.
В голове туманится. Ну и пусть.
Все вокруг качается. Ну и пусть.
Музыка кончается. Ну и пусть.
Разве это хуже, чем тихая грусть?
Дым табачный плавает волокнисто.
Все качается. Поди разберись теперь,
Где выход отсюда, где выход, где дверь,
Где тихая ночь, где поле чистое?

В тумане какие-то лица.
Та женщина, которой я сооружала прическу,
Спрашивает: — Ну, ты довольна?
Мягко стелет, да спать-то жестко.
— Довольна. Приходите в гости ко мне опять...
Мужчина, который первым пригласил меня танцевать

Он видит искру в моих глазах,
Но знает, что ее нельзя раздуть,
Чтоб другому не сделать больно.

Он, наверное, думает: кому же верить?
Неужели и эта женщина на измену способна?
Глупец! Я способна на все,
Но, именно, кроме измены.
Но все в табачном дыму смешалось теперь,
Измена, верность,
Любовь и ревность,
От дикой пляски содрогаются стены.

Глупец! Он не знает, что тот, о ком он печется,
Сжег мою верность и даже ревность
И пепел в лицо мне бросил.
И вот я танцую, я пью и танцую,
Курю и танцую, а что же мне остается?

Он танцует с другой? Да — боже!
Боль началась гораздо раньше,
Когда он был со мной, но был равнодушен.
А теперь он мне больше не нужен,
Теперь — я танцую тоже.
Вот этот мужчина,
Который первым меня пригласил танцевать,
Я, пожалуй, люблю его, но как ему об этом сказать?
А, впрочем, зачем мне это?
Но, может, это нужно ему,
Чтоб в своем одиноком холодном доме
Был он словом моим согрет?

Ну да ладно. Как-нибудь после, потом!
Дым табачный клубится.
Бухает барабан, тарелки лясают.
Извиваются женщины,
Табачный воздух хватается ртом.
Продолжается пляска.

О, привет тебе, пляска!
Теперь я равна здесь и с теми, и с теми,
Сравнила она всех толкущихся здесь, и любимых, и нет.
На миллионы вопросов — единый ответ.

Всех внутри танцевального страшного круга
Нас связала одна круговая порука.
Мы толчемся, как рифмы в бредовых стихах,
Мы едины в порыве, едины в грехах.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Пляска праздников, будней, свиданий, разлук,
Обнажившейся груди, сплетения рук,
Истомившихся душ, одиноких сердец,
Похоронных процессий, обручальных колец.
Продолжается пляска.

О, женщин уста! Вы цветение роз, вы сама чистота,
Источать вы должны неземной аромат.
Но прекрасные губы, как трубы, дымят,
Надрываются трубы, тарелки гремят,
Продолжается пляска, свершается ад.

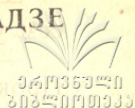
Я встаю, покачнувшись, иду я к дверям,
Я тропу пролагаю сквозь грохот и гам,
Я свою пролагаю дорогу к дверям,
То, что дорого мне, никому не отдам.

Над полями плывет золотая луна,
Над полями стоит тишина, тишина.
А в траве у ручья темнота, темнота,
А в струе у ручья чистота, чистота.

Звезды в небе неслышный ведут хоровод,
Тот, кто любит меня, тот меня здесь найдет,
Где вдали от безумных, грохочущих вас
Я танцую свой звездный,
Свой медленный вальс.

Перевод Владимира СОЛОУХИНА

Н О В Е Л Л Ы

Пачулиа

— До всего вроде дошел, одного не возьму в толк: отчего это море из берегов не выходит?

— Какое море-то?

— Да Каспийское, скажем-возьмем. Кура да Волга, допустим, в час сколько воды наносят? Сколько тонн, а? В день, в месяц, в год? То-то! А сколько тысяч лет Волга в Каспий впадает? А ни на сантиметр не поднимается! Ну, вот ты, ученый, мол, хвалишься! Так растолкуй!

— Испаряется, а потом дождем изливается! — вспомнил я что-то из слышанного в школе.

— Чего? — прямо-таки сотрясся от смеха Пачулиа. — Чего!? Вчера бородатый из третьего корпуса то же самое мне бормотал. Профессор! Так я ему — от ворот поворот. Чего, говорю, там испаряется? Где вы нар-то видели? Ну, летом, скажем, от солнца. А зимой? Зимой-то? Под морозом? Или под дождями затяжными осенними? Сами-то дожди — вода? Вода! А реки вздуты, раз в пять больше воды? И ни на сантиметр!..

Над такими-то сложными, мировыми вопросами ломали мы головы, когда вдруг, прямо как снег на голову, подкатился к нам донельзя толстый человек лет сорока, в пижаме, и, вздыхая и отдуваясь, спросил:

— Который тут из вас Пачулиа, а?

— Ну я, что ли, — спокойно ответил Пачулиа.

— При машинах вы, или как?

— Мы вроде бы! — сложил на коленях короткие, как обрубленные, пальцы Пачулиа.

Толстяк выудил из кармана пятерку.

— Да бросьте, не падо, — застеснялся Пачулиа.

— Нет-нет... Ну, что вы!

— Бросьте, говорю, все равно сдачи с них нет. Совсем уезжаете?

— Да нет, семью хочу прокатить, жену с детьми. Прокачу и вернемся вечером...

— Ну и ладно! Куда торопиться-то? Будет — ладно, нет — и так не пропадем! — отвернулся в сторону и поглядел вдаль Пачулиа.

— Ну так пусть будут у вас. Оно надежнее... — На этих словах толстяк сунул пятерку в задний кармашек штанов Пачулиа и, подходя к машине, разок оглянулся. — За пять дней, стало быть, а?

— Ну! — откликнулся Пачулиа. — Так вот, наука, твердят, наука! И ты думаешь, все она знает, наука-то? Земля, врут, круглая! Да где ж она круглая? Отчего океаны-то не выливаются? Тяготение, скажешь? Какое ж оно такое тяготенье-то, чтоб уйму такую воды удержать? Дурить нас вздумали?! Малый шар, говорят, Земля во Вселенной. Крутится, вертится, и ничего из него не выливается. Ишь! Смеешься? То-то же! — оборотился Пачулиа к присевшему рядом отдыхающему с перевязанной ногой и с палкой в руках — после вчерашнего футбольного матча.

— Да я не о том! Я про то, как ты от денег отказывался-то!

— Неплохой вроде парень, — потупился Пачулиа и вдруг расхохотался.

— Я говорю — это пока тебя не раскусили, а потом как?

— Главное ведь, чтоб не раскусили, а уж потом! Потом-то... — напустил на себя серьезность Пачулиа, с трудом сдерживая чуть не сотрясающий его хохот.

— Чему это вы? — спрашиваю я, будто с луны свалившись.

— Я-то знаю чему, а чему он-то хохочет, вот этот, с ногой? Вон пальцы как распухли, будто шмель укусил. Приедут, и подавай им — диета, бадминтон!... Старик такой, а в футбол полез. Играл бы, когда надо было. Во всем поселке ни одного солидного человека! Больным да тем, кому вода эта минеральная, как воздух, нужна, путевок, небось, не добиться, а этих тут пруд пруди. Вот ты, скажем, для чего приехал сюда? — повернулся Пачулиа к травмированному соседу.

— Мне бы вес немножко спустить, — смущенно улынулся любитель футбола.

— За семь верст киселя хлебать! Дома помещица трескал бы! Мне бы здоровья твоего, а тебе б малость ума от меня. Да где у бога справедливость-то? Хоть чем-нибудь, да обделит. Насмешничают надо мной, издеваются вроде, а погляди на его ногу-то? А теперь на меня, как сознательный человек... То-то.

Пачулиа пятидесяти еще вроде нет, но и немного до того осталось. Низкорослый, с толстой короткой шеей, волосенки, хоть и реденькие, а так аккуратно причесаны, один к одному, — парик да и только. Рот большой, и зубы шербатые. Лицо, хоть и загорелое, а веснушчатое. Один глаз весь красный и слезится, так что поминутно приходится вытирать платочком. Говорит монотонно, без пауз, как неисправный динамик.

— Прежде чем эти наплетут, лучше уж сам расскажу вам про себя. Наплести-то они мастера! Больной, словом, я человек. Три года язвой желудка маюсь. Как ей и не быть, язве-то, при моей нервотрепке? Дома три балбеса, и ни один, сами понимаете, в книгу и глядеть не желает. Старуха меня обвиняет — в тебя, говорит, уродились. Оно и может быть, без образования я, отец из второго класса взял... Да не кричать же об этом день и ночь! Ребята слышат, и сами носы от ученья воротят. Так кто виноват? Не старуха? А вкалываю я где? На ткацкой фабрике со станками вожусь. Дня не пройдет, чтоб что-нибудь не отказало. Железо — оно тоже не железное! Ткачиха — руки за спину. Пачулиа, кричит, Пачулиа! Чтоб тебя разорвало! Туда бежишь, сюда поторапливаешься. Простой станка, а ответственности ни на ком, кроме Пачулиа. Меня тут же за шиворот! Запчасти ящиками лежат, ну их совсем, а толку? Сам чего-то точку, подгоняю...

Ну, что там тянуть? Скопил кое-как пять сотен и подался сюда. Язва, говорю, у меня. Дивлюсь, что не рак, при моей нервотрепке-то. Ждал путевки, ждал, председателя месткома обхаживал. Да где там?! Дѣла у Чиджавадзе нет, кроме моей язвы! Еду я, значить, сюда, а кто-то возьми да и выкради у меня из пиджа-

ка — в купе я его повесил — все денежки на отдых. Кто его знает, кто... До Самтредиа человек восемь вошли и вышли. В руки-то я им не смотрел. Так что тремя рублями явился я сюда. А тут не то что трех, и пятисот моих не хватило бы. Все ведь с рукой протянутой. Да и возвращаться стыдно... Весь Кутаиси обхохочется. Жена, скажем, ничего, а соседи? У всех ведь языки что тебе полотенце банное. Ну, прошелся я, значит, туда-сюда, порасспросил-поинтересовался, знакомых никого, а незнакомый разве доверится? Ну, говорю себе, надо как-нибудь продержаться. Как-нибудь, а надо-таки. Пришел сюда, в пансионат, вхожу к директору, паспорт в руки сую. Директор — во парень, только что назначили, из исполкома перевели, порядочный, не научился еще, как эти-то... Из Кутаиси, говорю, послали сюда, горком, говорю, в курсе. Отдыхающие, говорю, жалуются, на всем курорте ни одной автостоянки. Выделите, говорю, территорию, а пока, говорю, оборудуем, здесь пусть временно ставят. Да у меня штата, говорит, нет на сторожа. Да и сколько стоит оно будет, во что обойдется? Об этом, говорю, не заботьтесь, комнатенку мне только выделите, даром посторожу, говорю. Спасибо, говорит, выручаешь, спасаешь от жалоб, говорит, курортников. И поселил в финском домике вместе с поваром. Днем вот все тут сидим, а ночью сторож на что? Кто сюда заберется машину уводить? Что ни утро, рублей по двадцать притекает, а по выходным и того больше. Рубль за ночь. Караулю-то я их, как хоть, скажем, и ты, зато на душе у отдыхающего спокойно. Ну, собралось кое-что, заплатил я за путевку и живу в первом корпусе припеваючи, в полулюксе. Мешаю разве кому? Стоянка нужна? Нужна! Улучшилось обслуживание отдыхающих? То-то! Да к тому же бесплатно. Не прощу. Сами дают! Так что же, отказываться? Возьмите теперь экскурсии! Перевал рядом. Приехать сюда и из-за каких-то двадцати шести километров не повидать перевала? По пятницам автобус санатория «Трапезунд» отдыхает. Сунулся к водителю: никто, говорю, за это не убьет, соберу тебе народ, и валяй по пятницам на перевал! Согласился. Кто ездит? Да умоляют! Списки за три недели начинаю строчить. Человек триста тут отдыхает? Отдыхает. И всем хочется

съездить. Пятерка со взрослого, по трешке с детей. А мест сколько? Двадцать четыре. Десятка мне, десятка за бензин, предположим, хотя... А восемь десятков? Еще, скажем... Три фотографа на курорте, а все молятся на меня. Прогуливаемся, значит, гурьбой, а я брошу этак небрежно — сфотографируемся, мол, на память. Один из десяти разве откажется...

Так вот и живем. Полтора месяца уже. Дней пятнадцать осталось. И подлечился, и время провел, как-никак. Мешаю кому, скажи? Есть ко мне у милиции дело? Спасибо еще говорят! Стало быть, ежели есть мозги, нигде не пропадешь!

Эти вот посмеиваются-перешептываются: «Пачулиа да Пачулиа!» А что Пачулиа? Пусть за собой каждый смотрит. Пачулиа в таком городе вырос, нигде ему не пропасть!

С тобой я почему говорю откровенно? Солидный потому что, образованный... Не то что эти все... Только и думают — издеваться-насмешничать...

Свинья в городе

До каких, в конце концов, пор — в газете черным по белому — будем в руки деревне глядеть?

Примем и сами меры кое-какие, чем-нибудь поспособствуем. Вырастим-выкормим хоть по одной свинке — чины, небось, от нас не уйдут. Засело у меня в мозгу, не дает покоя. Живу на первом этаже, загончик есть небольшой, с гараж размером. Машину хотел купить в позапрошлом году, да деньги все как сквозь пальцы ушли. Разведу, думал, на месте гаража арбузы... Посадил, а они, хоть и дают побеги, листьев даже сколько угодно, но плодов — ни-ни. В чем тут дело, кто его знает? Вроде бы и навозу подкидывал, и поливал, сорняки вовремя вырывал, холил, лелеял делянку, а толку-то?! Ну, что тут дальше распространяться, — двадцать первого июля купил на рынке поросенка, породистого, с черными пятнами, да и пустил его в загончик, когда-то под гараж отведенный.

Развязал мешок, отскочил назад, дверцу за собою прихлопнул, чтобы, думаю, не убежал поросенок. Представь — ни новому месту не удивился, ни визгал не поднял. Потерся бочком о проволочную ограду и давай рыть землю. Ноль внимания на нас — на меня, то есть, на семью мою, соседей и прочих заинтересованных лиц, так и прильнувших к проволочной загородке. И я, мол, дает понять, свое дело знаю, и вы, мол, займитесь своими. А рыло мощное, ловкое. Одно удовольствие глядеть, как умело работает. С экой энергией, прилежаньем, терпением роет и роет себе землю. Услышит какой-то звук за спиной, замрет, как одеревенеет, поозирается и снова за дело — роет неотомимо, похрюкивает. Набредет ежели к полудню на лужицу, обрадуется, плюхнется и зажмурится от удовольствия. Надобно сильнехонько растолкать, чтобы вывести из блаженной истомы. Нет лужи — в свежесвыкопанной рытвине устроится, брюхом кверху, к свежему воздуху-солнышку. Полеживает да похрюкивает. Не совсем, мол, все так, как хотелось бы, да что подделаешь... Нетребовательный, что и говорить, зверь. Никаких жалоб, ни на хозяина, ни на свинарник. А аппетит? Чего хочешь, поест... То есть, что подкинешь, естественно. Хоть опилки в воде разводи — всю кадущку вылакает, аж самому страшно. И красивый! Поросенок прелесть что такое. А там... вырастет, нальется, ушки торчком, копытца звонкие, сильные! И как мирно, симпатично хрюкает. Тонну земли перевероршит, не охнет. Прекрасное животное! Не нападет никогда ни на кого, не потревожит. Рыльце чистое, розовенькое... А доверчивый какой, незлобивый! Отстегаешь прутом, и не думает обижаться, не таит злобы. Какое животное, скажите на милость, так и повалится в блаженстве, стоит только коснуться брюшка? Закатит глаза, привалится к стенке, если есть она поблизости, и похрюкивает-посапывает. Не привалится, так на спину повалится, хоть ножом проводи по горлу. Какое сердце надо иметь! Человек-то, человек... И теленка зарежет, и мясом голубя не погнушается, так свинью пощадит?

Чего там тянуть — сбили мы на скорую* руку свинарник, и тем день и кончился. Соседи отнеслись к моему внезапному увлечению животноводством во-

сторженно. Сурманидзе с третьего этажа — только и знал, изводил жалобами в милицию — и тот ничего, промолчал. Мало того, еще и — как-то раным-раненько поутру заметил я — мелькнул у свинарника с ведром, а в ведре что? Отбросы. Кто только чего не таскал, весь подъезд работал на подкорм поросенка. В доме-то всегда, нет-нет, да кое-что и останется. Словом, изобилие невообразимое, зверь здоровый, все идет на пользу! Жиреет знай, хорошеет. Кому расскажешь, засмеют, а ты, знаю, поймешь, — ожили мы все с этой свиньей. Только приду с работы, тороплюсь к свинарнику. А она, свинья, значит, глянет искоса, хрюкнет—и снова за дело. Не беспокойся, мол, все—порядок, о'кэй. А сыновья мои? Два парня ведь у меня, неженатых. Один в прошлом еще году окончил, инженер — все работу ему не подыщу. Другой сдавал на филологический, персидский язык вздумал учить — провалился. Частно репетировать не на что, а теперь и срок подошел в армию идти, так что поглядим... Так я, значит, что? Да, парни... Парни мои только и знают, что про свинью говорить. Иногда в самую полночь услышу — смеются. Спрашиваю: чего вы? Про свинью, отвечают, вспомнили. То плошку перевернула, то собаку перепугала, то в грязи вывалялась по уши. Рассказывают, и чуть со смеху не помирают.

Ну, как бы там ни было, а свинья все равно свинья. Конец, сами понимаете, один... К седьмому ноября, решили, заколем. Объявили парням, завтра, мол... Поужинали они неохотно, скучно так, и заперлись у себя в комнате. Я тем временем пару знакомых позвал по телефону.

Рассвело уже, лежу себе, газету просматриваю. В кухне, слышу, возятся. Жена дверь ко мне приоткрывает. «Пантуша,—говорит (меня Пантелеймоном зовут), — не будем сегодня закалывать, к зиме-то оно лучше... И ребята то же сказали». Вкрадчиво так говорит, осторожно, будто долго меня уговаривать. Я ведь только о том и мечтал. Короче, отложили закалывать свинью до первых холодов.

Пролетели ноябрь и декабрь так, что и не заметили. Две недели в командировке мотался, потом грипп

схватил, гонконгский или как его, девять дней не вставал с постели. На работе к концу года, сам знаешь... Так что только по полчаса в день и мог уделять свинарнику и его обитательнице. Стою, а она, знай себе, жует да похрюкивает.

На самое воскресенье рождество пришлось. В субботу обзвонил знакомых и родственников — валяйте, говорю, на свиную вырезку. Утром подкатывается ко мне супруга, во всеоружии, с огромным ножом в руках: «Вставай, — говорит, — пока парни не пробудились! Авось, выпотрошим до завтрака». Потянулся я, поднялся — что было делать. Подкрадываюсь с ножом, что твой пират, к свинарнику... Ты вот смеешься! Я и сам вижу, очень уж девичья, слезливая история получается. Да ведь так оно и было, хочешь верь, хочешь — не верь! Бросилась ко мне свинка резво так, ласково. Стою как виноватый и гляжу деревянно. Видит, корма вокруг никакого, припала к острию ножа, принохивается-похрюкивает. Смотрит — я истукан истуканом. Повернулась и дала деру в свое укрытие. Нет, думаю, сестрица, я тебе не злодей! Отбросил нож, скинул халат — и на рынок. Рынок-то, благодарение богу, рядом. Взял я треть подсвинка и являюсь домой со свертком. Полакомились мы с гостями вечером свиным шашлычком, спели свою любимую и разошлись. Так и спаслась наша хрюшка.

Хоть на Новый год надо заколоть, делать-то нечего. Посовещались мы и решили — пусть старший сын мой заколет. Мужчины за пятьдесят, говорю, чуть не детьми становятся, вида крови не выдерживают — давление подскакивает. Разбегаемся, стало быть, тридцать первого по службам, а жена мне вслед: «Со свиньей-то, — говорит, — как?» — «Приду, — сын говорит, — пораньше, успеется!» Мог я подумать, что увильнет, негодник! Сам нарочно задержался, в сумерки уже явился. Ну, иду — думаю, все уже — закололи, думаю, выпотрошили. И что слышу?! Хрюкает моя свинка! А жена — мегерой на меня бросается, где, говорит, все трое, голубчики? «Чего, — говорит, — ломаетесь, свинью заколоть не можете!» Целый день, выясняется, никто не показывался. «Свинья вон, — говорит, — какая вымахала! Теперь хоть режь, хоть не

режь, за ночь уж не управиться!» Рванул я опять на рынок, в третий раз спаслась наша свинка.

Ну, думаем, по-старому Новый год отметим. Зако-
лем, решили твердо-натвердо, не дадим себя на посме-
шище всему околотку. Пробило тринадцатого девять
утра, оделся я потеплей, выхожу на балкон. Нервничаю,
волнуюсь. Сигарета кажется горькой, как хина. Черт
знает, думаю, что такое — помирать из-за свиньи, что
ли? «Воды нагрей, — кричу в кухню жене, — да пар-
ней ко мне подошли, пусть помогут». — «Не до того, —
отвечает, — тесто мешу! Сам сбегай за ними!» По-
стоял-подождал, терпения уже нету, и рывкнул им
снизу. Что ж вы думаете? Прибрали постели и улиз-
нули, только и видели их. «Ну, погодите вы у ме-
ня!» — зверею, сбегая по лестнице и мчусь к свинар-
нику.

...Свел, чтоб обратно дороги не нашла, вниз, на
самую улицу Канделаки, отвязал, как троллейбус
промчался, поводок и отпустил.

Постояла она, поозиралась, юркнула в газон и
помчалась стрелой вниз, к проспекту Важа Пшавела...

Сторговались

Разверзлись — про та-
кой ливень говорят —
хляби небесные.

Как полил вчера с ут-
ра, так — вторые сутки на исходе — не унимается.
К полудню вроде чуть-чуть ослабнет, капли шлепают
о лужи пореже, небосклон слегка посветлеет, а ветер
тут как тут, — как рванет из прибрежных рионских
рощ, так ливень голодным хищным орлом с новой си-
лой свергается на промокшую дереvuшку.

Что и говорить, время для долгих имеретинских
дождей наступило. Ноябрь вот-вот кончится, все кру-
гом будто выведено тоненьким карандашом. Ветер
прибил всю слетевшую желтую листву к плетням и
заборам. Над домами потянулись голубые дымки, и
из окон повысовывались концы жестяных печных труб.
Улицы опустели, а дворы оживляются лишь оранже-

выми от плодов, но уже безлистыми кронами деревьев в хурмы. Изредка пробежит кто-нибудь от калитки к калитке с мешком на голове, в хлопаящих ореховых шишках не по размеру калошах, руки в карманы... и опять надолго никого...

На самой околице, у поворота, торчит одноэтажный домишко с вывеской «Магазин «Тысяча мелочей». Дюжий продавец в темно-синем сатиновом спецхалате сложил руки на прилавке, уронил на них голову с густой шевелюрой и дремлет-похрапывает.

Покупателей — ни-ни... Один показался-таки. Тщедушный мужичонка лет чуть не шестидесяти, в черном костюме. Неровным шагом вороной влетел в лавку, поогляделся-поозирался и глубоко, всей грудью вздохнул. Подскочил к окну, выжал мокрый, завязанный по углам узелками платок, что на голове был, и принялся промокать им по плечам и коленям (неясно, с какою целью). Пообчистясь, поуспокоился-приободрился и прошел по рядам-витринкам. Грудь с медалью «За оборону Кавказа» выпятил на обозрение, хотя дремлющему за прилавком продавцу она до лампочки — головы даже не поднял, на слух следит за движениями покупателя. «Толку от таких! Небось, от дождя заскочил спастись, или пенсионер-доброволец — член районной комиссии общественного мнения. Небось, такого запросит, чего и в помине нету. Все дефицита, сволочи, ищут, за малым, что и говорить, исключением».

Обладатель медали подскочил к погруженному в думы работнику госторговли и твердым голосом объявил:

— Ваты мне килограмм!

— Чего?

Продавец лениво потянулся и из-под руки взглянул на покупателя.

— Ваты, говорю, — поднял покупатель брови, давая понять, что, ежели речь идет о товаре, реализуемом по обыкновению из-под полы, то ничего, мол, — мы люди свои.

— А где ты ее видишь, вату? — не принял заговорщицкого тона покупатель продавец.

— Да иногда, все больше этак через ночь, во сне

вижу, — позволил себе поиронизировать участник обороны Кавказа.

— Нету ее! — устремил взгляд выпученных, как у бегемота, глаз куда-то в сторону продавец.

— Так что ж вы, в таком случае, за «Тысяча мелочей»? — не на шутку возмущился кавалер боевой медали.

— Что ж прикажешь, «Девятьсот девяносто девятью мелочами» зваться из-за твоей дрянной ваты?! — ухмыльнулся собственной шутке продавец.

— Ты.. это.. вот что. Не до шуток мне! С ребятами своими дома шути. Что тут, я спрашиваю, за «Тысяча мелочей»?

— Тебе чего? Ваты? — повысил голос приказчик. — Так ваты нету! Нашелся тут... выяснять.

— Я, стало быть, чем тут интересуюсь? Что, спрашиваю, за такая «Тысяча мелочей»? — грозно запрыгала у покупателя бровь.

Нашла, как говорится, коса на камень.

— Ты, брат, с левой ноги, что ли, сегодня встал? Руки чешутся?! — Ответственный работник торговли подскочил, упер руки в боки и, пыхтя, пробежался туда-сюда за прилавком.

— Чего тебе, бугаю, в магазине делать? Тебе бы камни таскать с Риони!.. — негромко, со свистом, бросил кавалер боевой медали.

— Бугай, он что может, знаешь? Не пришлось бы поглядеть! — Продавец аж побелел, вцепился двумя руками в прилавок, не оставляя сомнений, что искателя ваты не ждет ничего приятного.

— А ну, приблизься! Приблизься-ка сюда! Поваляю тебя по мокрому полу! — перегнулся, сколько мог, за прилавок тщедушный покупатель, взъерошенным петушком подтянувшись к самому носу приказчика.

Еще рывок или словечко, и два нервозных гражданина схватятся не на жизнь, а на смерть. Будто кровная месть трехсотлетней давности подстегивает их пыл. А ведь минут пятнадцать назад и увидели впервые друг дружку! Ливень, что ли, застлал рассудок?! Поймешь?

На шум высунулся из склада старший продавец

Абрам Мошиашвили. При виде замерших в напряжении продавца и покупателя поднял крик:

— Да погодите вы! Передышка!.. Перерыв, стало быть! По телефону кто-то звонит! Телеграмма! Товарищи из милиции появились!

Убедившись в тщетности своих усилий, пнул продавца, оттеснив его назад, и стал лицом к лицу с покупателем:

— Да правы вы, родной! Правы! Так ему и надо, ей-богу! На пять минут перерыва себе не позволить! Ну, хоть ради меня уймитесь, а там опять приметесь за свое. Что я, мириться требую, что ли? Да ни в коем случае! Думать не думаю...

Напряжение заметно спало, кулаки вроде разжались, после чего Абрам рывкнул на коллегу:

— Да пойдешь ты к ним или нет?! Куда же еще? В склад. Люди ждут. При оружии! Тут еще телефон! Телеграммы целых две принесли. Да ты пойдешь, что ли? Здесь подождем, куда ж нам деваться?

Бегемот стукнул лапой по обширной груди, что-то глухо прорычал, сорвал с себя халат и, швырнув его в угол, покинул арену.

Абрам тем временем подхватил табуретку, перекинул через прилавок и мягко поставил перед покупателем:

— Прошу вас! Вы абсолютно правы! Да кто говорит, что не правы?! Только нужно ли? Стоит? Такой почтенный пожилой человек!

Покупатель, отдуваясь, присел, забарабанил пальцами по прилавок и с напускным спокойствием процедил:

— Разве это жизнь? Ну, сами скажите! Можно теперь обойтись без оружия? Пальни этакому в лоб и осчастливь весь мир...

— Ну, ты загнул! Нервничать из-за Кочои? Хоть бы на человека похож был! Делать тебе больше нечего?!

Внешним обликом, как отметил про себя покупатель, не блистал и Мошиашвили. Рыжая борода его начиналась чуть не от глаз. Сквозь заросли ее пробивался плоский обширный нос да посверкивали глубокие пронзительные глаза неопределенного цвета. К тому же еще и голос тоненький, леденящий.

— Как его по фамилии-то?

— Фамилия? Записана где-то. Вроде на языке, а не вспомню. Где тут упомянуть? Суета! Чем завтракать утром, позабыл... до его ли тут фамилии? Пропали она пропадом! Его самого с трудом здесь удерживаю, все сбежать моровит. Не желает работать, и баста!

— Да что его держать? Гнать его надо! — подпрыгнул на стуле оскорбленный в лучших чувствах покупатель.

— Гнать! Да кутузка по нем скучает! Насчет гнать он и сам востер, говорю ведь, еле удерживаю. Ни копейки, говорит, нет дохода, чего тут сидеть?! Небось, думал, как сунется в магазин, так на подносе денежки потекут...

— Жалобную книжечку... — вперился покупатель в портрет капитана Гастелло на стенке.

— Сию минутку! А ты того, во всех подробностях... без всяких там! Заслужил — получай! Что я — прошу, чтоб ты пощадил четырех его деток? Да пусть голодные бегают! Старший, небось, уже в четвертом! Нам-то слаще, что ли, жилось?

— Да ты не беспокойся, вырастут, похлеще отца будут!

— Ну! А я что говорю? Дети пока еще, что твои ангелочки. Сам никудышный! Ты погоди, тут я за жалобной книжечкой сбегая. Бояться его не хватало! Я, говорит, сидел — расхвастался. Ну, сидел! Ну, и что? Ну, разорвал кому-то рот до ушей? Так что, опасаться его из-за этого?! Ну, милиции не дозовешься, это верно...

То ли четверо Кочоинных детей смягчили покупателя, то ли представший воображению облик жертвы с разорванным ртом, то ли еще что, только он, звякнув медалью, отпрянул от прилавка, успокоился и даже позабыл о жалобной книге.

— И вообще-то... чего это я... будто нашатырем в нос плеснули! Сам-то, впрочем, его ничем не обидел. Ливень! Заскочил, ваты прошу... Килограмм ваты, говорю, отпусти... Кому какое дело, нужно, и баста! Семья, дети... Не из лесу, небось, вышел... — не-

громко, отрывисто бросал покупатель, не переставая барабанить пальцами по прилавку.

— Из-за ваты вся кутерьма?! И ничего дурак этот не сказал? Да ее у меня послезавтра будет — бери, не хочу! Припрячу тебе, сколько душе угодно... И что тебе одно кило? Три-четыре возьми!

— Да на что столько? — В голосе покупателя продребезжала благодарность.

— Тебе не на что, соседу понадобится! Или вообще, пусть себе валяется на чердаке... Мешает, что ли? — настаивал Абрам.

Покупатель совсем растаял, бросил даже сочувственный взгляд на дверь, за которой скрылся Кочоиа, махнул рукой и попятился к выходу:

— Ладно уж... вы, это... Словом... Заставь дурака богу молиться, так он...

— Ну! — подхватил Абрам, преграждая ему дорогу. — Да куда в дождь такой? В ливень-то самый...

— Не растаю, небось, — расплылся покупатель в улыбке, — как сюда добежал, так и туда. Стало быть...

— Послезавтра-то придешь, — заговорщицки зашептал в самое его ухо Абрам, — а до послезавтра? Вату-то ты до послезавтра не раздобудешь, а сегодня вот удочки есть. Прекрасные удочки, российские!

— Да на что мне они, удочки-то? — поползли на лоб глаза у озадаченного покупателя.

— Удочки на что? — как бы пораженный, вскричал Мошиашвили. — Это кто ж говорит? Ты, что ли? Ты?! А еще с немцами воевал! Да Риони-то рыбой кишит или нет? Сядешь себе под Белым мостом, любо-дорого, чисто-тепло... и уди себе! Время пролетит до послезавтра — не заметишь. А послезавтра — вот она, вата...

Абрам мягко подхватил покупателя под руку, подталкивая к прилавку, явственно ощущая, что тот сопротивляется все слабее, хоть и к удочкам склонности пока не наблюдается.

Абрам раскрыл, как выстрелил, большую коробку с удочками.

— Ты погляди, какие... Полюбуйся! Целый год не было, только что поступили. Последняя коробка! Самой Америке, говорят, нравятся! Договор заключили, продаем за валюту...

— Сколько? — порылся в карманах кавалер медали «За оборону Кавказа».

— Да пустяки! Всего-то рубль пятьдесят восемь Дарю!

— Да что вы! — протянул покупатель трешку.

— Брось! Из-за рубля что говорить... Вот и палку возьми. Прекрасные палки, бамбуковые...

— Покажи, что ли...

Абрам приволок из склада две здоровенные палки.

— Пустяк тоже стоят! По два рубля. За удочку не возьму ни копейки, ей-богу!

Пока покупатель снова полез за трешкой, Абрам смотался на склад, вернувшись с высоченными черными резиновыми сапогами.

— Какой, стало быть, номер?

— Сороковой, — смешался покупатель.

— Везет же тебе, — выпалил, не дав покупателю и опомниться, Абрам Мошиашвили, — самому председателю Союзохота — Схиладзе — предназначались! Не пришел вчера, так отдам тебе, а с ним уж как-нибудь выкручусь. Удить-то, сам знаешь, ноги мочишь. Не ребята уж мы с тобой! С них-то все и начинается, с ног, стало быть... На здоровье, — перевесил он сапоги через плечо покупателя. — где их теперь возьмешь за двадцать семь-то рублей! А за удочки не возьму ни копейки, ей-богу!

Багровея до самых ушей, чуть даже не потея, покупатель наскреб-таки требуемую сумму, пару раз поблагодарил благодетеля, снова было попятившись к двери, между тем как вслед ему прозвучал вкрадчивый голос Абрама:

— Вот еще хочу предложить...

— Чего-о?

— Хоть пусть снимет директор меня, а тебя я уважу. Понравился ты мне, родной, вот что! Если самим друг дружку не поддержать, кто же другой о нас-то подумает? Для себя дождевик припрятал... Директор-то... Всего один и получили. Мировой зато! Главное, подошел чтобы, — он в мгновение ока приволок из склада брезентовый дождевик, развернул и ловко набросил на плечи аж крикнувшего покупателя. — Прямо как для

тебя сварганили, сволочи! Черт с ним, пусть хоть выгоняет, не могу тебе отказать! Да ведь не поймет, куда ему! Во! — постучал он по прилавку. — Повесть тебе сегодня, что в магазин зашел. Ей-богу, повезло!

— Зеркала нет ли где? — чужим голосом спросил покупатель.

— Да ты что, не доверяешь? Зеркало! Да кто его только сошьет за сорок семь рублей! Плащ какой, ты только погляди! И, главное, свое производство. Германские-то протекают! А тут материя английская, пошив — хашурский. Не скидывай, а то увидит кто. Спросят, скажи — из Москвы племянник привез. Не погуби только, сюда никого не посылай!

— Да нет... вы того... не беспокойтесь...

Минут двадцать спустя Абрам Мошиашвили провожал до самой улицы кавалера медали в темно-зеленом брезентовом дождевике и с затейливо завернутой желтой палаткой в чуть подрагивающих руках.

Сам Абрам нес резиновые сапоги и бамбуковые палки, то и дело вскрикивая и восторгаясь:

— Всю жизнь будешь благословлять меня за палатку! Ей-богу! Рыболов ведь... кто его знает, когда где придется заночевать. А тут раскинул себе палатку — и горя не знаешь! Есть-пить просит, что ли? А пятерых таких, как мы вот с тобой, в себя примет! Опять же сыновьям пригодится, внуки пойдут... Вперед-то смотреть надо? Надо! Думают, только при дожде она хороша. А жара, допустим? Нет! Солидному человеку нынче без палатки не жизнь...

— Так-то оно так... да поиздержался сегодня... домой, боюсь, не пустят. Все ведь выложил, до копейки... С чего бы это дорогая она такая, палатка-то?..

— Материи много идет. Восемнадцать метров полотна пополам с шелком. А шитье, прикинь? Да ты не унывай. Здоровье—главное, знаешь, на рыбалке-то, — а деньги, они всегда найдутся!

— Да вроде бы... На рыбалку-то кое-когда отчего бы и не сходить? Не гноить ведь себя все дома да дома! Другой раз месяц пройдет, шагу не сделаешь за ворота. Насчет палатки трушу, а сапоги и плащ... нужны, что и говорить. Сами, небось, знают-то... Так ты думаешь, пройдет тут такси, а?

— Пройти-то пройдет, да только понадейся на не-

го... Тебе-то, что ж, мотор паршивенький не полагается, что ли? Не заслужил? Крови не проливал? Директор наш «москвича» продает по дешевке. Старенький вроде а крепкий. Лет с десятка побегаёт, думаю... На прошлой неделе торговал один, да не оставил задатка. Ты подумай, стало быть, до послезавтра, пока за ватой придешь... Может, столкнешься, ежели до того не загонит. За старьем-то, сам знаешь, как нынче охотятся. Свояк мой...

Словоизвержение вдруг прервалось отчаянным рывком покупателя к показавшемуся из-за угла таксомотору.

На прощанье Мошиашвили расцеловал кавалера медали, уже на бегу напомнив-таки еще раз о «москвиче».

— Почтенный такой человек—и надеяться на такси? Да я б на твоём месте в долги влез, а машину купил! Насчет денег подождет... директор-то... подождет он...

— Просит-то он сколько, не знаешь? — высунулся из машины, прижимая к груди палатку, покупатель.

— Месяц назад свояк за три просил. Тогда не отдал — может, теперь согласится. Дочку замуж выдаёт... сам знаешь...

В дверях «Тысячи мелочей» Абрама Мошиашвили встретил растерянный Кочоиа:

— Да где ж ты ее возьмешь к послезавтра, вату-то... три килограмма...

Мошиашвили отряхнулся, снял с полки наполовину выпитую бутылку «Боржоми», потянул прямо из горлышка, глянул в окно на притихшую, неподвижную, всю промокшую и нахохлившуюся деревню:

— Загонишь его теперь сюда, как же! А вообще... Вата эта, чего ей у нас не быть-то? В Туркмении ее... Выписать, что ли, в новом году, в третьем квартале?..

Перевод Майи БИРЮКОВОЙ

Звиадаури

— Доброе утро!
Георгий Циклаури,
сидя на корточках, протя-
сет меня за плечо.

Я откидываю бурку в сторону и, потирая глаза, привстаю. В палатке темно, хоть глаз выколи.

— Что, уже пора?

— Шесть часов, скоро рассвет. Как спалось?

— Прекрасно, а тебе?

— Я и глаз не сомкнул, клянусь детьми.

— За что такое наказание?

— Не мог же я залезть в палатку раньше дорогих гостей, так что мне и спать было негде.

— Не мешайся, говорят, в чужие дела... А Турманаули?

— И он без места остался, но мы ничего не прогадали, ей-богу. Втроем в обнимку провели ночь у огня.

— Кто был третий?

— Брат наш — жипитаури, разве мы выдержали бы без него! Ты не замерз?

— Видишь, я и сапоги не снял.

Я вылез из палатки. Еще темно. Звезды попрятались, и небо кажется пустынным. На вершинах гор угадывается светлый покров снега. Кое-где меж палаток догорают костры. У кого-то грохочет стартер. Когда на мгновение воцаряется тишина, снизу, из башен Шатели, доносятся слабые звуки пандури. Длинноногий, как журавль, Турманаули стоит у «вилиса» с зажженными задними фарами. Из-под неизменной войлочной шапки старейшины Магароскари выбиваются седые кудри, которые сейчас кажутся черными.

— Я же говорил, он — свой парень, упрасивать не придется, — Турманаули гладит меня по плечу и с упреком бросает председателю исполкома, — а ты: не надо, мол, гостя беспокоить... Такому гостю как раз сон и в беспокойство. Ведь я прав? — спрашивает он меня для проформы и продолжает: — Сейчас махнем в Муцо. Поздороваемся с солнцем из муцойских башен и одрокинем по рюмочке. Каково, а?

— Кто знает, из каких сновидений мы его вырвали? — смеется Георгий.

— Это верно, — соглашается Турманаули, — ренний сон — самый сладкий.

— Эх, мои дорогие, я уже забыл, когда видел сладкие сны.

Мы трогаемся.

Оставив позади анаторийские усыпальницы, въезжаем в Муцойское ущелье. Сворачиваем с проезжей дороги вправо и долго трясемся в машине, пока она, преодолев каменистое лесное бездорожье, не останавливается на берегу Арагви. (Хевсуры любую реку — большую или малую — зовут Арагви). Шофер выходит из машины, швыряет в воду камень, другой и возвращается.

— Не проехать.

— Это почему? — упрямится Турманаули.

— Вода по грудь будет, мотор заглохнет — застрянем, — шофер смотрит на Георгия.

— Ничего не поделаешь, с водой шутки плохи. Поворачивай назад, остановимся в ольшанике.

...На большом плоском замшелом камне — кувшин с жипитаури, вареное мясо, вчерашние хинкали, домашний хлеб, — все наше богатство. Козий рог переходит из рук в руки. Водка согревает нам души.

Все четверо стоим. Турманаули присел было на скользкий камень, но тут же подскочил как ужаленный: «Студеный, проклятый!»

По мере того, как светлеет небо, становится все холоднее. Скалы вокруг как бы раздаются в стороны. К деревьям возвращается жизнь — они желтеют на глазах, и только иней на макушках отливает серебром. Занимается заря. Но солнце еще далеко. Пока первые его лучи достигнут этих гор, мороз проберет нас до костей.

Мы помянули обретших вечный покой в анаторийских усыпальницах, выпили за наших предков, за божество—покровителя пастухов и охотников, за возвратившихся в это ущелье горцев, за деревья, подобно огромным свечам, горящие желтым огнем, за благоденствие Грузии... Наконец, дошли до того, что выпили за честную слезу, которую проливали над умершим.

— Хотите послушать стихи о слезе? — Турманау-
ли смотрит на вершину горы, окрашенную золотом.

04105040
3023010033

Постарел я, и слеза моя постарела,
постарел я, и слово мое постарело.
Передвигаюсь с помощью палок...
Посмотрите на мои следы,
они ведь слезами орошены,
окиньте взглядом мои пути,
они ведь слезами вымыты!
Пламенем сердце объято,
и слеза моя горит,
горем убитый хожу.
Будь проклята моя слеза,
как камень, тяжела она!
Это обо мне надо плакать,
ибо я — сама печаль,
бродящая по свету!

— Прекрасно, прекрасно! — воскликнул я и тут же почувствовал, что мои слова звучат фальшиво. Не знаю, замечали ли вы, но пшавы и хевсуры никогда не обсуждают достоинства или недостатки стихотворения. Они просто говорят стихи, живут ими и лишь в редких случаях задумываются над тем, как проста и гениальна фраза «постарел я, и слеза моя постарела» или «ибо я сама печаль, бродящая по свету».

Я опустил голову. Грустное стихотворение навело грустные мысли, и я ушел в них, забыв о своих друзьях. Вдруг легкий шум на вьющейся тропинке вернул меня к действительности.

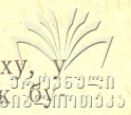
— Эгей, хевсур! Сворачивай с дороги! — Георгий махнул рукой путнику, поднимавшемуся в гору. Тот остановился, снял с плеча вилы и, поставив перед собой, оперся на них.

— Здравствуйте!

— Спускайся, выпьем по одной!

— Дай вам бог, спасибо! Не надо пить, когда идешь в горы, — он вскинул вилы на плечо, собираясь продолжить путь.

— Ничего у тебя не выйдет. Клянусь всеми святыми, слышишь, хевсур, что тебе говорят?! — крикнул Турманаули.

Путник снова остановился и обернулся.

— Все равно тебе не пройти — там, наверху, у нас люди в засаде, спускайся по доброй воле, так будет лучше! — Георгий едва сдерживал смех.

Гость поневоле спустился вниз по тропе, прислонил вилы к камню, снял с себя сумку и, пожелав нам доброго утра, остановился в отдалении.

Он никак не походил на сурового горца — маленького роста, тщедушный, с тонкой шеей и кроличьими, без ресниц, глазами. Спускаясь, он с такой легкостью прыгнул с камня, что поначалу показался мне совсем молодым, но теперь, глядя на его морщинистые лицо и шею, я подумал, что ему все пятьдесят, если не больше. На нем были неопределенного цвета куртка, резиновые сапоги и выдавшая виды ватная ушанка, которую он поминутно то нахлобучивал на глаза, скрывая жидкие брови, то сдвигал на затылок, обнажая румяно-белый лоб над горбатым носом.

— Почему ты его зовешь хевсуром, может, он кистинец? — сказал Турманаули Георгию Циклаури так, чтобы гость слышал.

— До сих пор я был хевсуром, — нахмурился тот.

— Как твоя фамилия? Давай сюда, поближе, — Георгий наполнил рог и протянул гостю.

— Хвтисо Звиадаури я. Ваше здоровье. Дай бог вам долгих лет жизни. Не обижайтесь, пить не буду. Мне предстоит долгий путь. В другой раз — пожалуйста, — извинившись, Хвтисо пригубил рог и протянул его Турманаули. Но старейшина развел руками.

— Вот этот человек — писатель из Тбилиси. Он обидится, если ты не выпьешь.

Звиадаури внимательно посмотрел на меня. Было совершенно очевидно, что он не поверил ни единому слову Турманаули.

— Да поможет вам бог. Мне пить никак нельзя. Дорога ждет дальняя, — он сделал еще одну попытку настоять на своем.

— Пей, не ломайся, как барышня, это — жипитаури, не повредит, — почти приказал Циклаури.

Хевсур устремил умоляющий взгляд поочередно

на всех нас троих, но не встретив никакого сочувствия, махнул рукой и залпом осушил рог.

Георгий засмеялся.

— Чего смеешься? — повернулся к нему Звиадаури.

— Ты — молодец, умеешь пить водку.

— Один вред от нее. В деле предает часто, а так ничего... горю — враг.

— Куда ты так спешил? — поинтересовался Турманаули.

Хвтисо приложил руку козырьком ко лбу и посмотрел в небо.

— Видишь черное облако над Датвиджвари? Будет дождь.

— Ну и пусть будет, тебе-то что!

— Свежескошенная трава не должна мокнуть под дождем, иначе грош ей цена. Надо раскидать ее.

— Где вы косили? — вмешался в разговор и я.

Он протянул руку на запад, указывая на снежную вершину рядом с Шатили.

— Вот у подножия той горы, это не так далеко. как кажется, четыре часа пути.

— Дай бог вам здоровья!

— Сейчас все всему удивляются, а ведь раньше хевсуры пахали землю повыше тех скал.

— Где это? — я смотрю вниз на склоны.

— Не туда смотрите, выше, выше, вон у снежной полосы, и сегодня видать, что земля там особенная.

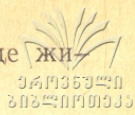
— Как вы быков туда поднимали и что сеяли?

— Ячмень.

Мы выпили за хевсуров. В течение тысячи лет они цеплялись за эти крутые утесы, но в конце концов их сманили в равнину. И еще мы выпили за то, чтобы утихли наши боли.

Солнце пригревало, но мы ничего не чувствовали, потому что были здорово навеселе. Мы пели, хохотали, зачастую без причины, дурачились, даже танцевать пытались. Хвтисо не принимал участия в нашем шумном веселье. Сидел себе, опершись на вилы и уставившись в землю. Пытался скрыть хмельное состояние.

— Сколько у тебя детей, Звиадаури? — спросил вдруг Георгий.

— Шестеро.
 — Молодец, хевсур, ты настоящий герой! Где вещь?
 — В ущелье, против Муцо.
 — Одни живете?
 — Одни.
 — Как это одни, а соседи? — удивился я.
 — До сих пор не было. Весной еще одна семья собирается вернуться.

— Откуда?
 — Из Гамарджвеба, село возле Тбилиси такое, там хевсуры живут.
 — Хвтисо, а как зовут твоих детей? — Турманаули оперся о плечо малорослого хевсура.

— Как это как? Дети и все.
 — Я об именах спрашиваю.
 Хвтисо переложил вилы в другую руку, посмотрел мне в глаза и начал перечислять:
 — Тamar, Давид, Джаба, Этэр, Саба... Саба, Этэр, Джабу я называл. Давид, Тamar, Джаба, Сабу тоже называл... — Он отвел от меня взгляд и начал сначала: — Тamar, Давид, Этэр, Джаба...

Турманаули и Циклаури покатывались со смеху.
 — Не помнишь, как зовут твоих детей?!
 — Запиши на бумажку и носи на груди!
 — По утрам перечитывай, чтобы не забыть!
 — Или жену спроси, уж она не скроет!
 Чем больше тешились пьяные, тем сильнее смущался Хвтисо.

— Чего смеетесь? Я все хорошо помню, разве вы дадите сказать...

— Ничего, бывает, — успокоил я его.
 — Бывает и не такое, — приободрился Хвтисо. — Раз вы так весело настроены, расскажу-ка я вам одну историю. Деда моего звали Утург. Жил он в Лебаискари. Добрая шла о нем слава. По сей день встречаю людей, знавших моего деда. И сегодня угощают меня рюмкой водки в память об Утурге.

— Почему в память об Утурге? — рука Турманаули соскользнула с плеча Георгия и, потеряв равновесие, он чуть не ударился об него носом.

— Благодаря деду и приглашают, а то кому я нужен или что собой представляю? Ровесники деда косятся на меня, «уродом» зовут, правда, любя.

— Так уж и любя! — засмеялся Циклаури.

— У Утурга было девять детей. В живых никого не осталось. Все жили в селе за рекой. Так вот, отец мой последыш был, ему уж год от роду миновал, а дед все никак не собрался крестить его. Некрещенному, как известно, хевсуры имени не дают.

— Правильно, прямо так и зовут — «малыш» или «карапуз», — вмешался Турманаули.

— Пусть даст сказать, — Хвтисо посмотрел на Георгия.

— Дай ему сказать, а то забудет, — давясь от смеха, проговорил Циклаури.

— Посадил Утург моего отца на коня и отправился в Шатили крестить его. Мать не могла ехать с ними, потому что, простите, была беременна. Прибыли в Шатили. Священник окрестил ребенка (то есть, моего отца), намазал ему на нос елей, записал в свою книгу его имя и отправил вместе с отцом обратно в Лебаи. Но такой уж человек был Утург — везде ему были рады. Возле одной из башен ждал его побратим, который влил в него море жипитаури.

Ранним утром, еще порядком и не рассвело, подъехал дед к дому. Навстречу ему жена. «Как назвал священник ребенка?» Молчит Утург. Тяжело слез с коня, не спеша расседлал его, вошел в дом, снял тулуп и лапти, сел у очага, задумался. «Как называли ребенка?» — не отстает жена. Что делать Утургу, по пьянке забыл он имя мальчишки. «Что ты пристала, женщина? — вскричал он, наконец. — Как могли его назвать? Джугуром окрестил священник твою малявку!» Кто посмел бы усомниться в словах деда, а уж заглянуть в книгу священника никому не было дано. Так и осталось это имя за моим отцом, с ним и отошел он в мир иной.

Пока Хвтисо рассказывал, я наблюдал за его руками, огрубелыми от работы, с толстыми подагрическими пальцами. Он так ритмично размахивал ими, казалось, косит невидимой косой. Говорил он громко, словно мы находились не рядом, а на другом берегу реки. Подождав, пока мы вдоволь посмеялись над его

рассказом, вдруг посерьезнел, наполнил рог и сказал:

— У меня есть тост, если позволите.

Мы выпрямились, насколько это было возможно в нашем состоянии, и превратились в слух.

— Давайте выпьем за женщину. Пусть равнинники не обижаются на меня, но в горах лучше знают цену женщине. Не смейтесь, я прожил внизу семь лет и кое-что понимаю. Может, я и глупость говорю, но говорю то, что знаю. Пятнадцать лет назад спустили нас на равнину. Ну, думали мы, отдохнем от этих скал, хватит, накарабкались вдоволь. Клянусь детьми, так и думали. Три года все шло нормально, а на четвертый худо мне стало — пропало желание. Не хочу жены, и все тут. Хоть кончай с собой. Что со мной — не знаю. Тут ведь дело такое, никому не расскажешь — засмеют. Задумался я крепко. Вроде бы все у меня нормально: здоров, как бык, сыт, одет, обут, в доме тепло, постель мягкая, телевизор и дела почти никакого! Что еще нужно человеку?! Так нет же, не лежит сердце к женщине! Отвык! Тогда у меня было двое детей, теперь шестеро. И кое-что мне стало ясно, только вы не смейтесь. Сидим вот мы с женой в теплой комнате, смотрим телевизор. Тепло — враг мужчины. Меня одолевает сон. Для виду все же говорю жене: пошли, жена, спать. А она: подожди немного, вот досмотрю кино... Я не хочу кино, а она хочет. Кончается передача, я уже давно сплю. Жена ложится в свою постель, ей и без меня тепло. Утром просыпаемся и бежим каждый по своим придуманным делам. Вечером снова у телевизора собираемся. Так вот и неделя проходит. Так вот и отвык от женщины. А женщина — это благо. Женщина — лучшее творение божье. Женщина — жизнь. Вернулся я в горы. Последыш мой в прошлом году родился. Ожил я — вот что такое женщина! Холодной ночью она согреет тебе постель, да что там постель — сердце согреет, а если ты не очень устал, и огнем вспыхнуть заставит. Женщину у сердца надо держать. В другой комнате, у телевизора, она угасает, стынет. Да здравствует женщина в нашей душе! Она — наше ребро, наш бок, нами и жива! Без нас, мужчин, женщина и не женщи-

на вовсе! Женщина — это любовь, да здравствует любовь!

Он залпом осушил рог и передал его Турманаули. При этом чуть пошатнулся: «Одолел, проклятый жипитаури!» Сунул под мышку вилы и сумку и, подняв руку в знак прощания, не то пропел, не то прокричал:

Живы мы, чего еще нам надо, видим солнце!
Наступает ночь и снова рассветает!
Горе же тому, к кому приходит ночь,
а рассвет уже не рассветет!

Он посмотрел на свою гору и побрел вверх по тропе. Сделав шагов десять, остановился, махнул рукой и, повернувшись, пошел обратно к дому.

Приговор

Пропустив Того Цуладзе, швейцар больницы однорукий Шалико оттеснил толпу посетителей за дверь, задвинул засов и, шаркая войлочными тапочками, пустился вдогонку за великаном. Тот стремительно шел по коридору. У лестницы остановился и, не глядя на Шалико, спросил:

— Как он?

— Еще спрашиваешь?! Изуродовал до неузнаваемости, как колодезное ведро! Слыханное ли дело, так избивать человека?

Цуладзе провел кулаком по лбу и бросил уничтожающий взгляд на выскочку-швейцара.

— Твоего карканья не хватало. Что говорят?

— Смертельной опасности нет, но всякой жестокости есть предел, — стоял на своем Шалико.

— Ты когда-нибудь видел избитого мной человека? — Того положил свою лапу на плечо швейцара и, видимо, так сдавил его, что худенький Шалико отскочил в сторону, опасно передернув плечами.

— Не видел, потому и говорю. Пьяным ты не был, да и он, вроде, тоже. Впрочем, разве разберешь, он, как пасхальное яйцо, был весь красный от крови.

— И часа не прошло, как мы сели за стол, тамада только второй тост говорил. Откуда же мне пьяным быть? На каком он этаже?

— На втором. Да, но...

— Кто с ним?

— Баха, старший брат.

— Среднего как зовут?

— Как, еще и средний есть?

— Да, белобрысый такой. Кажется, его зовут Чуту.

— Не ходи, Того, заклинаю тебя твоей девушкой, не ходи, — швейцар вцепился ему в рукав.

— Почему это? — Цуладзе пригладил свой блестящий черный чуб и, положив руку на пояс, улыбнулся.

— Ты не знаешь, Баха совсем помешался! А ну отделай так кто-нибудь твоего братца, что бы ты запел? Не ходи, не надо. Пусть малость придут в себя. Только что перевязку сделали. Кровотечение из носу с трудом остановили.

— Нет, именно сейчас я должен поговорить с Баха, — Того Цуладзе был непреклонен в своем решении.

— Зачем спешешь? В милицию они не побегут, ты это знаешь.

— Причем тут милиция? Разве я похож на человека, который чего-то боится? — Цуладзе стал подниматься по лестнице.

— Это я боюсь. Вам на все начихать. А случись что, с меня спросят, — последние слова Шалико произнес плачущим голосом, знал, что упрямого Того не переубедить.

— Недаром говорится, кто кашу заварил, тот и расхлебывай! — уже с лестницы бросил Цуладзе.

Шалико замер и непонимающе уставился на него.

— Мне нечего расхлебывать. Расскажу Баха все, как было. Поймет меня — хорошо, а нет, так нет, я готов на все, — вполголоса, останавливаясь на каждой ступеньке, говорил Того; при этом он каждый раз разгибал спину и смотрел вниз на оторопевшего швейцара.

Дверь восемнадцатой палаты оказалась приоткрытой. Он заглянул в нее. Взгляд уперся в могучую спину Баха Салакая, склонившегося над кроватью. Того

втянул в себя воздух, открыл дверь и тут же закрыл ее за собой, как если бы убегал от погони. Долгое время стоял, прижавшись к стене. У окна лежал больной с перебинтованной головой. Виднелись только рот и полузакрытые глаза.

Баха сидел у постели брата и обмахивал его газетой.

— Баха!

Баха оглянулся. Увидев Того, зло отшвырнул газету, посверлил его недобрим взглядом и, махнув рукой, отвернулся.

— Чего тебе?

— Это моих рук дело, Баха, — Цуладзе тяжело дышал, то и дело вытирая потные ладони о брюки.

— Знаю. Сейчас у меня нет времени говорить с тобой. Уходи.

— Ты должен выслушать меня, Баха.

— Я сказал, уходи! Ты хотел вышибить из него дух? Если сегодня ночью с ним ничего не случится, я покажу тебе, как давать волю рукам, а нет, готовь веревку.

— Баха!

Больной приоткрыл глаза, увидев стоящего у дверей Того, странно скривил губы и сплюнул кровью.

— Убирайся, говорю! Не доводи до того, чтобы я прикончил тебя в больнице. Завтра я займусь тобой.

— Делай со мной, что хочешь, но прежде выслушай.

— Ты, можно сказать, жизни его лишил, а я тебя слушать должен? — руки у Баха дрожали от гнева.

— Врач сказал, ничего с ним не будет.

— Ты его чуть не убил. Уходи, Того, я тебе этого не спущу, так и знай...

— Баха! — Цуладзе сделал несколько шагов вперед и остановился посреди комнаты.

— Я уже тридцать лет Баха!

— Я же никогда никого и пальцем не трогал, ты когда-нибудь слышал, чтобы я дрался?

— Такой вот тихоня, как ты, и может убить человека! Уходи, говорю.

— Да никакой я не убийца, и ты это хорошо знаешь. Вкалываю целыми днями, маюсь...

— В последний раз говорю — убирайся, не то

схлопочешь пулю в лоб, не время сейчас разбирать, что да как, — Баха говорил свистящим шепотом.

Больной, разумеется, слышал весь разговор. Сидя в кресле, дом подняв левую руку, он прикрыл ею глаза, чтобы пришедший не заметил слез, увлажнивших повязку.

Того подошел к столу, вырвал из тетради лист, вытащил из кармана рубахи карандаш, сел рядом с Баха и приглушенным басом, так, чтобы больной слышал, отчетливо произнес:

— Знаю, не время сейчас заводить этот разговор, но я скажу всего два слова и, коли буду прав, пусть он напишет здесь «да», коли нет — пусть ничего не пишет. Правда, тебе сейчас не до этого, но я ведь не прощенья прошу, я хочу, чтобы ты знал правду, и, если ты не выслушаешь меня, клянусь прахом матери, наложу на себя руки. Ты должен знать, как это все случилось. Весь город черт-те что болтать будет — на всяк роток не накинешь платок, впрочем, меня это мало волнует...

Баха молча смотрел на Того. Наконец, взял у него бумагу и карандаш. Карандаш сунул в правую руку больного, а левую, осторожно опустив, положил на лист бумаги.

— Говори!

Того посмотрел в сторону, вытер потную ладонь о всклокоченный чуб и начал рассказывать.

— Это было два месяца назад, в Цхалтубо, числа не помню. Время — три часа ночи. Из сквера, что возле бывшей правительственной бани, выходят твой брат и дочка Ивлиты.

— Какой Ивлиты?

— Той самой, которая сегодня дочь замуж выдала, Майю. Кроме нее у Ивлиты никого нет.

— Короче, — поморщился Баха.

— Ивлита родственницей мне приходится, может, ты этого не знаешь. Что мне нужно было в Цхалтубо в такое позднее время? Я работал в ночную смену. Сел ко мне в машину какой-то тип. Попросил отвезти в Цхалтубо. Приехали, а он мне говорит: подожди меня, я сейчас деньги принесу. Я прождал его целый час. Нет, я знал, что никаких денег он не принесет,

но хотел убедиться в его гнусности. В это время появляется эта парочка. Не узнали мою машину. «В какую таиси повезешь?» — спрашивает твой брат. «Садитесь», — говорю. Сели на заднее сиденье, и вдруг девчонка как вскрикнет: «Ой, дядя Того!» Поворачиваюсь и, как мне и подобает, спрашиваю: «А вы что здесь делаете посреди ночи? Мама знает, где ты?» Это я Майе, а то с парня какой спрос. «Дядя Того, мы любим друг друга, а маме я сама все расскажу. Вы только ничего ей не говорите, она думает, я на рождении у Пественидзе, и сойдет с ума, если вы ей что-нибудь скажете». Девчонки в ее возрасте частенько обманывают матерей... Не хотел я быть причиной ссоры между матерью и дочерью и смолчал, конечно. Потом раза два видел их вдвоем в неурочное время и в довольно укромных местах. А недели две назад встречаю твоего брата. «Как дела, зятек?» — спрашиваю. А он мне: «Мы с Майей давно расстались». «Почему?» «Да потому, что я не собираюсь жениться, а она замуж хотела». «Как же так? Таскал девчонку повсюду за собой, а теперь — «жениться не собираюсь»? «Это не я ее таскал, она сама за мной ходила. Любили мы друг друга, а потом разлюбили, вот и все. Прошло время, когда вскрывали вены из-за несчастной любви». Сказал и показал мне спину. Было такое?

Больной облизнул нижнюю губу, сложил пополам лист бумаги и с трудом вывел карандашом: «Да».

— Дальше? Нельзя ли покороче. К чему столько лишних слов, — Баха сидел, уставясь в пол.

— Сегодня играли свадьбу. Майину свадьбу. Она вышла за парня из Окриба. Я его даже не знаю. И полчаса не прошло, как мы сели за стол, заявляется твой брат со своими дружками. Их было двое, ни один из них мне не знаком. Ну я решил, приглашенья они. «Садитесь, пожалуйста», посадил все, как полагается. Твой брат был пьян. Майя сделалась мертвенно-бледной. Пару раз он что-то такое брякнул во всеуслышание. Тамада нахмурился. Явно он собирался сорвать веселье. «Дядя Того, умоляю, спаси», — это мне Майя. Сел я рядом с ним и говорю: «Веди себя потише. Не надо подпускать эти шпильки, и так все знают, что Майя была равнодушна к тебе. На тво-

ем месте я бы вообще сюда не пришел». «Оставь меня, я свое дело знаю». Ни во что меня поставил такое выдал — в глазах потемнело. Ну, думаю, позор на все семейство! Слыханное ли дело, Баха, срамить невесту на ее собственной свадьбе?! Разве настоящий мужчина позволит себе такое? Чью свадьбу расстраиваешь, той, которую любил и еще две недели назад к груди прижимал?

— Я сказал, короче, — прервал его Баха.

— Я кончил. «Выйди на минутку, у меня к тебе дело», — сказал я ему. Мы спустились вниз, к черешневному дереву, в укромный уголок. Больше я ничего не помню.

— Было такое? — теперь уже Баха спрашивал больного, обмахнув его газетой.

Избитый молчал. Потом снова облизнул вздувшуюся губу и на сложенном листке бумаги, на этот раз в другом месте, написал: «Да».

Какое-то время все трое хранили молчание.

Наконец Баха встал, подошел к столу, налил в стакан воды, но не выпил, а взглянул на Того. Тот продолжал сидеть на кровати, сцепив пальцы рук так, что они побелели.

— Иди, Того, домой, — тихо сказал Баха.

Того встал и вяло направился к двери. Баха пошел за ним.

Они молча шли по коридору. У лестницы Того схватил Баха за рукав.

— Я свое сказал, Баха, — он смотрел на него своими красивыми воловьими глазами, — теперь, когда хочешь и где хочешь я отвечу за то, что сделал. Позорить невесту? Где это слыхано?! Я хотел, чтобы ты был в курсе. Больше никто об этом не узнает...

Баха не стал медлить с ответом.

— Иди, Того. Кажется, мы избежали опасности. У меня к тебе никаких претензий. Ты хорошо сделал, что пришел, клянусь прахом отца. Разок вздуть моего брата не мешало. Вот он и получил свое. Ладно, хватит об этом. Дай бог поправится, ума наберется.

Они расстались.

Баха Салакая стоял у лестницы и разглядывал

ярко освещенный коридор, пока грузные тяжелые ша- ги спускавшегося вниз Того, становясь все глуше и глуше, под конец не замерли вдали.

Шалико отодвинул засов и пропустил посетителя. Его, конечно же, интересовало, что произошло там, наверху, но спросить он не решился.

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Случай из юности Джумбера Брегвадзе

Научно - исследовательский институт жил обычной жизнью, такой же, какой живут сотни подобных учреждений в нашей стране. Тема, которую разрабатывал этот институт, была частью какой-то очень большой и важной темы и из года в год именовалась переходящей. Поскольку та, большая и важная, тема никаких надежд к окончательному научному разрешению не подавала, то и отдельные институты, разрабатывающие ее дочерние темочки, особенно не спешили. Директор института великолепно знал, что если большая тема будет признана бесперспективной, то это повлечет за собой малоприятные реформы для тех институтов, которые бьются над разрешением дочерних тем. Поэтому каждый раз в конце года научные сотрудники дружно и бойко читали полулиповые результаты своих научных изысканий — годовые темы, так что человек неосведомленный несомненно бы подумал — вот где действительно кипит работа! Во всем же остальном институт не отставал от множества других научно-исследовательских институтов. Все вакантные и не вакантные места были заняты. Институт, разумеется, имел директора, коим являлся доктор химических наук Эрмало Абесадзе; единственный академик института Виктор Мониава, по крайней мере, девять месяцев в году обретался за границей, будучи командированным в различные научные лаборатории, и многочисленные аспиранты в унынии и тоске дожидались его появления. Кроме того, институт имел двух внештатных лаборантов и нескольких студентов-практикантов, каж-

дый из которых глубоко в сердце затаил страстное желание или мечту по окончании университета стать научным сотрудником сего научно-исследовательского института. Я полагаю, нет нужды сообщать читателю, что здесь, как и в других научно-исследовательских институтах, имелись ученые по призванию, а наряду с ними матроны, укрывающиеся за ширмой полштата, были энтузиасты мнимые и энтузиасты истинные. Как и в иных подобных институтах, и здесь царили невыносимо прекрасные женщины, которые от скуки и безделья постоянно бывали влюблены. Именно благодаря их энергичным стараниям весь институт время от времени лихорадило от взрыва очередной сплетни — мол, тот или иной научный сотрудник, младший либо старший, все равно, пронзенный стрелой амура, бросает семью и собирается начать новую жизнь. Печальным для семьи научного сотрудника бывало то, что иногда подобная сплетня оказывалась правдой. И, наконец, как и в любом другом учреждении, и в этом институте наряду с честными работниками существовали и **интриганы**. Последнее слово я подчеркнул потому, что оно некоторым образом связано с героем этой новеллы Джумбером Брегвадзе, а уж справедливо приписан был такой малопочетный титул ранее безобидному, тихому Джумберу или несправедливо, — это, дорогой мой читатель, если у вас хватит терпения, вы узнаете по прочтении всего лишь страниц пятнадцати, — повторяю, если, конечно, хватит терпения!

Джумбер Брегвадзе работал младшим лаборантом в опытно-экспериментальной лаборатории исследования филлоксеро-мирманологических проблем. Два года назад он окончил химический факультет университета с дипломом первой степени, и когда его по распределению направили в вышеозначенный институт, он от радости был на седьмом небе. Однако вскоре убедился, что распределительный листок это еще далеко не все. Директор, что называется, сел на осла: «Забирай этот свой листок, братец, да и прилепи его на лоб тому, кто тебя сюда направил, нет у меня никакого места! Хочешь — становись в очередь, но знай, если что и появится, у меня двое внештатников, я должен трудо-

устроить сперва их, а уж ты будешь третьим. А вообще, мой тебе добрый совет, ищи работу в другом месте, у тебя, брат, диплом первой степени, какой тебе откажет!»

После двух месяцев тщетных усилий и хлопот Джумбер окончательно убедился, что для молодого способного химика во всем подлунном мире места нет. И тогда, почти полностью отчаявшись, он вновь обратился в распределительную комиссию. Председатель комиссии слушал его внимательно и терпеливо, однако, по всему было видно, что для него история Джумбера Брегвадзе далеко не новость. Он снял телефонную трубку, предварительно выяснив у Джумбера номер телефона Абесадзе и, втайне мечтая, чтобы того не оказалось на месте, начал крутить диск. Однако в кабинете директора отозвались на первый же звонок.

— Батоно Эрмало, здравствуйте, вас беспокоит Толордава из комиссии... ага, да-да, вот тут передо мной лежит подписанная вами справка о том, что в филлоксеро-мирманологической лаборатории освобожден штат. В июне мы направили к вам...—он глянул на распределительный листок, — Брегвадзе, отличного парня... да... Как же, как же, он был у вас и вы ему сказали, что у вас нет вакансии. Когда приняли?! Нет, батоно Эрмало, ваш запрос подписан восьмого апреля. Это, видимо, более раннее... А нам что делать? ...Выслушайте меня, батоно Эрмало. Так тоже не годится. Мы никого вам не навязываем, почему вы так говорите? Закончил человек на отлично, чего ж еще от него требовать?.. А вы как бы поступили на его месте?... Да, да, обе бумаги у него на руках. Словом, он сейчас к вам придет. Надо что-то ему подыскать... Ни у кого не горит, конечно... да... да, да... понятно. Конечно, распределение есть распределение, батоно Эрмало!

После этой знаменательной беседы Джумбер Брегвадзе проработал в институте ровно два года вне штата. За это время он в полной мере испытал прелести горько-сладкой жизни внештатного работника. За это же время удовлетворили тех двух внештатников и пополнили их места другими внештатниками (очевидно, институту необходимо иметь двух-трех внештатников). Кроме того, коллектив обновился и расширился за счет трех новых сотрудников (две красивые женщины и ин-

валид войны, до этого работавший в домоуправлении).
Прошел слух, что эти последние принесли с собой свои штаты, а откуда вообще «приносят» штаты, Джумберу, поверьте, было совершенно невдомек.

Но в конце концов добросовестное упрямство кавалера диплома первой степени все-таки одержало верх. Так-таки смилостивились, оказали благодеяние и зачислили Джумбера в штат младшим лаборантом микробиологической лаборатории.

За те два года Джумбер уразумел, что важнейшей и первостепеннейшей заботой руководства института (наряду с другими более мелкими заботами) был своевременный приход и уход сотрудников. Несмотря на табельную систему, на повышенную бдительность диспетчеров и тайных и явных наблюдателей, своевременный приход (и вообще приход как таковой) сотрудников на работу, в отличие от остальных научно-исследовательских институтов, был ахиллесовой пятой нашего института. Здесь все оценивалось приходом на работу и уходом. Достоинства человека тоже определялись по этому признаку. Если ты вовремя являлся утром, а вечером выходил из ворот института в шесть часов, это означало, что ты добросовестный работник и, как знать, может, даже и хороший ученый. Добросовестное отношение к табелю институтское начальство называло «высокой трудовой дисциплиной». И проводились нескончаемые мероприятия, посвященные прогульщикам и нарушителям дисциплины, совещания, летучки, заседания... Дня не проходило без того, чтобы на доске объявлений не вывесили бы отпечатанный на машинке и скрепленный круглой печатью приказ. Согласно приказу, объявлялся выговор сотруднику имярек, «не явившемуся на работу по неуважительной причине», и, в случае повторения такого нарушения, прогульщику грозило снятие с работы. Однако в институте за прогул никто еще не был снят с работы или хотя бы понижен в должности. И отнюдь не потому, что злостных прогульщиков днем с огнем было не сыскать, нет, — попросту, прогуливал обычно тот, у кого была так называемая «спина», простые же смертные (среди них подвизался и наш Джумбер Брег-

вадзе) в большинстве случаев работали пример-но, а уж ежели случался грех пропустить день-два, у них на то оказывался столь безапелляционный доку-мент, что директор от бешенства только зубами скре-жетал, но придраться к не допускающей сомнения печати поликлиники либо больницы не мог.

В филлоксеро-мирманологической лаборатории работало пять человек, включая и Джумбера. Слово «работало» в применении к сотрудникам этой лаборато-рии звучит, на мой слух, несколько высокопарно. Да не обидятся на меня сотрудники других лабораторий, где творческий труд кипит, бурлит и бьет ключом. Зав-лаб, кандидат химических наук Бондо Какалашвили, в утренние часы неизменно бывал на месте. Усевшись за свой стол, он начинал звонить по телефону и, обзвонив десять-пятнадцать мест, часов примерно в одиннадцать сообщал лаборанту о том, что он идет на совещание, а сам отправлялся утрясать свои сложные дела. Де-ла были вот какие: года четыре назад в Лос-Анджеле-се опочил его бездетный дядя и оставил единственно-му племяннику огромное наследство. В результате че-тырехлетней беготни по всяким юридическим консуль-тациям, Бондо так-таки и не решил, как ему быть: по-лучить это богатство в натуре на месте, в Лос-Анджеле-се, или здесь, на Родине, обмененное на советские рубли.

Младшие научные сотрудники Иосэб Табуцидзе и Бадри Мачитадзе являли собой образец «трудовой дисциплины». Они оставались в стенах института даже после окончания рабочего дня, поскольку этого требо-вала работа. Что у них была за работа? Иосэб и Бад-ри были известны на весь город как мастера установ-ки сигнализации на легковых автомашинах. Они арен-довали крайний бокс институтского гаража, где зани-мались этим благородным делом, окруженные клиен-тами, как мед — мухами. Поскольку вместо непосред-ственной научной деятельности они занимались доход-ным ремеслом, то безобиднее, вежливее и милее их в институте никого не было. Два раза в месяц они рас-писывались в ведомости, получали зарплату и, крас-нея от застенчивости, отходили от кассы.

Пятый сотрудник лаборатории, выпускница инсти-тута иностранных языков Барбале Геловани, на рабо-

ту вообще не являлась. В течение двух лет Джумбер видел ее лишь дважды: один раз на новогоднем вечере, другой раз — на свадьбе Иосэба Табуцидзе. Исследовательскую Барбале оба раза сопровождал лысый мужчина с двойным подбородком и в дорогом костюме. Некоторые говорили, что это ее муж, некоторые утверждали, что любовник. Джумбер больше склонялся к мнению первых, поскольку кавалер Барбале мало походил на любовника, во всяком случае, внешне.

Вероятно, вы уже догадались, что самым маленьким человеком в лаборатории был Джумбер Брегвадзе. Это великолепно знал и он сам, знал и то, что при любой проверке палка сломается именно на его голове, поэтому, наряду с аккуратным хождением на работу, он усердно занимался и исследовательской деятельностью. Либо он проводил нескончаемый эксперимент (получение филлоксерного яда путем реакции соли натрия и серной кислоты), либо ломал голову над переводом какой-либо, косвенно связанной с его специальностью статьи с французского, либо, что случалось весьма редко, читал научно-фантастический роман.

В то утро в лаборатории сидели, как обычно, двое: младший лаборант и завлаб. Бондо, условившись по телефону с одним из юрисконсультов встретиться где-то через час, закончил телефонные переговоры, снял с себя рабочий халат чернильного цвета, поглядел в осколок зеркала, укрепленный над умывальником, начесал волосы от затылка и ушей к темени, чтобы закрыть лысину (к этой наивной хитрости прибегают почему-то многие). Потом, бросив взгляд на погруженного в постижение иностранного текста Джумбера, он снова надел халат, подсел к своему столу и подозвал лаборанта.

— Ну, брат, с тебя магарыч, — заявил он многозначительно. — Вчера я наконец вырвал у Абесадзе приказ о твоём назначении.

Джумбер уже знал, что вчера, в четыре часа двенадцать минут пополудни он стал законным сотрудником института, более того, в кармане у него лежала и копия приказа, но слова «наконец вырвал у Абесадзе приказ» явствовало о том, что Какалашвили желает

преподнести ему милость директора как свою заслугу, и лаборант не осмелился воспротивиться желанию заведующего.

— Я вам благодарен. Он, значит, опять не хотел подписывать?

— Не хотел? — повысив голос, многозначительно переспросил Какалашвили. Притворная наивность Брегвадзе его страшно обрадовала. — Хе-хе, ты не знаешь Эрмало! Это лиса, а не человек. Лиса, сбежавшая из цирка. Он все ходы и выходы знает, все ухищрения, ему верить нельзя ни на грош. На твое место он уже было оформлял чьего-то протеже, но я вмешался, и этот номер у него не прошел.

Джумбер был в шестом классе, когда реабилитированный брат его деда, Хутуниа, поучал его: «Если при тебе будут ругать кого-то за глаза, ты не поддакивай тому человеку... Разве поймешь, что у кого на душе». Не помнил Джумбер, в связи с чем произнес эту сентенцию многострадальный, чудом спасшийся от неминуемой смерти Хутуниа. Прости боже, Джумбер и самого-то Хутунию смутно помнил, но это его единственное наставление никогда не выходило из головы у молодого химика.

И сейчас вспомнился ему Хутуниа, он потер свои красиво изогнутые, черные, словно ласточкин хвост, вразлет брови и устремил на Бондо светло-карие в крапинку, как чешуя форели, глаза:

— Что, он сказал, хватит, мол, с него два года без зарплаты работать? Может, еще сказал, сколько за-должал мой дед этому институту?

— Ты смейся, смейся, — Бондо переплел пальцы рук и посмотрел в потолок, — а твой вопрос вчера на волоске висел. Хорошо, сказал я ему, совесть тоже хорошее дело, какими глазами я на этого парня смотреть буду. А он — пусть, говорит, столько ждал, еще немного подождет.

— А все же, сколько еще ждать?

— Ты знаешь, сколько «немного» означало? Еще столько же, сколько ждал. Такого бессовестного и бесстыжего человека, как этот Абесадзе, я второго не знаю.—Тут Бондо понизил голос:—Теперь уже ты наш человек и все должен знать. Нет такой пакости, на которую бы Эрмало Абесадзе не пошел. Вот, гляди, —

он выдвинул ящик и вытащил кипу бумаг. — Читай, что здесь написано: мы должны в этом квартале сдать двенадцать литров спирта, восемь стаканов аммониевой кислоты и одиннадцать ящиков карбида. Ты хоть что-нибудь из этого видел? Куда все это девалось, знаешь? А ты должен знать — все это так только на бумаге. В действительности — распродано налево со склада нашего института, а денежки присвоил почтенный Эрмало. Вот тебе всего лишь одна незначительная деталь его безобразий. По-моему, ему самому странно, что он стал доктором. Существует ли хоть одна статья за его самостоятельной подписью? Со свечой ищи — не найдешь. Чего нет, того не сыщешь. Он процветает под сенью Виктора Мониава. И тот из милости называет его соавтором. Но сдается мне, в последнее время и Мониава смекнул, с кем имеет дело. Настанет день, и уважаемый академик положит конец соавторству с Абесадзе. Я хочу, чтобы ты был в курсе дела. До сих пор я тебе ничего не говорил, потому что как-никак ты был на полдороге, а теперь — уже здесь, как говорится, на этом берегу. И ты должен разобраться, кто есть кто. Прежде всего, тебе следует знать, что институт наш — стадо баранов. Тут никто слова не скажет и не пикнет, хоть все огнем гори. А вывести это дело на чистую воду надо, необходимо, понимаешь? И для этого вполне достаточно одного крохотного заявления.

Бондо Какалашвили умолк, поднялся, повесил халат на гвоздик, еще разочек заглянул в осколок зеркала и, сказав лаборанту, что опаздывает на совещание, ушел.

Джумбер за время всей беседы никак не проявил своего отношения к личности Эрмало Абесадзе. Следует заметить, что и завлаб не требовал от него сочувствия. Так или иначе, а эта утренняя беседа заставила младшего лаборанта глубоко задуматься. Довольно долго держал он перед глазами ведомственную газету, но ничего не смог уразуметь в совершенно ясных информациях и корреспонденциях по той простой причине, что лишь взглядом следил за буквами, а мысли его вертелись вокруг Эрмало Абесадзе.

Реваз Мишвеладзе. Новеллы.

Почему так безбоязненно раскрыл ему институтские тайны Бондо Какалашвили? А не испытывает ли он Джумбера? Может, завлаба интересовало не сплетник ли его новый сотрудник? История со спиртом, аммониевой кислотой и карбидом похожа на правду, да и то не лишено истины, что научное реноме Абесадзе зиждется лишь на авторитете группы авторов, членом которой он выступал... Да, все это так, но какая выгода Какалашвили от того, чтобы младший лаборант все это знал, да еще сейчас, когда он с грехом пополам избавил наконец свой «титул» от отвратительного добавления «внештатный»? Нет, дорогой Джумбер, странности природы человеческой не имеют предела, и кто знает, у кого что лежит на сердце. Займись-ка ты своим делом, как говорится, смотри за своей мельницей, и никого не суди сплеча, чтобы не впасть в невольный грех, — размышляя так, посоветовал сам себе Брегвадзе и включил аппарат для дистилляции воды, чтобы мерное гудение отвлекло его от неприятных мыслей.

После обеденного перерыва он прикрепил к дверям лаборатории готовую записку из двух слов — «Сейчас вернусь» — и отправился в конец коридора. Там в длинной очереди аспирантов перед дверью кабинета академика Виктора Мониава он нашел последнего и встал за ним. Что нужно было лаборанту от академика? «На мое счастье, он в городе, бог знает, когда еще я его здесь застану. Расскажу в двух словах о моих научных интересах, авось и выманю у него заглавие моей будущей диссертации»

После трехчасового ожидания он сидел перед всемирно известным химиком. «Какой он простой», — умиленно думал Джумбер, оглядывая выкрашенные в черный цвет, начесанные на уши и шею волосы и мясистое лицо, напоминающее «Ямщика» кисти неизвестного художника XIX века.

Академик несколько дней назад вернулся из столицы какого-то нейтрального государства, где он получил сотрясение мозга, и вследствие этого провел полтора месяца в бесплатной клинике. Чего только не говорили, каких только слухов не распускали о причинах коммоцио Виктора Мониава: дескать, он поскользнулся, ступив на банановую кожуру, упал и стукнулся го-

ловой о бордюры тротуара. Иные рассказывали более героическую версию: якобы он заступился за бесомощную женщину с ребенком на руках, и его избili хулиганы, которые к ней приставали. Прости боже, но сам академик (по понятной причине) весьма смутно помнил факт своего сотрясения мозга, так откуда же было знать о том младшему лаборанту Джумберу Брегвадзе?

У академика было усталое лицо, и Джумбер забеспокоился. Разве такой выдающейся личности до бесед со мной, он, может, спасает человечество своими научными открытиями, а я тут его отвлекаю, — так или примерно так подумал младший лаборант.

— Над чем вы работаете? — без лишних слов приступил прямо к делу Виктор Мониава.

— Я работаю над средствами и способами лечения шприцем анемии коллоидного тутового листа, — бойко, одним духом выпалил Джумбер.

— Мои труды читали?

— Насколько я знаю, вы над этой проблемой не работали, — у младшего лаборанта ответ был наготове.

— Я спрашиваю вообще, — не растерялся академик.

— Вообще, разумеется, конечно...

— Каким иностранным языком вы владеете?

— Французским. Читаю и перевожу со словарем.

Академик зевнул и потер рукой сизый, формой похожий на картофелину, нос.

— Одного французского вам недостаточно.

— ?

— Французского недостаточно, я говорю. Над анемией тутового листа французы работают мало. Вы должны изучить английский.

— В каком локальном направлении вы посоветовали бы мне работать? — воспользовался короткой паузой Брегвадзе.

— Изучи как следует английский, а потом поговорим, — академик устремил взор в окно. Для догадливого собеседника это должно было служить знаком того, что аудиенция окончена.

— Ты в штате? — спросил академик младшего лаборанта, который находился уже у дверей.

— Да, в штате, — Джумбер остановился и обернулся.

— По чьей рекомендации вас приняли?

— По распределению. У меня был диплом первой степени.

— И этого для Абесадзе оказалось достаточно? Зачем вы меня обманываете, молодой человек? Почему вам, простым, обыкновенным людям, ученые кажутся столь наивными и простодушными? Ты думаешь, мы ничего не понимаем?

— Как вам сказать, — Джумбера прошиб холодный пот. — Это действительно было так.

— Я знаю, как это было. Из трех вариантов один: первый — ему позвонило влиятельное лицо, второй — коррупция добилась своего и третий — вы ему надоели, он устал. Я-то хорошо знаю, что за жулик этот ваш Абесадзе.

— Я... я новый человек... я не настолько хорошо знаю... — пролепетал младший лаборант, запинаясь и глотая слова.

— Э-э... послушайте-ка... как ваша фамилия?

— Брегвадзе.

— Послушайте, Брегвадзе. Вы знаете, что вытворяет Абесадзе? Он не дает командировок несчастным ученым, оформляет фальшивые, а командировочные средства прикарманивает. Вы хотите факты? Месяц назад он выдал фиктивное командировочное моему ассистенту Миротадзе. Мы, говорит, не можем оплатить, нет средств. А командировочная сумма выдана, и в ведомости стоит фиктивная подпись. Я только недавно узнал об этом. Кроме того, он хам, неотесанный, грубый человек. Это я его выдумал, я сделал из него человека, и он же теперь меня позорит. И, несмотря на все его бесчинства, во всем нашем огромном институте не нашлось смелого человека, который бы вывел на чистую воду этого прохвоста.

— Неужели это правда? — удивился Брегвадзе.

— Разве когда-нибудь я говорил неправду, Чивадзе? — патетическим тоном проговорил академик.

— Брегвадзе, батоно, — подсказал младший лаборант.

— Разве когда-нибудь я говорил неправду, Бре-
вадзе? — тем же тоном повторил Мониава и для пу-
щей убедительности водрузил на нос очки.

Когда Джумбер шагал назад по коридору к своей лаборатории, его неприятно познабливало. Встреча с Виктором Мониава разрушила образ большого ученого, который жил в его воображении с самого детства и который он наделял всяческими достоинствами и добродетелями. «Я думал, что он парит где-то в горних сферах, робел и боялся, что говорить с академиком будет так трудно и сложно, что я со своими зачаточными знаниями буду сгорать со стыда и заплутаюсь в дебрях терминов и гипотез. А он о науке и словом не обмолвился. Какое мне дело до того, оплатили ассистенту Миротадзе командировку или нет!.. Или, может статься, я допустил какую-то оплошность, ляпнул что-то не то, не показал себя с достойной стороны, и потому Виктор Мониава спустился с высот научных теорий в абесадзево болото?..»

Спустя неделю, а может, и меньше, младший лаборант подзабыл беседу с академиком и увлекся иным, более насущным делом. Он занялся оздоровлением своей шевелюры: ежедневно, высунувшись в окно по пояс, поливал голову эффективным средством для укрепления волос. По отношению к лекарству было бы, пожалуй, уместнее и привычнее употребить слово «смазывал» или «втирал», однако Джумбер именно поливал голову снадобьем, которое изготовлялось им тут же, в лаборатории, из отвара лаврового листа и какой-то травы. В последнее время у младшего лаборанта со страшной силой начали выпадать волосы, а он жаждал каким-нибудь образом сохранить их до женитьбы. И если что-либо могло ускорить женитьбу молодого химика, так только его неудержимо редееющие кудри.

Неожиданно в лабораторию впорхнула Калиста Торошелидзе. Вообще-то, что было постыдного в том, что Джумбер заботился о своей внешности, однако при появлении эфирного создания он отскочил от окна, подставил под кран склянку с лекарством и схватился за полотенце.

Но было уже поздно.

— Помогает? — многозначительно спросила Калиста.

— Чему? — Джумбер осушил волосы и внимательно изучал свое отражение в обломке зеркала.

— Чему, чему! Радикулиту! Что это творится с вашим братом—куда я сегодня ни вошла, все чем-то обливаются, волосы лечат.

— Не знаю... Пока ничего определенного сказать не могу, — застенчиво улыбнулся Брегвадзе.

Калиста работала в канцелярии. Она была не то чтобы вовсе курьер, но занимала какую-то промежуточную должность между секретарем-машинисткой и посыльной. Всем и каждому она небрежно поясняла: «Это мне нужно для стажа», только непонятно было, какой такой стаж ей требовался, если за целых пять лет она не могла его набрать. У Калисты были коротко стриженные пепельные волосы и тонкий, чуть вздернутый носик. Беспокоили ее или нет теснейшие джинсы, я вам сказать не могу, но совершенно очевидно и несомненно было то, что они довольно пикантно обтягивали ее бедра.

Джумбер не помнил, чтобы ранее мадемуазель Торошелидзе когда-либо заглядывала в мирманологическую лабораторию, и его тем более раздражала бесцеремонность сотрудницы канцелярии. Мурлыча что-то под нос, Калиста шмыгала по комнате, во все сую свой вздернутый нос и без конца задавая вопросы. «А это что?» — спрашивала она про стеклянную банку с притертой крышкой. Прежде чем Брегвадзе успевал ей объяснить что это и для чего, она уже отворачивала крышку, снова закручивала ее и устремлялась к какой-либо другой посуде — пробирке или мензурке, нюхала ее, брезгливо восклицая «фу!»

— Слушай, — Калиста остановилась, наконец, посреди комнаты, выставила вперед правую ногу, застыв в позе манекена, потом с подчеркнутым изяществом приставила обе ноги и, покачивая станом, искоса устремила кокетливый взор на растерявшегося младшего лаборанта:—Младший препаратер входит в профиль?

— Не знаю, — Джумбер оторвал взгляд от красивых ножек манекена. — В мое время входил, да разве поймешь, они каждый год все меняют.

— Знаешь, почему я тебя спросила? Абесадзе переводит меня младшим препаратором.

— Когда?

— Говорит, как только появится место. Если не врет, конечно. Вообще-то он очень скользкий человек. Терпеть не могу врунов. Ко мне-то он вроде неплохо относится, но это же такой аферист, я его не выношу. Знаешь, сколько у него мертвых душ оформлено?

— Сколько? — нехотя спросил Джумбер.

— Ну, одна-то у вас — Барбале Геловани. Второй какой-то Котэ Кричинашвили — в морфо-крихсологической, подожди, еще... да, Григол Джабуа в минхрочачологической лаборатории, четыре месяца назад его оформили. Это только те, которых я знаю, а кого я не знаю — их сколько?! Говорят, все эти зарплаты он сам и прикарманивает.

— Кто говорит?

— Да все говорят, весь институт!.. Просто вслух сказать никто не осмеливается. Меня-то это совершенно не интересует, я ведь только из-за стажа здесь работаю, просто я терпеть не могу таких. Знаешь, кроме этого, он, по-моему, страшный бабник. Иной раз так оставится на меня, прямо умора! Старый хрыч!..

— Ну, значит, быть тебе младшим препаратором.

— Фу, как тебе не стыдно! Куда загнул! Да пусть только посмеет пальцем дотронуться, я ему серной кислотой в глаза плесну.

— А где ты возьмешь серную кислоту?

— Уж как-нибудь! Во всяком случае, столько, чтоб ему глаза выжечь, найду! Ну, ладно, я занята, пока! — последнее слово Калиста произнесла по-русски, вероятно, для пущей светскости, что ли, и, взмахнув на прощанье рукой, бесшумно, точно кошка, исчезла в дверях, оставив в лаборатории аромат то ли румынских, то ли болгарских духов.

Джумбер запер дверь, взял свой лавровый бальзам, заткнул за воротник полотенце, высунулся в окно и принялся за весьма сомнительное укрепление редющих волос.

Закончив процедуру, он тщательно осушил волосы,

среди вороха бумаг, наваленных на столе, разыскал бумажку с текстом «Сейчас вернусь», приколол ее на дверь и, спустившись по лестнице, вышел во двор.

Стояла невыносимая жара.

Вода, щедрой струей пущенная на персиковые саженцы, росшие вдоль ограды, лилась вниз по спуску, на улицу, на мостовую, где автомобильные покрышки развозили ее веером, являя весьма приятное зрелище тому, кто взирал сверху.

Над крышами зданий трепетало серо-желтое марево. Ядовитый покров, сотканный автомобильными газами и заводскими дымами, прорывали вершины Мамадавида и Шазнабада и, устремленные ввысь, казалось, стремились приподнять к небесам и самый город.

А город будто не замечал этого покрова, он был включен в сеть высокого напряжения. Люди сновали туда и сюда с обалделыми лицами, и им было вовсе не до того, чтобы глядеть вверх.

Мимо Джумбера прошел Эрмало Абесадзе, склонившись над фонтанчиком, попил воды, смочил ладони, отер ими лоб, вытащив платок, встряхнул его, осушил им руки и направился к асам сигнализации, склонившимся над «ГАЗ-24».

Джумберу Брегвадзе показалось, что директор его увидел, но не поздоровался.

«Чего он пыжится, можно подумать, этот институт ему в наследство от отца достался! Назначил меня младшим лаборантом, только и всего, большое дело! Спасибо я ему сказал, поблагодарил, чего ж еще надо! Его почему-то не удивляет, что он директор, а то что я лаборант — удивительно?» — подумал он и, словно бы сам устранившись своих мыслей, снова стал всматриваться в нависший над городом зной.

— Значит, все это правда! Нет у них ни стыда, нет ни совести! Я-то думал, наговаривают. Да нет, ведь все правда, вот, гляди!

Джумбер и не заметил, в какой момент и как рядом с ним очутился табельщик Заза Ципуриа.

— Ты это о чем? — с удивлением спросил он.

Заза не отрывал глаз от приближавшегося к «мастерской сигнализации» Эрмало Абесадзе.

— Гляди теперь, гляди! Вот так, у нас на глазах все и произойдет! Я-то думал, враки, что директор с

ними в доле. Разве этот уважаемый солидный человек опустится до того, чтобы у Сосо Табуцидзе и Бадри Мачитадзе деньги брать? Чуть не разругался с моим приятелем, он пари предлагал, хорошо еще, я не согласился на пари, проиграл бы, дурак, как пить дать, проиграл бы! Вот, полюбуйся!

И будто в подтверждение слов Зазы, директор потрепал по плечу Бадри Мачитадзе, Бадри поднялся, выпрямился, что-то сказал валявшемуся навзничь под машиной Табуцидзе, потом директор и Мачитадзе вместе зашли в бокс. Минут через пять оба вышли оттуда, и директор, не прощаясь, ушел, а Бадри снова занялся машиной.

— Видишь, прав оказался мой приятель! Разве можно еще спорить о том, заодно с ними директор или нет? Ой-ой-ой, глаза бы мои не глядели! Совсем совесть потерял! Эх, где такой человек, который ему правду в лицо скажет, а? Кто на это осмелится, кто! Я-то знаю, чего он заслуживает, но...

Джумбер покинул Зазу Ципуриа, предоставив ему в одиночестве радоваться своему «открытию», и вошел в буфет, расположенный под лестницей, рядом с пожарным стендом. Белокурая буфетчица, опираясь на стойку пухлыми холеными ручками, жаловалась кому-то из посетителей: «Если так будет продолжаться, я здесь не останусь, не-ет, дорогой мой! «Временно», «временно», да неужто же не кончилось это «временно»? Захожу к нему в прошлый раз, говорю: «Шалвович, до каких же пор мне под лестницей ютиться, никто туда не заходит, человеку и стакан чаю-то негде там выпить. В конце концов, от людей стыдно, говорю. А он мне — что же мне делать, милая, что делать. Как это, говорю, что делать, ведь вы директор. Ежели вам не нужен этот буфет, так уж вовсе его закройте, а нет, так создайте мне нормальные условия работы, говорю. И что? Да об стенку горох, вот что! Нет, нет, милый мой, я здесь больше не останусь. За прошлый месяц план и вполнину не выполнила. Никто сюда не заходит, да кому охота в эту мышеловку входить...»

Младший лаборант раздумал пить чай и поплелся обратно, в свой рабочий кабинет. Никогда в жизни не

хотелось ему остаться одному так, как сейчас. До конца рабочего дня он перегнал уйму воды, заполнил все сосуды, все емкости, имеющиеся в лаборатории, и не появившись в дверях пьяница-уборщица, продолжал бы работать, не замечая, что рабочие часы давно истекли.

Уже перед уходом он бросил взгляд на склянку с восстановительной жидкостью. По знахарскому распорядку именно сейчас следовало произвести очередную лечебную процедуру, однако Джумбер почему-то этого не сделал, махнул рукой и вышел из лаборатории.

Впоследствии он ни за что не мог вспомнить, как пришел домой, ужинал ли или нет. Когда же очнулся, все было уже написано. Перечень преступлений Эрмало Абесадзе занял четыре страницы. Он перечитал заявление, положил ручку и устремил усталые глаза на портрет легендарного героя гражданской войны Сергея Лазо. Что он сделал? Совершенно очевидно, что двоюродный дедушка Хутунни не одобрил бы его поступка. В конце-то концов сами ущемленные директором упрямо молчали, а что за такой бесплатный юридический консультант выискался Джумбер Брегвадзе, чтобы ратовать за других? Ведь Эрмало Абесадзе ему лично ничего дурного не сделал, почему же он должен поднять на него руку, он, новоиспеченный младший лаборант?..

В конце концов страх и робость в душе Джумбера улеглись, их подавило другое чувство: «Извольте, я порву эти четыре листа и предам их огню, что может быть легче, но разве делу от этого польза? Человек заел весь институт, и никто с него ответа не спрашивает, это справедливо? Ведь Абесадзе еще хуже распояшется, если все в рот воды наберут. Нельзя же заботиться только о собственном благополучии! На свете существуют еще мужество и самоотверженность! Да если правду сказать, какая же в том самоотверженность — отнести эти четыре странички куда следует? Все факты проверят и сдерут три шкуры с вашего любезного Эрмало».

Так и таким образом размышлял герой нашей новеллы в тот достопамятный вечер. Он тщательно переписал набело свое сочинение, вложил его в конверт, не

подписав, проведя кончиком языка по смазанным кле-
ем краям конверта, запечатал его, но тут же распеча-
тал, сочтя недостойным посылать анонимное письмо, и,
разборчиво подписав свою фамилию, запечатал по-
слание и с облегчением вздохнул.

Не могу вам сказать, что сон его в ту ночь был без-
мятежным. Утром, идя в институт, он забежал в Уп-
равление, нашел в вестибюле ящик с надписью «Для
жалоб и предложений» и, опустив в него свое письмо,
с такой гордостью огляделся вокруг, точно совершил
героический подвиг и избавил мир от беды.

Через три дня его вызвали в местком. Председа-
тель месткома косоглазый верзила с огромными за-
крученными усами Биктор Цападзе принял его как
родного сына. Похвалил за смелость: «Если вы, мо-
лодежь, не будете стоять за справедливость, — сказал
он, — что тогда постигнет эту и без того грешную зем-
лю! Я и представить себе не мог, что Эрмало Абеса-
дзе способен на такие вещи. У тебя,—сказал он в за-
ключение,—верно, и доказательства налицо, иначе ведь
не стал бы ты писать это»,—и он помахал перед носом
нашего лаборанта скрепленными канцелярской скреп-
кой злополучными четырьмя листками.

Когда младший лаборант сообщил ему, что доказа-
тельств, то бишь документов, у него нет, и он просто
написал все то, что не подлежит никакому сомнению,
о чем вслух говорит весь институт, удивлению Биктора
Цападзе не было границ. Он в замешательстве по-
скреб подбородок и довольно долго глядел в упор на
начинающего жалобщика-любителя. Потом встал,
прошелся взад-вперед по кабинету и, остановившись с
сочувственным видом перед младшим лаборантом, по-
хлопал его по плечу. Предвидел, что ли, Цападзе, как
завертится карусель, нечаянно запущенная молодым
сотрудником?..

— Милый Джумбер, — заговорил Биктор Цапа-
дзе, — раз уж ты взялся за это дело, доведи его до
конца. Теперь отступать нельзя, это обернется против
тебя. Забери-ка ты свое заявление, и пусть его подпи-
шут хоть несколько человек. Вот так вот: «истинность
сего подтверждаю»—и подпись. Я бы и сам подписался,

да мне нельзя, потому как я—официальное лицо. А так я тебя во всем поддержу, теперь главное, чтоб не потерпеть поражения. Я думаю, что тем, кто тебе сообщал все эти факты, должно хватить мужества поставить свою подпись. Главное, чтобы ты не оказался один. Если ты не подкрепишь это заявление подписями свидетелей, тебя окрестят клеветником, и тогда уж ты на меня не обижайся, — с этими словами он уложил джумберово сочинение в папку, сунул папку Джумберу под мышку, пожелал ему успеха и провел к дверям.

Неусыпный страж академика Виктора Мониава, до отвращения энергичная и на удивление невзрачная лаборантка Вера, которая на деле была облечена функциями личного секретаря, к счастью Брегвадзе, отсутствовала: она отправилась приобретать масло по записке, и благодаря столь серьезному обстоятельству перед кабинетом академика никого не оказалось.

Академик заставил довольно долго проторчать у дверей вошедшего младшего лаборанта (именно в это время знаменитому мужу науки приспичило просматривать газеты), наконец, он поднял голову, устремил отсутствующий взгляд куда-то вдаль, потер кисти рук, хрустом перебрав пальцы, и спросил затененное розовой шторкой окно:

— Над чем вы работаете?

Брегвадзе (ибо вопрос все же относился к нему) объяснил, над чем он работает, и тут же присовокупил, что труды академика он читал, а в последнее время, не бросая французского, приступил к изучению и английского.

— Да, да... английский—это хорошо... пригодится... представьте, я знаю профессоров, которые в английском ни бельмеса не смыслят. Ну скажите мне, можно ли назвать ученого ученым, если он не знает английского?

— Нет, — с готовностью согласился Джумбер и трепетной рукой почтительно положил ему на стол заявление. — Если можно, подпишите, пожалуйста, вот это...

Потянулись тяжелейшие минуты напряженнейшего ожидания. Академик долго по слогам читал список прегрешений Эрмало Абесадзе, порой останавливался, перечитывал, возвращался назад. Было очевидно, что вла-

деющий иностранными языками (и особенно английским) Мониава не так уж чтобы очень знал родной грузинский.

— Отлично, — наконец завершил чтение академик. — Вы сами это написали?

— Да, — Джумбер с достоинством поднял голову.

— И что же, отнесли куда-нибудь?

— Да... но... необходимо несколько свидетелей. Когда вы подпишите, оно приобретет большую силу.

— Что сделает? — ах, как был похож в эту минуту академик на гитариста, нарисованного на пластинке «Битлз»!

— Приобретет большую силу...

Мониава принялся перечитывать заявление. Словно заучивая наизусть, он то и дело поднимал голову и повторял прочитанную фразу.

— Прекрасно составлено! Все совершенно правильно. А факт Миротадзе?

— Это вы мне его рассказали, если помните.

— Я? — академик понизил голос. — Да, я вам рассказал, помню. Ведь хорошо я сделал, что рассказал вам? Другой на моем месте, может, и не стал бы рассказывать. Ну, друг мой, теперь вам и карты в руки! Доведите это дело до конца. Никому не говорите, что вы были у меня. Всего вам наилучшего. Пойдите, вы оставили вашу работу!

— А вы... не подписываете? — с отчаянием в голосе спросил лаборант.

— Разумеется, нет! — Мониава встал, подошел к нему и, подхватив под руку, повлек к двери. — Я такие документы не подписываю, друг мой. Мне это неудобно. Ну, пока, пока, и держитесь молодцом, как говорят англичане! — и прежде, чем прикрыть за опешившим лаборантом дверь, он украдкой оглядел коридор и проговорил шепотом: — Факт Миротадзе прекрасно вписался! Если спросят, скажи — слышал, мол, не помню, кто мне рассказал. Так будет лучше для дела.

Как оплеванный, возвращался Джумбер в лабораторию. Академик в своем черном костюме удивительно напоминал ему пингвина, изнывающего от непри-

вычного и невыносимого климата в зоопарковском пересохшем от летнего зноя бассейне.

Аппарат для дистилляции воды не включался. Джумбер надел черный сатиновый халат, вытащил из ящика Бондо набор инструментов и принялся разбирать аппарат. Довольно долго он провозился, потом снова его собрал. Удивительно, все как будто было в порядке, а аппарат не работал. И контакты не были сгоревшими, и обрыва нигде не было. Джумбер уложил все на место и глянул на часы. Было около пяти. Вот-вот должен появиться завлабораторией. Джумбер взял склянку с настойкой для волос, высунулся в окно и, только вылил на голову первую порцию, в комнату без стука впорхнула Калиста Торшелидзе. Он поставил склянку на пол и взял полотенце.

Калиста своей развинченной походочкой обошла кругом лабораторию, остановилась перед Джумбером так, словно спрашивала его — подходят мне эти белые джинсы или нет. Она стояла, закинув руки за голову и улыбаясь. Сегодня она была даже красивее, чем в тот раз, и эти белые джинсы ей и вправду очень шли.

— Как хорошо, что ты пришла, Калиста, у меня к тебе дело, — обрадовался Джумбер и схватил папку.

— Дело? Ко мне? Ого... — она выставила вперед левую ногу и качнула своим гибким станом.

— На Абесадзе написана жалоба. Вот, читай!

— Ой, как интересно!! — хлопнула в ладоши Калиста. — А что с ним сделают?

— В лучшем случае ему не миновать снятия с работы.

— Послушай, — Калиста подошла к окну и зашелестела листками так, что было ясно — читать их она не будет. — То, что у него мертвые души, здесь написано?

— Да.

— Что он бабник — тоже?

— Нет.

— Почему-у?

— По-моему, это не такой большой грех.

— Ты с ума сошел? Впиши сейчас же. Он теперь уже начал мне глазки строить. Если, говорит, будешь умницей, я буду твоим покровителем. И плечико мне погладил.

— А ты?
— Что я?
— Что ты ему в ответ говоришь?
— Пока терплю, а потом, может быть, я ему такое устрою, что он своих не узнает!

— Ну, подпиши это.

— Что?

— Жалобу.

— Да ты соображаешь? — Калиста расхохоталась. — Или ты спятил? Ведь он в тот же день меня выгонит, — она отошла от окна. — Ну, я пошла, пока! — она подошла к дверям, но приостановилась, обернулась: — Джумбер, Джумбер, старший препаратор входит в профиль?

— Нет! — рявкнул Джумбер.

Калиста и Бондо столкнулись друг с другом в дверях. Бондо расплылся в сладенькой улыбке: «Куда ты, ангел, постой, погоди, дай нам полюбоваться тобой» — чмокнул ей ручку и вернул ее с порога, но Калиста обожгла склонившегося над столом младшего лаборанта гневным взглядом, сказала, что она торопится, и, приняв сугубо деловой вид, поспешно выпорхнула из комнаты.

Какалашвили проводил ее глазами, потом, вешая пиджак, вперился в Джумбера.

— Меня никто не спрашивал? Э-эх, такие вот сейчас и господствуют. Как звать-то эту девчонку?

— Звонил кто-то. Калиста ее звать.

— Что сказали, кто, мол, звонит? Ну уж, эта Калиста еще тот фрукт, будь уверен.

— Не сказали, мужской голос был. Так вроде она неплохая, да кто его знает.

— Целыми днями у Абесадзе в кабинете торчит. Разве он ее уберет? А со всеми нами она себя так держит, что и не подступишь. Можно подумать, с неба спустилась и даже не знает, каким образом люди размножаются. На днях Баркала немного грубовато с ней пошутил, так она час рыдала — как, говорит, он посмел. Такие все так себя ведут. Ты на это не клонь, смотри. Тот, кто очень уж порядочным себя преподносит, как раз отпетый и есть.

— У каждого свои приемы, — философски ответил Джумбер и, положив перед Бондо папку, добавил: — Посмотри, пожалуйста, если у тебя есть время.

Когда Бондо закончил чтение, он взялся обеими руками за шею, зевнул, потом, словно бы вспомнив что-то, вскочил, надел халат, запер дверь и, бросившись к Джумберу, заключил его в объятия.

— Ну, молодец, ай да молодец! Ты знаешь, что ты сделал?! Ты... да ты знаешь, кто ты?!

— Ну-ну... все молчали, до каких же пор молчать, — не смущаясь похвал, комментировал Джумбер.

— Да кто звук издаст, ты что! В институте половина сотрудников — его люди. Да если бы и не так было, разве ты не знаешь, что сейчас творится — люди измельчали, каждый лишь за свою шкуру трясется. Так, как я и ты, никто не рассуждает. Охо-хо-хо, — он поглядел на листки, — разделал ты его под орех!.. Пусть теперь попрыгает. И главное, ведь здесь все — сущая правда! Ну, прочистят ему мозги, это как пить дать!

— Ты должен это подписать, — спокойно проговорил Джумбер.

— Я-аа? — не своим голосом спросил Бондо.

— И ты, и все остальные.

— Кто тебе это сказал?

— Биктор Цападзе.

— Ты что же, уж и Биктору показал? — цвет лица Какалашвили уподобился цвету отваренной в квасах рыбы. — Надеюсь, обо мне ты ничего ему не говорил?

— Нет.

Бондо успокоился. Он снял рабочий халат, надел пиджак и начал звонить по телефону. После ряда безуспешных попыток выйти в эфир, он разворчался — что за безобразие, черт возьми, это дело? Никуда не можешь дозвониться! Уже в дверях он обернулся и, будто только сейчас заметив младшего лаборанта, бросил беглый взгляд в коридор, прикрыл дверь и доверительно заговорил:

— Джумбер, дорогой, если я подпишу эту бумагу, я только испорчу дело. Все знают, что мы с директором на ножах, скажут, вот, Бондо его натравил, тебя то есть, в своих интересах использовал. Тебя это уни-

зит, а меня выведут организатором заговора. Пусть подпишут другие. Да и кто не подпишет! А я ведь и так с тобой заодно. Ты знаешь—и без подписывания я на твоей стороне.

Ассистент Миротадзе, вооружившись иголкой и ниткой, пришивал отпорванный рукав своего финского пиджака.

Он первым приветствовал вошедшего Брегвадзе и сообщил ему, что финны, правда, отлично шьют пальто, однако в пошиве пиджаков вьетнамцы их явно превзошли — пиджаки они шьют лучше.

Прочитав предложенное ему заявление-жалобу, Миротадзе молча, но с еще большим усердием и вниманием принялся за шитье. Когда же Джумбер робко спросил, что он решил делать, Миротадзе чуть не со слезами на глазах залепетал:

— Ох, Джумбер, лучше мне умереть, честное слово! Разве я не должен быть рядом с тобой? Здесь все правильно! Ты ничего не бойся. Со следующей недели я ухожу в шестимесячный отпуск, через шесть месяцев я вернусь и тогда не то что подпишу это заявление, а еще хуже этого напишу! Я не такой человек, ты меня пока не знаешь как следует. Миротадзе никого не боится, так и знай!

После этой тирады он опять стал ругать финский метод кроя рукавов. «Если их спросить,—сказал он,—так они шьют на уровне мировых стандартов. Просто не знаю, как быть. Переделывать, между прочим, еще труднее, чем шить заново...»

Табельщик Ципурна уже знал, по какому делу явился к нему младший лаборант Брегвадзе, и, естественно, знал и то, что под этим делом никто не подписывается. Он поступил разумно: не стал утруждать себя даже прочтением жалобы. «Я,—сказал он,—самый маленький человек в нашем институте, дорогой Джумбер. Когда все остальные подпишут, загляни ко мне. Тогда и я поставлю свою подпись. А читать — чего там читать, я уверен, что ты написал все в точности как оно есть. А им недолго прыгать. Уж ежели директор себе такие дела позволяет, другие и вовсе распоясываются».

Когда Джумбер вернулся в лабораторию, лоб у не-

го горел. Средство для восстановления волос несколько охладило голову, но настроение падало все ниже. Он шагал взад-вперед по комнате и, словно в лихорадке, растирал ладонями плечи.

Зазвонил телефон.

— Алло, я слушаю!

— Джумбер, ты один?

— В полном смысле этого слова!

— Я говорю, у тебя там никого нет?

— Нет. А кто вы будете?

— Это не имеет значения. Ты в плохом настроении?

— Да, и не без причины.

— Послушай меня. Ты молодой человек, и тебя подвела твоя неопытность. С ними бороться нужно иначе. Ты должен был выступить на собрании и изобличить их всенародно. Тогда бы все это получило широкую огласку, сложилось бы мнение...

— Простите, но кто вы?

— Какое это имеет значение! Я твой доброжелатель. Чтоб ты знал, есть и такие клеветники, которые распространяют слухи, что Брегвадзе-де состряпал жалобу, ах, как, мол, не стыдно жалобы строчить, вторят им другие. В институте все всё знают, но жалоба их ужасно шокирует. Если бы ты выступил с этим на собрании, они сказали бы, что вот, мол, человек не вынес, и оценили бы твоё выступление как должное.

— Что-нибудь может помочь этому делу? — спросил на всякий случай Брегвадзе.

— Ты должен бороться до конца. Знай, я буду с тобой. Не думай, что все так безнадежно скверно. Я не оставлю тебя одного. Мы не оставим тебя одного! В нашем институте есть немало достойных людей. Выступи на собрании, слышишь, на собрании! Я органирую людей, мы тебя поддержим. Не бойся!

— Кто вы? Спасибо вам за то, что вы меня подбадриваете, но кто...

— Держись, держись! — доброжелатель отключился.

Джумбер долго еще держал трубку, в которой раздавались короткие гудки, и никак не мог сообразить, чей это был голос. Может, и этот неизвестный доброжелатель меня обманывает, может, он просто меня

испытывает, подумал младший лаборант, и у него сжалось сердце.

Джумбер Брегвадзе понял, что бой с Эрмало Абесадзе он проиграл. И оказался в полном одиночестве.

Возвращаясь домой, в троллейбусе, он тщетно пытался вспомнить, где, в какой момент он допустил ошибку, но никак не мог. Логика событий давала, пожалуй, иное объяснение. Джумбер и сейчас был убежден, что весь институт мечтал проучить Эрмало. Так что же случилось, что произошло с этими людьми? Неужели все это было одно притворство? Неужели все они сговорились против младшего лаборанта и, как пасхального ягненка, обрекли его на заклание? Но почему же каждый из них именно в беседе с ним заводил речь о безобразиях, которые творил Эрмало? Неужели и академик — всего лишь одно из звеньев в заговоре против Джумбера? Да, но в чем он провинился? И как теперь исправить это дело?

Вернувшись домой, он предал огню свое сочинение и твердо решил никогда в жизни ничего подобного не писать. «Пусть хоть всемирный потоп будет, лично я звука не издам, слова не пророню, и если выпутаюсь из этой ужасной истории, то впредь ни с кем никаких разговоров вести не стану. Как они меня одурачили! Сделали из меня посмешище! Почему я, дурак, сразу не понял, что всем им гораздо больше нужны Эрмало и ему подобные, чем такие, как я. Как я не догадался, как я не понял всего этого, болван!»

На следующий день ровно в двенадцать часов в дверь просунула голову Калиста Торошелидзе и возвестила младшему лаборанту, что его вызывает Цападзе.

Председатель месткома сосредоточенно, со вниманием выслушал Джумбера и, детально ознакомившись с ситуацией, не смог скрыть своего возмущения:

— Как не стыдно тебе, юноша! — воскликнул он, потирая рукой подбородок. — Разве можно так сразу бросать оружие? И это называется пламенная молодежь? Это — энтузиасты?! Одного маленького препятствия оказалось достаточно, чтобы вы опустили руки и разбежались, как стадо баранов! Не подписали за-

явление трусы, ну и что с того? Разве не все те, которые вершили исторические дела, разве не все они, герои, повторяю я, поначалу оказывались одними? Впервые, по какому праву ты сжег заявление? Ведь оно уже стало нашим документом! Оно четырежды проведено в деле!..

Джумбер объяснил ему, что он устал и не имеет никакого желания действовать против Эрмало Абесадзе. «Меня привели в этот институт научные интересы, — говорил он, — и, ради бога, никогда более не напоминайте мне об этом необдуманном шаге. Я не рожден для того, чтобы исправлять мир, я всего лишь маленький человек, так сказать, человек, увлеченный наукой, еще и не законченный ученый, и моя легкомысленная вспышка глубоко убедила меня в том, что подобные мне мессии-самозванцы вовсе не нужны миру. Наверное, не с одним только со мной случается такое: в какой-то момент, при каких-то обстоятельствах человек вдруг начинает что-то себе воображать и берется не за свое дело...»

Так или почти так говорил Джумбер Брегвадзе в ответ на упреки и укоры председателя месткома.

Биктор Цападзе, выслушав этот монолог, рассмеялся смехом Фантомаса, снова потер рукой свой железный подбородок, встал, прошелся разок-другой и остановился перед младшим лаборантом:

— Ты как думаешь, почему директор нашего института Эрмало Абесадзе, а не я, Биктор Цападзе?

Джумбер не понял его вопроса.

— Послушай меня, сынок, видел ты когда-нибудь или слышал такое, чтобы природных данных ученого и личных достоинств человека было достаточно для назначения человека директором научно-исследовательского института?

Джумбер опять не понял, о чем его спрашивают.

— Что вы хотите этим сказать, батона Биктор?

— Что я хочу сказать? Вот что, дорогой друг, запомни раз и навсегда: коли Эрмало Абесадзе директор, это означает, что существует на этом свете еще один человек, который охраняет его директорство и грозит укоротить любую длинную руку, протягивающуюся к креслу Эрмало. Нас никто не спрашивал, когда его назначали директором; и если снимать будут — опять

же нас не спросят. Если бы из-за таких вот писулек-жалобишек директорам уши отрывали, мир бы кипел безухими людьми. И ты, милый мой Джумбер, заруби себе на носу: Эрмало потому директор, что судьба его решена в очень и очень значительном месте. Не верь тому, кто тебе скажет, мол, такого-то и такого-то директора освободили по причине слабой работы. Директора освобождают лишь в том случае, если покровительствующую ему железную руку начинает разъедать ржавчина, или же, если кому-то, сидящему выше той руки, этот директор почему-либо надоел либо неугоден.

— Видите ли, батано Биктор, кое-что и я смыслю во всем этом, в конце-то концов, я ведь не с неба сюда упал, но вы знаете, что меня ввело в заблуждение? Все как один (он чуть было не ляпнул «включая и вас»), едва открыв рот и сказав мне «здравствуй», тотчас же начинали ругать и поносить Эрмало Абесадзе, все в один голос жаловались на безобразия и бесчинства, творимые Эрмало Абесадзе, и я поверил в истинность всех этих речей и решил — надо же хоть как-то помочь этим несчастным людям.

— А кто тебе говорит, что это неправда? Все то, что ты написал в своем заявлении, истинная правда, да я сам мог бы рассказать во сто раз больше того, но знаешь, почему ты остался в одиночестве, как Дон Кихот? Во-первых, выискивать недостатки у начальства, осуждать его и перемывать ему кости — это свойственно многим и многим людям. Помимо того, Эрмало и вправду прохвост и плут и дает немало оснований для того, чтобы его ругали. Но поверь ты мне, поверь, мальчик: в этом институте едва ли сыщется три человека, которые по-настоящему бы хотели, чтобы Эрмало отсюда убрали.

— Неужели удивительно, если честный человек пожелает убрать с дороги бесчестного, батано Биктор?

— Где ты видишь честного человека, кто у тебя в честных ходит? И кто даст жить честно? Белые вороны существуют только в сказках. В других местах, возможно, все иначе, но у нас в институте дело обстоит именно так: ну-ка, если ты такой молодец-удалец,

попробуй, не ловчи, не изворачивайся, ничего не нарушай, порядок и распорядок соблюдай. Да на тебя весь институт ополчится и до тех пор не оставят в покое, пока ты чего-нибудь не натворишь. А как только ты совершишь какой-нибудь проступок, тебя сразу все полюбят, ты, стало быть, их человек. С тобой уже считаются, за тебя душой болеют!.. Да, милый дружок, так оно и идет из года в год: упрямцы покидают институт, а люди поумней и поэластичней остаются.

— Но где же выход?

— Выход на территории этого института мы будем искать понапрасну. Это дело надо начинать издалека. Да, то, что ты сегодня остался один, совершенно естественно и закономерно. Я знал заранее, что случится именно так. Когда мы научимся стоять друг за друга, тогда Джумберов Брегвадзе никто не осилит, тогда и зазвонит колокол обновления!

— О поддержке и единодушии мечтали и Спартак, и Емельян Пугачев. Неужели и ныне, когда человечество достигло таких высот, приходится горевать об этом?

— Несомненно. Вы, честные люди, должны держаться вместе и в стороне. По-видимому, с течением времени люди забывают уроки истории или их заставляют забывать. Многие должны сперва постигнуть, что в борьбе за честную жизнь одной ласточки недостаточно. И пусть даже ты ничего особенного не сумеешь сделать, иной раз оторвись от каждодневной суеты и крикни громко «хэ-эй!» — чтобы хотя бы напугать притаившегося рядом с тобой твоего противника.

— Вот вы так правильно, так складно и так красиво говорите, вы все знаете, так почему же вы не подписали мое заявление, батано Биктор? — дрогнувшим голосом спросил Джумбер.

— По той же простой причине, дорогой Джумбер, по какой не подписали другие. Я испугался, что нас с тобой оставят одних, вдвоем, что это заявление подпишут всего-навсего два человека — я и ты. Видишь, какая беда нас одолевает, как мы разобщены, как мы не доверяем друг другу.

— А если бы все, к кому я обратился, подписались бы?

— Все равно, я думаю, что на сегодняшний день

мы не одолели бы Эрмало Абесадзе. Сукно, под которое кладут коллективные заявления, пока все еще самым толстым.

— Как мне не хотелось бы и в вашем лице видеть испуганного человека... Что ж, до свиданья, — голос Джумбера звучал подавленно. Он встал, как лунатик, и направился к выходу.

— Я бы предпочел, чтобы ты сказал «дальновидного и осторожного человека», юноша, — пробормотал ему вслед председатель месткома.

...Когда Джумбер решил, что все уже кончено, именно тогда все и началось.

В течение трех дней после того его никто не беспокоил. Сказать правду, он и сам старался никому не мозолить глаза. Он даже не выходил из лаборатории.

Утром в четверг Заза Ципуриа не разрешил ему расписаться в журнале прихода и ухода. Дескать, ты опоздал на семь минут, и я не имею права!.. «Да, но ты ведь должен был лечь в больницу», — с улыбкой возразил Брегвадзе; табельщик хотел ответить, что, оказалось, операция ему не нужна, он ходит на исследование, но раздумал, решив, что нет надобности младшему лаборанту досконально знать состояние его здоровья.

Вследствие этого семиминутного опоздания на доске приказов ровно через час появился приказ о вынесении первого выговора Джумберу Брегвадзе. Каллиста Торошелидзе принесла ему копию этого приказа в лабораторию и заставила расписаться в соответствующей книге. В тот же вечер его как провинившегося вычеркнули из списка дежурных на улице и объявили, что в этом месяце премиальные (одиннадцать рублей) ему выписаны не будут.

В понедельник в лабораторию мирманологии пожаловал заведующий хозяйственной частью, в прошлом сидевший за воровство, Харабадзе. Долго он мямлил и мялся, наконец, сообщил младшему лаборанту, что он вынужден сделать соответствующую запись в соответствующем документе о том, что Джумберу Бре-

гвадзе поставлено на вид и т. д. и т. п. неэкономная трата воды и электроэнергии.

В среду, после обеденного перерыва, по институту пронесся слух: в пять часов внизу, в универсаме, будут продавать сыр. Джумбер соблазнился возможностью приобрести сыр и, как был, в рабочем халате, бегом спустился по лестнице. Весь институт, да и сотрудники близлежащих учреждений, толпились перед универсамом. Наш младший лаборант, разумеется, присоединился к желающим приобрести сыр, однако ничего утешительного узнать не сумел. Он уже собирался было попросить Бадри Мачитадзе, мол, если сможешь, будь другом, возьми и для меня килограмм, как вдруг народу объявили: сегодня расходитесь, сыр будет продаваться завтра, в присутствии народных контролеров.

Вернувшись к себе, Джумбер не обнаружил на дверях прикрепленную перед уходом записку: «Пошел за сыром», и сердце у него оборвалось. Он понял, в чем дело.

На следующий день его вызвали в комиссию по укреплению трудовой дисциплины и с лицом сочувственным и грустным сказали: «Слушай, что же это с тобой творится в последнее время, только-только тебе вынесли выговор за опоздание, а тут ты умудрился смыться в рабочее время. Ну, скажи, пожалуйста, кто из нас не хочет разжиться сыром, но работа есть работа!»

Не требовалось обладать особой догадливостью, чтобы понять, что происходит вокруг Джумбера, и он великолепно это понял. Казалось, все только и смотрят, где он оступится, и удивительнее всего было то, что, чем больше он старался не давать никому повода для замечаний, тем больше нарушений находили в его работе.

Когда в конце месяца зав. научной частью пригрозил ему вынести его вопрос на общее собрание за невыполнение индивидуального и квартального плана, Джумбер не выдержал и пожаловался Бондо Какалашвили: «Разве ты не видишь, что они со мной делают? В ноябре начнется аттестация и меня за эти выговоры вытурят с работы». Бондо отнюдь не утешил и не подбодрил его. «Да,—сказал он,—ты прав, тебе грозит увольнение с работы. Я так и знал, что Эрмало тебе

не простит этой жалобы. Единственный выход для тебя — это пойти к нему с повинной, попросить, чтобы он великодушно простил твой необдуманный шаг. Авось, смилуется и простит. Я бы походатайствовал за тебя, но ты же знаешь, я занят по горло, минуты не имею, представь себе, мне дают всего лишь три процента от наследства дяди, я должен обжаловать это дело, предъявить иск банку, может, добьюсь хотя бы пяти процентов!..»

...Когда Бондо вышел, Джумбер долго возился с дверным замком, чтобы запереться и остаться одному со своими отнюдь не веселыми мыслями.

Потом он отключил аппарат для дистилляции воды.

Средство для восстановления волос вылил в умывальник, склянку промыл и уложил в картонный ящик. Осушил мокрые руки полой халата и высунулся в окно.

Глаза его ничего не различали — серо-желтое море, нависшее над городом, размыло все очертания. Слышался глухой гул да шум и плеск воды, орошающей персиковые саженцы в институтском дворе.

Он ненавидел все и вся в эти минуты. Как не хотелось ему думать о том, что гвоздем вонзилось в сознание и грызло все нутро. Он потер глаза, тряхнул головой, отошел от окна, снял с себя халат, плеснул в лицо холодной водой и растворил окно, выходящее на улицу Саламандры. От грохота и рева бульдозера там, внизу, у него волосы дыбом встали, и, захлопнув окно, он вернулся на старое место.

Он зажмурился, но перед закрытыми глазами замельтешили озаренные серебристым светом привидения, вроде как кадры немого кино. Все они здесь: академик в черной паре, с крашеными и начесанными на уши волосами, с багровым отечным лицом, Биктор Цападзе с железным подбородком, Калиста Торшелидзе со своей развинченной походочкой, растянувшиеся под машиной Сосойа Табуцидзе и Бадри Мачитадзе с глобусовидной головой, Заза Ципуриа с кроличьими глазами и завлаб Бондо Какалашвили — ускользящий в дверь сиамский кот. Наплывают, мешаются друг с

другом... как в безвоздушном пространстве... Движения замедленные и какие-то бессильные, слабые по шевелению губ Джумбер догадывается, что они говорят что-то друг другу, но что — он не понимает, не различает слов...

Внезапно привидения исчезли, и Джумберу послышался отдаленный звук шагов. Казалось, звук этот нарастал, словно звон колоколов, который—все сильнее и сильнее. «По коридору кто-то идет. Наверное, на каблуках металлические подковки... Кто теперь набивает подковки!..»

Звук шагов приближается. Неизвестный вот-вот подойдет к двери лаборатории.

Младший лаборант расстегнул пуговицы сорочки, провел рукой по волосам, легко вскочил на подоконник, закрыл глаза и выпрыгнул...

Автор этой новеллы второпях забыл сообщить тебе, любознательный читатель, что мирманологическая лаборатория помещалась на третьем этаже. А падение с третьего этажа, как известно, не дает стопроцентной гарантии смертельного исхода.

* * *

Мы сидим вдвоем в филоксеро-мирманологической лаборатории научно-исследовательского института. У Джумбера Брегвадзе на висках — седина. Временами он прижимает к губам кончик янтарно-желтой оглобли очков и взглядывает на потолок:

— ...В результате всей этой истории я потерял ногу. Выйдя из больницы, я долго и смотреть в сторону института не хотел. Но прошло время, подул новый, свежий ветер, принес благотворные изменения. Честные люди научились и смогли поддерживать друг друга... Прошло еще время, и меня пригласили в мой старый институт, назначив на должность заведующего филоксеро-мирманологической лабораторией...

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

ГРУЗИНСКОМУ ДРУГУ

До рассвета я «Картлис цховреба»
Перечитывал, полный печали...

Георгий Леонидзе

Как говорится, испокон
История писалась дважды:
Сначала кровью, а потом
Чернилами, и это — важно.
Что кровь? Ее всосет земля
(К тому же смертны до сих пор мы),
А после, жажду утоля,
Свои плоды той кровью вскормит...
Лишь летописец и поэт
Сумеют что-то нам оставить.
Но летописцу — много лет...
Седой, длиннобородый старец.
Он твердо знает: голос вещь
Насколько дозволяет смелость.
Ведь жизнь народа — это вещь,
Жизнь человека — просто мелочь!
И так он может много лет
Таить в душе всю горечь вдоха.
Но если замолчит поэт —
Считай, что, значит, дело плохо.
Ведь он еще позавчера,
Своей души взрывая недра,
Кричал восторженно: «Ура!»
И славил искренность и щедрость...
Есть удивительная власть
У слов, что вырвались из сердца,
Когда История лилась
Живой рекой, сметая дерзко
Преграды робкого ума,
Хитросплетений паутину...
Но каждый раз она сама

Возводит для себя плотину.
Хранят пергаментов листы
Так много боли и печали,
Но не найдешь в тех книгах ты
Того, что знали, но молчали.
Там скрупулезно сочтены
Все факты, даты и события,
Там воедино сплетены
Судьбы отчизны нашей нити:
Каким царям была верна,
С каким врагом случалось биться...
Так неужели не узнать,
О чем молчали летописцы?
О чем они в ночной тиши
Шептали горестно в постели,
Но, подавляя боль души,
Вверять пергаменту не смели?
Мой друг, Историю спроси
В ту ночь, когда тебе не спится:
В твоей земле иль на Руси —
О чем молчали летописцы?
Тебе, грузину, повезло:
Сквозь все невзгоды и метели,
Всем судьбам, всем врагам назло
Тебе явился Руставели —
Твой добрый гений, твой творец,
За все страдания — награда,
Спокойной мудрости ларец
И меч, разящий без пощады!
Под знаменем его века
Трудились вы, сражались, пели...
Хоть жизнь была и нелегка,
Но вы с надеждою глядели
В еще нехоженую даль,
Которая зовет и манит,
И было прошлого не жаль,
Пока грядущее — в тумане...
И все же нам узнать дано,
Как было все на самом деле,
О чем молчали так давно
И Нестор, и Фанаскертели.
Когда душа моя молчит,

Устав от боли и сомнений,
Я слышу голос их в ночи,
Несущий свет и утешенье:
«Себя молчаньем не тревожь: —
Ты слов напрасно не растратил.
В молчанье, правда, есть и ложь,
Молчащий — жертва обстоятельств.
Потомок дальний! Ну, и что ж,
Что мы в те годы были дети?
Я помолчу — и ты поймешь:
Мое молчание — свидетель...
Но это будет не всегда:
Я верю всей душой, что скоро
Настанет судный день, когда
Молчанье станет прокурором
И ничего не утаит,
Распутывая нить за нитью...
Молчанье встанет со скамьи,
Как неподкупный обвинитель.
Свершится суд, и знаю я,
Что приговор нам будет страшен:
Молчанье — грозный судья...
Но это — вам, потомкам нашим!»
О чем теперь весь мир шумит?
С тех пор, как грянул залп Авроры,
Потомки дедов наших, мы
С тобой отныне — прокуроры,
И все, что в прошлом, позади, —
Позор, бесчестие и слава —
Сегодня обо всем судить
Судьбой даровано нам право.
Одно я в сердце берегу,
Одной чертой мой дух помечен:
Я славлю ненависть к врагу,
Любовь друзей я славлю вечно!
Молчать не надо нам с тобой —
Пусть даже горек хлеб насущный:
Сегодня рвутся в смертный бой
Вчерашний день и день грядущий.
Мой друг, на чьей мы стороне?
С нас тоже спросят очень строго...
Как хочется и завтра мне
Идти с тобой одной дорогой!

●
Если ты смотришь на мир глазами поэта,
если каждый прохожий — тебе
только враг или друг,
если ты видишь, сколько света,
сколько радости
и сколько тепла вокруг,
если ты можешь
душу
вывернуть наизнанку
перед первой, которая тебя поманит,
а потом всю жизнь
крутить осточертевшую шарманку
и фальшивым голосом
петь о том,
какие это были счастливые дни,
если ты щедро даришь всем
песни свои золотые,
если ты не можешь не петь,
потому что душа поет, —
знай:
над горем твоим будут смеяться другие,
но они же
оплачут
последнее счастье твое!

●
Куда ни глянешь — леса, леса...
Сосен качаются паруса...
Кружится коршун над ними с плачем,
сердце странной грустью охвачено,
и всех прощает...
Словно ты сам
вместе с землю плывешь в небеса.

●
Как ты могуч и как богат,
Язык, Светлейшее Сиятельство!
Субъекту нужен предикат,
А предикату — обстоятельство...
Любовь — грамматика души,

Всегда в исканьи, вся в движении,
И все слова в ней хороши,
Что образуют предложение.

●
Друг мой, живи без обмана:
тебе я не стану лгать.
Ты знаешь: по склонам вулкана
нам долго с тобою шагать —
все выше и выше, к пропасти,
в которой клубится дым...
Так радостно делать глупости,
пока живешь молодым,
пока ты в дымное жерло
швыряешь тоску и боль
и хочешь быть самым первым
из тех, кто увидит огонь...

●
Глядят из-под распухших век
усталые глаза...
Как ты состарился, мой век,
и все глядишь назад...

Пусть мы состарились,
и пусть
мы знаем: смерть близка,
но через нас проложен путь
в грядущие века.

Гурам РЧЕУЛИШВИЛИ

ОСЕНЬ ДЕДУШКИ КОТЭ

Рассказ

ПЕРВОКЛАССНИЦА Лейла была заводилой среди своих сверстников и, казалось, знала все на свете считалки. Вот и сейчас, когда ребята решили поиграть в салочки, девочка встала в круг и начала громко считать: «Катится, катится яблоко красное — раз, два, три, вы-хо-ди!» — и тот, на ком замирала ее ладошка, отходил в сторону. Водить выпало Пето, самому маленькому: недавно ему исполнилось пять лет. «Ля-ля-ля, лови меня!» — раздавалось повсюду; кто-то свистел, привлекая внимание мальчика, кто-то, осмелев, подбегал и, дотронувшись до его плеча, с визгом отскакивал.

Конечно, догнать мальчишек, которые намного старше тебя, трудно, но, изловчившись, Пето сумел поймать подругу Лейлы, семилетнюю Катю. Дети прыгали, озорничали, лица их покраснелись, смех разносился далеко за пределы двора. Наконец, ребятам надоела беготня, и Лейла, скомандовав: «За мной!», повела всех за дом, к песочнице. Закипела работа. Началось строительство железной дороги, тоннеля и прочих сооружений. Пето, чтобы не отставать от старших, быстро побежал за лопатой.

— Де-душ-ка-а! Де-еда! — задрав голову, протяжно кричал мальчик до тех пор, пока старик не выглянул из окна пятого этажа. — Спусти мне лопату и ведро! Пожалуйста-а!..

Дедушка взял ведро, привязал к нему веревку, вложил лопату и осторожно начал опускать. Не дожидаясь, пока ведро окажется на земле, мальчик встал

на носки, на весу отцепил веревку и стремглав бросился к песочнице.

Старик некоторое время стоял у окна, наблюдая за детьми. Потом свернул веревку, положил ее на подоконник и тяжело опустился на стул.

— Не следовало мне продавать дом... — грустно вздохнул он и посмотрел на жену. Бабушка Тэкле сидела напротив, закрыв глаза и сложив на коленях руки. Ее клонило в сон, и голова с гладко зачесанными седыми волосами то и дело опускалась на грудь. Тэкле подняла веки.

— Да, напрасно, напрасно... — продолжал старик.

— Что поделаешь, — старуха вздохнула. — Постарели мы, трудно одним управляться...

— Да... — дед достал папиросу и, глубоко затянувшись, выглянул во двор.

Как любил Котэ щедрую грузинскую осень! Сейчас в его саду уже поспели мандарины, вот бы потрогать их тяжелые желтые шары, вдохнуть запах, потом взять лопату и, копнув мягкую податливую землю, перевернуть ком, разбить его несколькими сильными ударами... Всего три года назад он посадил инжир, а в ту осень, когда продавали дом, на деревьях уже появились плоды. Черные, сочные; казалось, под их тяжестью сгибаются ветки. Будто вчера это было! По утрам Тэкле еще спала, он собирал влажные от росы плоды и, уложив в вазу, ставил ее возле кровати жены. Тамар, подоив корову, готовила на кухне завтрак.. Сколько лет было Тамар, когда они удочерили ее? Два или три года, теперь уже и не вспомнишь.

Жара на пятом этаже ощущалась особенно сильно.

— Вчера Валериан приехал, — Тэкле нарушила тишину.

— Ну? — старик очнулся.

— Говорит, инжир наш поспел, каждый плод с кулак величиной..

Котэ потушил папиросу и снова задумался.

... Раньше в это время он принимал душ, долго стоял под струей холодной воды. Потом все вместе завтракали. Котэ надевал чистую рубашку, подходил к старому тусклому зеркалу, оглядывал себя и выходил из дома. Он медленно шел вдоль улицы, опираясь на палку скорее для солидности, чем по необходимости.

До работы было десять минут ходу, однако Котэ вы-
ходил всегда на час раньше: это время было ему нуж-
но, чтобы не торопясь поздороваться с соседями, погово-
рить с ними, сказать каждому доброе слово. То тут,
то там слышалось его приветливое «гамарджоба», а
малыши, услышав постукивание палки, радостно бро-
сались к нему со всех сторон. Для них у дедушки Ко-
тэ всегда находились конфеты.

Старик вздохнул. Ему захотелось сказать кому-ни-
будь «здравствуй» и похлопать по плечу. Он опустил
голову на руки и снова ушел в свои мысли.

Часто после работы он заходил на рынок купить
что-нибудь для дома. Молодые, завидев дедушку Котэ
с тяжелой корзиной, старались помочь ему. Возвра-
щаясь, Котэ почтительно кланялся соседям и степен-
но произносил: «Добрый вечер». Казалось, все ждали
его прихода и уже издали улыбались, махали рука-
ми. Сердце старика переполняла гордость.

Как хочется сказать кому-нибудь «добрый вечер» и
похлопать по плечу!

И опять бабушка Тэкле прервала молчание.

— Знаешь, Котэ, Валериан говорит, что такой ин-
жир даже дурной человек не сглазит.

— Надо же, выросли! — можно подумать, он сам
не знает этого! На глаза навернулись слезы.

Бабушка продолжала:

— Котэ, а мандарины наши, небось, уже пожелтели?

— Еще бы! Недели через две собирать надо!

— Ты понимаешь, что гогоришь? Какие две неде-
ли? Сегодня только пятнадцатое сентября, а мы рань-
ше октября никогда не собирали!

— Слушай, не учи меня! — старик рассердился.—
Увидеть бы сейчас мандарины своими глазами!
А вдруг деревья кто не полил, не окучил? Вдруг за-
были? — Потом он грустно добавил: — Да, не надо
было продавать дом...

— Одиноко здесь как-то, правда?.. — Тэкле уныло
посмотрела в окно.

...Когда Котэ возвращался с работы, он долго во-
зился в саду: окучивал деревья и кустарники, ухажи-

вал за цветами. Потом опять становился под холодный душ, и поздним вечером они вместе с Тэкле садились ужинать.

061935340
3025010033

— Э-эх, не надо было продавать дом... — со вздохом повторил Котэ.

— Ну а как же иначе? — вяло ответила бабушка Тэкле и прикрыла глаза.

Котэ встал, надел шляпу, взял свою верную палку и, взглянув на дремлющую Тэкле, вышел и закрыл за собою дверь. Лифт, как обычно, работал только на подъем, и старику пришлось идти пешком. С трудом переставляя ноги, он медленно спускался по лестнице. Его обогнал соседский мальчишка, и Котэ пожалел, что не успел с ним поздороваться.

Опять вспомнился старый дом, захотелось встретить кого-нибудь из прежних соседей, сказать «гамарджоба», приподнять шляпу. А потом пойти в сад, взять лопату и хоть немного покопать землю.

На третьем этаже из лифта вышла знакомая пожилая женщина. Котэ давно не встречал ее. Он подошел к ней, взял корзинку с продуктами, поцеловал женщине руку и проводил ее до дверей. Постояли немного, поговорили, и дедушка пошел дальше. Его походка стала уверенней, будто он свалил с плеч тяжелую ношу: он вдруг вспомнил, как недавно приезжала машина с землей, сыпала ее под деревья, что стояли вдоль тротуара и на улице.

Дедушка Котэ подошел к деревьям. Свеженасыпанную землю плотно прикрывала тяжелая металлическая сетка.

Сердце старика сжалось. Он отер подступившие к глазам слезы, отвернулся и, не оглядываясь, пошел назад. Проходя мимо нищего, достал деньги и вложил в его руку. Нищий удивленно посмотрел на пятирублевку, потом на Котэ, пробормотал «спасибо» и быстро исчез. Возможно, подумал, что старик ошибся.

Войдя к себе во двор, дед посмотрел наверх. Из окна выглядывала невестка.

«Э-эх, не надо было продавать дом...» — подумал он и направился к внуку, игравшему во дворе.

Перевод Наталии АЛЕКСАНДРОВОЙ

Михаил КВЛИВИДЗЕ

Стихотворения в прозе

ГЛОБУС

Когда смотришь на географическую карту мира, то кажется, что случись на земле пожар войны, — и человек легко отыщет место, где можно укрыться...

А ты на глобус посмотри!

МЕТАМОРФОЗЫ

О, времена!.. Роксана затаянута в джинсы и дымит сигаретой, а Сирано, чтобы понравиться ей, делает себе пластическую операцию.

ТАКОВА ЖИЗНЬ

Соседи собирают деньги — одинокий человек скончался вчера ночью в нашем доме.

И вдруг я вспомнил: накануне мы столкнулись в подъезде, я попросил у него закурить, и он протянул мне сигарету...

НА КУРОРТЕ

Шоколадные женщины держат под мышкой хнычу-щие плоды своих прегрешений и длинными мускулистыми ногами старательно полируют асфальтовые паркетные набережных и танцплощадок.

К МУЗЫКЕ

О, прости мне ошибку тех лет, когда в залах, пропахших твоим дыханием, я обращал внимание только на то, как внезапно хорошели девушки, которых я до этого не замечал.

ОНА

«Она уже здесь, в городе...» — сказали мне, и тотчас Время стало похоже на книгу с цветными картинками, в которой каждая страница — словно безмолвный вопрос: «А что она сейчас делает?..».

О ДРУЖБЕ

Ты и больше меня, и сильнее меня, и, право же, не стоит нам чрезмерно сближаться, потому что я растворяюсь в тебе, как ручеек в море, и тогда — конец нашей дружбе!

Перевод Александра МАРКЕВИЧА

С НАТУРЫ

В кухне
тесной, как спичечный коробок,
они умудрились
разместиться вчетвером:
четыре женщины,
четыре жены и матери,
упакованные в модные одежды,
втиснутые в джинсы.

Они дымят сигаретами
и говорят, говорят...
«Марлборо»,
«Кент»,

«Пелл-Мелл»...

Зажигалки —
японские, шведские, американские...
(У них все — заграничное!)
Они говорят, говорят...
Уже четвертый час
клубами дорогого сизого дыма
пропитываются стены и потолок.
Телефон,
привязанная к черному проводу
белая болонка,
вынесен на кухню
и время от времени взвизгивает,
что слегка оживляет
монотонную эту беседу,
в которой упомянуты все и вся,
кроме самой четверки,
раскуривающей сигареты
в тесноте между газовой плитой,
столиком и холодильником.

Надо помнить, что в гостиной
живут антикварная мебель
(добытая из дворца Георга Четвертого!),
серебро, мрамор, хрусталь...

В эту гостиную входить нельзя.

«Табу» написано и на спальне,
но там царит уже не Георг, а Людовик,
барокко, рококо...

— Ко-ко-ко... — кудахчет хозяйка, —
ко-стюмчик принесли на продажу.

— О-о-отлично...—откликаются еще три курицы хором,
смежают наклеенные ресницы
и горбатые клювы свои
погружают в китайские чашечки,
и кофе побулькивает в их горлах.

(Потом они опрокинут фарфоровые чашечки
и по рисунку гуши

определят с тревогой
каждая свою судьбу).

Четыре мужа, четыре петуха —
один из них отбывает наказание,
другой — в ресторане,
третий — районный начальник —
месит сапогами грязь на проселках,
а четвертый — далеко в Аргентине
семенит на цыпочках по сцене
и этим величайшим достижением национальной
культуры
ошарашивает иностранцев...

В кухню втискивается мальчик
с перемазанными в чернилах пальцами.
— Мама, задачка не получается...
— Он измучил меня, — стонет мама. —
Отвяжись ты наконец!..
Мальчик уходит.
А женщины продолжают беседу,
и четыре сигареты,
как четыре фабричные трубы,
все дымят и дымят
в знак того, что в нашем городе
еще не окончился
рабочий день.

Перевод Юрия МИХАЙЛИКА

Амиран АБШИЛАВА

„ПОТИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ“

ДИВНЫЙ сентябрь встретил меня в Потийском лагуне, лааской.

Соскучился по родным местам — вот и вся причина поездки.

Соскучился по грустным песням и сказкам, которые слушал когда-то у берегов Риони, по плетеным из ольховых прутьев и крытым камышом пацхам... Соскучился по очагу, дым которого сначала выгонял из моих глаз обильную слезу и уж потом сливался с тучами, которые ветер гнал над Понтом.

В последние годы местной благоустроенной гостинице я предпочитаю деревянные домики на окраине города в Малтаква.

Проходит время, и все роднее, дороже становятся мне эти места... Останавливаю машину, окидываю взглядом оставшиеся кое-где престарелые, шелестящие листвою дубы и липы, оды, стоящие на свайках на месте бывших болот, телят и детей, резвящихся на ярко зеленеющей траве, спокойных, безобидных буйволов, блаженствующих в пойменной рионской грязи... Слушаю пересвист снующих в зеленой траве перепелов и кряканье уток, взлетевших с озера Палиастоми...

Вокруг разлит поразительно знакомый аромат. И я всей грудью вдыхаю в себя этот живительный воздух...

К горлу беспощадным удушьем подкатит ком какого-то перчаточного блаженства — того и гляди задохнешься!

Но то ли еще бывает, когда я возвращаюсь из этих поездок, когда охватывает чувство ответственности и долга, заставившие меня взяться за перо и обратиться к этим публицистическим раздумьям.

О том, что в Потии затеяли что-то необычное, я знал и из печати, но, по правде говоря, сначала не понял, в чем суть дела.

Однажды тихим вечером навестил меня в Малтаква мой старый друг, журналист Карло Комахидзе.

Он начал прямо, без дальних заходов:

— Большое дело начали мы в Потии. Может, заинтересуешься?

Карло — молчаливый человек, скуп на слова. Сидим молча. Бывает ведь так, когда люди вроде бы и не беседуют, а понимают друг друга.

— Ну, что решил? — не выдерживает Карло.

— Сложное это дело. Во-первых, писать об экономических проблемах не так-то легко... Во-вторых, если начинание это стоящее, то и факты должны быть налицо. Надо уметь логически проанализировать их, разобраться во всех тонкостях эксперимента — это тебе не прогулка на моторном катере до Пичори¹. Наконец, кто его знает, а вдруг этот ваш эксперимент не оправдывает себя...

— Никто и не говорит, что дело легкое... Вот возьми и изучи, раз тут сидишь!

— Тут меня другие вещи интересуют, другая задумка есть...

— Ну, а все же?

— Земля, по которой течет главная река Колхети. Меня волнуют ее экологические проблемы: Чаладиди, где не пасутся стада, ее поредевшие леса, Палиастомы, в котором почти вывелась кефаль, и бог его знает, сколько еще всякого.

— То есть земля, среда, природа, так?

— Скажем, так...

В тот вечер мы больше не говорили об этом. Попили чаю, вспомнили дела прошлые, новые. После долгой разлуки нам было о чем поговорить... Засиделись допоздна.

На следующий день вечером Карло снова навестил меня. Он

¹ Заповедник севернее Потии.

положил на стол газеты, которые принес под мышкой, потом достал «Правду». Передовица вся была испещрена красным карандашом.

«...Основной задачей эксперимента является установление истины и адекватное следование ей». Следующая строка усиливала эту мысль: «Именно отсюда начинается оптимальная оценка экономических, социологических и экологических проблем, перевод их из категорий таинственных в категории ясные, применимые, плановые».

— Вот видишь, эксперимент предусматривает почти все сферы, а среди них и ту, которой занят ты.

В итоге одолел меня мой друг...

«...Мы в своем общественном развитии подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали неизбежными глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений. Это не просто наше желание, товарищи, это объективная необходимость, и ее нам, как говорится, не объехать и не обойти». (Из доклада на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС).

В экономике должна быть найдена оптимальная схема сочетания отраслевых и территориальных интересов. Выработка же оптимального варианта, в силу своей проблематичности и масштабности, неизбежно содержала бы в себе известную долю риска.

Люди думали, спорили, искали... В последние десять лет все крупные форумы, проведенные в республике, пронизаны стремлением решить эту сложнейшую проблему. В атмосфере поиска формировался и актив республики. Естественно, что только в такой обстановке могла родиться новая, оригинальная мысль. Ведь точно также родилась и идея агропромышленного эксперимента.

Успех одного новаторского почина породил другой, не менее важный, и было решено на этот раз хозяйственный эксперимент провести в Поти.

Почему именно в этом городе? Уровень благоустроенности и коммунальных услуг в Поти отстал от уровня развития этой сферы в других городах Причерноморья. На его территории расположены предприятия, подчиненные более тридцати различным министерствам и ведомствам, обладающим довольно мощным экономическим потенциалом. Несмотря на то, что каждое из них пользуется всеми благами, которыми располагает город, оно блюдет только свои ведомственные интересы и в ответе только перед непосредственно вышестоящими органами.

Не только Поти, но и вообще все малые города представляют собой специфический социально-территориальный регион. Различные министерства и ведомства, имеющие на их территории предприятия и учреждения, не учитывают всех сложностей, забот и нужд городского хозяйства. Например, предприятие растет, увеличиваются расходы на электроэнергию, воду, коммунальные, бытовые услуги и многое другое.

— Я плачу за все, так что будьте добры и обеспечьте меня всем этим, — категорически требует предприятие.

— Из каких средств? Мой план и бюджет предусматривают только существующую коммуникационную сеть и исходят из ее возможностей, — отвечает город.

Специалисты так определяют это несоответствие: социальная инфраструктура города не соответствует его производственному потенциалу.

Мы не станем говорить здесь о всех статьях дохода порта, а остановимся только на одной из них — на питьевой воде. Ежегодно около семисот зарубежных кораблей пополняют в порту свои запасы пресной воды, которая подается по трубопроводу из отдаленного от города на сорок пять километров села Носири. За это они платят валютой. Но в казну из этих средств ничего не поступает, тогда как городского бюджета не хватает не только на содержание этой воды в должном состоянии, но даже на замену старых труб новыми.

Вблизи уникального озера Палиастоми уже давно работает торфодобывающий завод, обеспечивающий столь необходимое для сельского хозяйства сырье. Но в огромных отверзших пасть карьерах образуются болота, порождающие комаров, этих вечных врагов Колхиды. А сколько сил, времени, средств было потрачено, чтобы избавиться от них... Разве в рамках городского бюджета можно решить эту большую проблему?

Строительство гидроэлектростанций на Риони значительно сократило снос в устье твердых пород, что вызвало интенсивный размыв береговой полосы и потерю лучших земельных участков. Сегодня для обуздания морской стихии требуются миллионы рублей.

Река Капарчана не желает течь по новому руслу, нанося при каждом паводке или наводнении большой ущерб. Обуздание ее обойдется тоже недешево.

Требует очистки русло Риони. И эта статья расхода в городском бюджете более чем скромна.

Можно перечислить еще много зашедших в тупик проблем,

которые волнуют не только потийцев. При этом продукция потийских заводов — корабли на подводных крыльях, земснаряды, электромоторы, океанический промысел рыбы и сам порт приносят прибыль не только в рублях, но и в десятках миллионов валюты.

Из года в год остаются нерешенными жизненно важные для города проблемы, что дает повод обывателю обвинять во всем местное руководство. Сведущие же люди сразу сообразят, что существует способ решения подобных вопросов путем долевого участия заинтересованных лиц. Да, существует. Так, уже строится комплекс городской фекальной канализации. Но для осуществления подобного сотрудничества потребовалось в свое время специальное постановление Центрального Комитета КПСС и Советского правительства «О мерах защиты от загрязнения Черноморско-Азовского бассейна».

Нельзя же все проблемы решать на столь высоком уровне...

Беседую с первым секретарем Потийского горкома партии Бакуром Гулуа.

— Вы, батано Амиран, не обижайтесь, но упустили одну из главных причин несоответствия. Вы ее увидели в деньгах, финансах. Но, допустим, дали эти деньги, уплатили за воду, электроэнергию и другие коммунальные услуги впятеро. Но куда деваться без лимитов? За деньги лимитов не дают! Вы упомянули о долевым методе участия. Да, такой метод существует. Но знаете ли вы, что это значит? Нужно постоянно стоять с протянутой рукой перед союзными органами. Кому внушишь, что в Поти не хватает питьевой воды, когда стране нужно обеспечить водой Кара-Кумы!

— Значит, получается, что «стоим в воде и горим в огне»!

— Выходит так... Если нет лимитов на нужные материалы, одними деньгами делу не поможешь! Ассигнациями улицы не вымостишь — битум нужен. Жилых домов не выстроишь — строительные материалы нужны, производство не увеличишь — нужна материально-техническая база. Потому мы и решились на этот эксперимент в Поти — интересы его социально-экономического развития категорически требуют усовершенствования структуры хозяйственного механизма города, установления количественного и качественного равновесия выпускаемой в городе продукции, а не арифметического перераспределения прибыли, как думают некоторые не очень осведомленные в этом вопросе люди... Знаменателен и тот факт, что пути и средства к выходу города из затруднительного положения, в котором он оказался,

совпадают с решением проблем сугубо важного государственного значения, — заключает Гулуа.

По каким еще соображениям был выбран для эксперимента именно Потий?

У города, как и у человека, — свой характер. Потийцы — народ самолюбивый и город свой любят по-своему. Это в первую очередь видно по их гражданственной позиции: когда им пришлось туго, они не искали к кому обращаться за помощью, а сами нашли пути для выхода из трудного положения. Этот патриотический настрой потийцев и был учтен.

Подобные эксперименты ощутимо увеличат бюджет республики. А, следовательно, возрастет и удельный вес ее в усилении общесоюзного экономического потенциала.

Все вышеперечисленные причины и мотивы были тщательно изучены руководством республики, и оно поддержало предложение Потийского городского комитета партии и исполкома о создании на средства административно-управленческого аппарата предприятий и учреждений, расположенных в черте города, территориально-межотраслевого объединения.

Основная цель и назначение объединения — оптимальное сочетание территориального и ведомственного управлений, с тем чтобы все трудовые коллективы города, независимо от того, кому они подчинены непосредственно, безоговорочно выполняли плановые государственные задания и взятые на себя обязательства. Для выполнения этой задачи оно должно выступать не в роли назойливого советчика или очередного контролера, а разрешать животрепещущие проблемы, брать на себя выполнение многих неотложных межведомственных функций, вплоть до выпуска межотраслевой продукции.

Ведущим экономическим рычагом объединения нам представляются централизованные фонды экономического стимулирования, создание которых возможно лишь при условии перевыполнения технико-экономических показателей всем народным хозяйством города.

Иначе говоря, в местном городском бюджете появилась новая статья расхода и дохода — десяти- и пятидесятипроцентные взносы со свободного остатка прибыли предприятий. Тем самым городской бюджет связался с финансово-экономической деятельностью расположенных на территории города предприятий, так как невозможно получить сверхплановую прибыль, не уменьшив себестоимости производства, то есть издержек производства. Сокращение непроизводительных затрат, снижение до минимума банковских штрафов и вообще внедрение безотходной техноло-

гии, естественно, подразумевают эффективный труд. Вне этого фактора территориально-межведомственное объединение существовать не сможет.

Согласитесь, подобная система, несомненно, сыграет свою роль в решении значительных вопросов экономики страны, поскольку заинтересованность территориально-межведомственного объединения в снижении производственных затрат полностью сливается с той же заинтересованностью государства в достижении максимальных результатов при минимальных затратах и является основой сопряжения государственных, отраслевых и территориальных интересов.

Суть эксперимента, в основном, в этом и состоит.

Следует также добавить, что дополнительный эффект, который будет достигнут благодаря осуществлению этой идеи, я имею в виду показатели финансовые и показатели материальной продукции, то есть сверхплановую денежную прибыль и сэкономленные материальные ресурсы, и является тем реальным путем решения главной социально-экономической и политической задачи — повышения эффективности общественного производства. Это по части прибыли.

Давайте посмотрим, как могут быть использованы эти дополнительно полученные суммы.

В соответствии с указанием руководящих органов республики Госплан выделяет городу определенные лимиты из резервов.

Главной задачей, естественно, является оптимизация трех основных компонентов улучшения структуры хозяйственного механизма — управления, стимулирования и организации.

Теперь поговорим о юридической правомочности эксперимента.

Территориально-межотраслевое объединение создано на базе конституционных прав городского комитета народных депутатов и представляет собой, выражаясь образно, его жизненную артерию в вопросе управления экономикой. Тут сопрягаются все производства и ведомства союзного, республиканского и местного подчинения, расположенные на территории города.

Но, что самое главное, городской Совет народных депутатов вместе с компетентным отраслевым руководством становится полным хозяином своей территории и своих подопечных, возлагая на себя и всю ответственность за срывы и неполадки в их деятельности.

Я позволю себе прибегнуть к аналогии. Рачительный хозяин не нуждается в инструкциях как вести хозяйство на приусадебном участке. Присмотритесь, как мудро крестьянин организует работу

в своем личном хозяйстве. Он реалист, и заложенное в нем здор-
овое начало никогда не позволит заразить себя позорным ви-
русом болезни, называемой «приписка». Не станет же он обма-
ывать самого себя и обворовывать собственный карман?

Именно этого качества не хватает некоторым руководителям-
хозяйственникам, которые больше заботятся о своем кресле, слов-
но оно — их собственность, нежели о деле, вверенном им об-
ществом, государством.

Если мы не станем заботиться об общественном добре и
благае, подобно тому, как радеет о своем добре крестьянин,
проку от нашей деятельности не будет, а беспорядки и наруше-
ния так и останутся неискорененными.

Без особого напряжения можно догадаться, к какой парал-
лели я хочу прибегнуть. Если городской Совет и, в частности, тер-
риториально-межотраслевое объединение будут относиться к де-
лу, как наш крестьянин, — оно также юридически правомочно
управлять своей территорией — будут приведены в порядок
и организация труда, и дисциплина. Опираются будут на самый
значительный стимулирующий фактор — оплату.

Эта правомочность станет и гарантией осмотрительности, ре-
ального подхода при принятии самых разнообразных решений.

Тот факт, что каждое отдельное предприятие вносит в бюджет
городского Совета десять процентов от свободного остатка пла-
новой прибыли и пятьдесят процентов от свободного остатка
сверхплановой прибыли (естественно, в определенных ситуациях
возможно и изменение процента), само собой, указывает на ре-
альную основу эксперимента. Тем более, что такое положение по-
лучило право закона с соответствующей подписью и печатью.

Следуя логике, подобная арифметическая связь станет зало-
гом кровной заинтересованности местного городского Совета в
высокоэффективности производства и высоких экономических по-
казателях предприятий, расположенных на его территории, по-
скольку и сам диапазон работы Совета будет определяться этими
показателями. С точки же зрения прибыльности предприятий факт
координационной связи вдвое повысит их ответственность за ко-
личество продукции, ее качество и дисциплину, исключит узко-
ведомственные интересы, всяческие «приписки», недобросовест-
ные манипуляции, ибо в лице городского Совета они будут те-
перь иметь заинтересованного в повышении их реальных пока-
зателей контролера. Правильнее было бы сказать — партнера.
Эти взаимоотношения сулят не только значительный экономиче-
ский эффект, но и нравственно-психологическую победу.

Таким образом, инициатива потийцев вполне надежна, по-

сколько местные интересы сочетаются с общегосударственными. Она отличается независимостью в выборе конкретного пути при решении возникших задач и, что самое главное, высочайшей ответственностью, рациональным и практичным подходом к народному хозяйству города.

Тут уже невозможно будет склонить кого-нибудь к принятию нереальных планов или обязательств, а также прибегнуть к «коррективам» — этому распространенному и испытанному средству самостраховки.

Реальный план — реальное выполнение. Таково основное кредо эксперимента.

С реальными цифрами должны иметь дело реалисты («деньги счет любят»), они-то и прекратят бездумное разбазаривание средств, легкомысленное отношение к столь важному вопросу, как себестоимость, задумаются о том, чтобы себестоимость соответствовала стоимости.

Необходим точный учет того, где и сколько мы имеем, как используем, сколько расходует, где находим и где теряем. Сегодня у нас тем более нет права на барское, я бы даже сказал, ветреное мотовство и неразумную, ничем не оправданную щедрость. Да и природа ничего не дарит — всюду нужно приложить усилия. Нерачность разоряет и развращает человека не только материально, но и духовно. Легко доставшиеся деньги и тратить легко.

...Недавно в Поти в трудовых коллективах развернулись откровенные диалоги, во время которых еще раз были тщательно обсуждены все стороны эксперимента. Выяснилось, что, несмотря на ясность целей и задач, очевидность успехов, разногласия не прекращаются. Это естественно.

На проведенной в Центральном Комитете КПСС встрече с ветеранами партии отмечалось, что часто устоявшиеся представления, привычки мешают восприятию нового.

В Поти противников эксперимента можно на пальцах перечесть, однако XIV пленум городского комитета партии разъяснил, что предложенный новый механизм сочетания территориального и отраслевого управления и совершенствования организационной структуры и стимулирования отнюдь не модифицированный «Совнархоз», как считают некоторые товарищи, — это не завуалированное средство урвать у государства как можно больше средств. На первый взгляд, такое впечатление создается от принципа взаимосвязи прибыльности предприятий с доходами и расходами местного бюджета. Но ведь эта идея заимствована из известного постанов-

ления директивных органов о мероприятиях по увеличению роли Советов в хозяйственном строительстве.

Основное достоинство эксперимента как раз в том и состоит, что Советы уже сами непосредственно заинтересованы в высокорентабельности, эффективности каждого расположенного на их территории предприятия. Курс объединений ориентирован на достижение качественных, а не количественных показателей в народном хозяйстве.

Разве не говорит о том же факт, что на протяжении последнего года благодаря гибкой деятельности объединения дополнительная прибыль бюджета составила почти миллион рублей. Сумма эта, по решению Совета, была в основном использована на совершенствование производственной инфраструктуры.

В первой половине 1983 года план прибыли был выполнен на 142,6 процента, доходы бюджета — на 136,2 процента, на 41,6 процента выросло количество продукции, выпускаемой со Знаком качества, а эмиссия и неплатежи уменьшились на 40 процентов.

За тот же период предприятия города с успехом обеспечили выполнение государственных планов по производству и реализации продукции, росту производительности труда. Выполнены государственные планы в таких отраслях городского хозяйства, как строительство, торговля, обслуживание, автомобильный транспорт и другие. Значительно повысились производительность труда и его оплата. Упрочилось экономическое и финансовое положение предприятий и организаций.

Такие высокие качественные показатели, естественно, вызвали интерес у вышестоящих органов. В Центральном Комитете КПСС дважды был заслушан отчет Потийского городского комитета партии. Приказом ЦСУ СССР от 1 июня 1983 года отчет о развитии промышленности города Поти был выделен из данных по республике в отдельную статью. Тем самым все союзные органы получили возможность самим анализировать результаты действующего хозяйственного эксперимента, самим проверить, какое влияние оказывает новый орган городского Совета — территориально-межведомственное объединение — как на деятельность народного хозяйства города в целом, так и на хозяйственно-экономическую деятельность каждого предприятия в отдельности.

Заинтересовался и ознакомился на месте с идущим в городе экспериментом член Политбюро Центрального Комитета КПСС, секретарь Центрального Комитета КПСС М. С. Горбачев. Он пол-

ностью поддержал начин потийцев, что впоследствии выразилось и в практической помощи.

В сентябре прошлого года город посетил секретарь Центрального Комитета КПСС Н. И. Рыжков. Он положительно оценил проводимый эксперимент и отметил, что начин этот требует широкого распространения.

Высокие качественные и финансовые показатели привлекли особое внимание министра финансов СССР В. Т. Гарбузова. Он внес на рассмотрение правительства предложение распространить эксперимент на всю Грузию, в том смысле, чтобы все предприятия союзного подчинения вносили взносы в местный бюджет. В случае принятия этого предложения республика получит дополнительный доход в миллион рублей.

Начин потийцев вызвал широкий резонанс в масштабе всей страны. В 1982—1983 годах для ознакомления с ним город посетили ответственные работники Центрального Комитета КПСС, авторитетнейшие комиссии Совета Министров СССР и Верховного Совета СССР, около шестидесяти делегаций республик и областей страны. Переписку с городским комитетом партии установило около сорока партийных комитетов.

Эксперимент курирует и опекает секретарь Центрального Комитета Компартии Грузии С. Е. Хабеишвили.

Без преувеличения можно сказать: Потийский эксперимент явился значительным явлением в жизни страны, и в основе его лежат зафиксированные на ноябрьском (1982 года) и июньском (1983 года) Пленумах стратегические принципы общегосударственной политики. Поэтому так многосторонни его рабочие задачи: точное определение существующего в регионе социального и экономического положения и его скрупулезное изучение; поиск и выявление пока еще не ведомых нам ресурсов, разгадка созданных природой и неосмотрительностью людей «ребусов» и «загадок»; освоение найденных ресурсов, их экономическое осмысление, превращение разгаданных тайн в плановые социально-экономические категории.

Какой же филигранной и напряженной работы требуют от объединения взятые им на себя функции! Ведь оно связывает почти все отрасли народного хозяйства, у каждой из которых свои особенности, отличный друг от друга профиль, продукция, различные показатели прибыли и убытка, наконец, если можно так выразиться, невольные внутренние противоречия.

Как собирается справиться со всеми этими задачами территориально-межведомственное объединение?

Ответить на этот вопрос в общих чертах невозможно. Пре-

жде чем это сделать, нам предстоит знакомство со структурной схемой управления объединения.

Объединение подчиняется городскому комитету народных депутатов и Госплану республики. Высшим его органом является Совет, в состав которого, в соответствии с занимаемыми должностями, входят начальник объединения, он же и первый заместитель председателя исполкома, его заместители, заведующий финансовым отделом, руководители Государственного и Строительного банков, начальник счетно-вычислительной станции, руководители входящих в объединение предприятий и организаций, начальники отделов объединения и представители общественных организаций.

Состав Совета объединения утверждает городской Совет народных депутатов.

А теперь давайте ознакомимся с управленческим аппаратом объединения. Можно было бы ограничиться простым перечислением входящих в него отделов, описанием прав и обязанностей каждого из них, фиксацией поля их деятельности. Однако этот поверхностный перечень не даст нам полного представления о живой сути эксперимента.

Отдел оперативного руководства (начальник Джамбул Шургаиа) считается регулирующим органом оперативного управления и руководства городской промышленностью, транспортом и связью, структурным подразделением объединения. Сюда стекается точная информация о материальных ресурсах предприятий города, их техническом обеспечении и задействованности механизмов, их занятости. Отдел связан почти со всеми звеньями хозяйства города. Тут на каждом отрезке времени безошибочно знают, на каком участке и какое предприятие испытывает затруднения, какое предприятие может им помочь, и не только без ущемления собственных интересов, но и с выгодой для себя.

Как это происходит?

Существует в экономике такое понятие — коэффициент применения. Материальный ресурс, нужный предприятию, но в данный момент находящийся без применения, на языке экономистов считается неиспользуемым. Этот ресурс припрятан руководителем предприятия, как принято говорить, «на черный день», он — завтрашний хлеб предприятия, гарантия его ритмичной деятельности, но для государства он утаен, не участвует в обороте, подобно зарытым в землю или зашитым в подушки деньгам!

Почему этот ресурс не должен сослужить добрую службу смежному предприятию, когда объединение дает прочную га-

рантию, в соответствии с соглашением, вернуть долг хозяину в срок?

Если угодно, приведу другой пример: объединение точного знания, когда берет контейнеры, скажем, завод электроусилителей, для погрузки и разгрузки которых здесь имеется собственный механизм, непосредственно прикрепленный к этой операции. Знают здесь и то, что в определенные дни автокран завода определенное количество часов не задействован, то есть простаивает. Отдел оперативного руководства, систематически получающий от предприятий города (об этом уже говорилось выше) точную информацию о загруженности механизмов работой, согласовав вопрос с заводом, посылает этот автокран на то предприятие, где в нем есть необходимость. Конечно же, это предприятие платит владельцу механизма за выполненную автокраном работу.

Таким образом, отдел оперативного руководства является звеном, которое подключает резервы одного производства к другому, что приносит выгоду и той, и другой стороне.

Мне этот отдел показался своего рода лабораторией, в которой с максимальным вниманием, с истинно творческим подходом изучают вставшую перед тем или иным предприятием острую проблему, с профессиональным мастерством анализируют создавшуюся ситуацию и на основании этого делают оптимальные выводы для исправления положения.

Надо отметить и то, что не только этот отдел, но и вообще все объединение укомплектовано профессионально и идеологически подготовленными молодыми специалистами.

На XIV пленуме Центрального Комитета Компартии Грузии было отмечено, что «...без приведения в действие внутренней, духовно-нравственной энергии людей эксперимент в Поти не принес бы столь обнадеживающих результатов».

Еще одно новшество: по инициативе отдела оперативного руководства и пассажирского автотранспортного объединения (генеральный директор Джуту Чантуриа) при непосредственной помощи министра автомобильного транспорта республики Теймураза Давиташвили в городе совсем недавно внедрена центральная диспетчерско-контрольная система «Налмас», которая применяется для поддержания точности действия графика движения автобусов. Умная машина устанавливает двустороннюю телефонную связь между центральной диспетчерской службой и водителем автобуса. В свою очередь, диспетчерская служба связана с отделом оперативного руководства, который в любое время информирован о том, в каком районе города находится автобус и что у него не ладится. По этой системе регулируется движение

автобусов в точном соответствии с графиком, строго контролируются сбои в ритме движения; задерживающаяся из-за технических неполадок машина (скажем, спустила покрывка) — оперативно, в несколько минут, заменяется другой, а на помощь первой также срочно высылаются ремонтная бригада.

«Налмас» рассчитан на маленькие города, максимальный радиус его действия равен 15 километрам, и в состоянии регулировать одновременно движение от 50 до 100 автобусов. Эта установка стоит 15 тысяч рублей, а ее годовой экономический эффект, по расчетам потийцев, достигнет 30 тысяч рублей. Поэтому в скором будущем они предполагают по той же системе упорядочить движение троллейбусов и микроавтобусов.

А теперь о моральном и стимулирующих эффектах этой системы.

Не скрою, сам лично испытал преимущества этой системы. Я еще не встречал такого точного, аккуратного распорядка движения автобусов. Даже в часы «пик» на остановках стояло не более 3—5 человек.

Таким образом, ни один потиец, рабочий или служащий, не сможет сослаться, в случае опоздания, на плохую работу транспорта.

Внедрение системы обусловило и то, что к 19 автобусам на 13 городских маршрутах в начале и конце рабочего дня достаточно бывает добавления всего лишь двух машин.

Во время опроса домохозяек, рабочих и служащих выяснилось, что население очень довольно работой транспорта в последнее время, хотя некоторые из них даже и не знали о причине такой резкой перемены в работе городского автохозяйства.

Я думал, что найду среди водителей недовольных внедрением контролирующей системы, поскольку она препятствует всяческим уловкам и махинациям. Ничуть не бывало. Водители рады этому новшеству еще больше пассажиров.

— Если я выдерживаю график, мне дополнительно платят двадцать процентов от выработки... Без этой системы мне трудно было выдерживать график, и, естественно, я каждый месяц терял изрядную сумму. Наконец-то вздохнули мы, шоферы, с облегчением, — сказал мне Николоз Лемонджава.

— Как ни халтурь, как ни бейся, все равно не наберется в месяц больше, чем дает заработать «Налмас». Его не «Налмасом», а «Алмазом» надо было назвать, — смеется Борис Хоштариа.

— Зачем мне попрошайничать, к чему мне репутация врача, когда аппарат мне и без чужих попреков обеспечивает подожженное?! У меня жена, дети, внуки... Ради них хочется прослыть порядочным отцом и дедом.

— Что греха таить, не хватало зарплаты, оттого и занимался не тем, чем надо, — открылся мне один седовласый шофер.

Искренняя исповедь этого многоопытного человека позволяет напомнить, что настал уже час одуматься многим, хотя бы ради того, чтобы завтра их дети могли ходить с высоко поднятой головой.

Молодые шоферы Тамаз Чабрава и Гиа Гуджабидзе одним из неоспоримых условий плодотворной работы автохозяйства в последнее время, наряду с внедрением «Налмаса», считают также стимулирование:

— Если мы будем хорошо работать, то к концу года получим вне очереди «Жигули», — говорят они.

Потийское пассажирское автотранспортное объединение решением коллегии республиканского Министерства автомобильного транспорта и президиума Республиканского комитета профсоюза рабочих автомобильного транспорта и дорог по итогам второго квартала 1983 года признано победителем в республиканском социалистическом соревновании. Ему присвоено звание «Лучшего предприятия автомобильного транспорта Грузинской ССР», передан переходящий вымпел и денежная премия в размере 2.526 рублей.

Тут же должен добавить, что потийцы являются пионерами во внедрении этой системы в Грузии. Система полностью себя оправдала, а Министерство автомобильного транспорта могло бы решить большую проблему, внедрив это новшество (конечно же, с учетом территории) и в других городах республики, таких, как Кутаиси, Батуми, Сухуми, Цхинвали, Рустави, Зугдиди, Гори, Гагра.

Как было отмечено выше, в отдел оперативного руководства попадает большой поток информации, который требует соответствующего объема вычислительных операций; получить же полные, точные данные можно только на основе применения современной вычислительной техники и автоматики. Такую основу представляют собой автоматические системы управления, осуществляющие сбор, обработку, выдачу готовой информации с помощью ЭВМ.

Поскольку сбор поступившей информации, ее быстрая обработка, принятие оперативного и компетентного решения сегодня невозможны без применения современных экономико-математи-

ческих методов и вычислительной техники, в территориально-межотраслевом объединении создана специальная группа.

Эта группа (старший — Владимир Сивохип) в первую очередь призвана руководить автоматизированной системой управления. Тут должны заниматься анализом проблем управления трудовыми ресурсами, разработкой напряженных планов, контролем над их выполнением и состоянием жилищно-коммунального хозяйства.

А для обеспечения совершенного управления всем хозяйством города принято решение о создании автоматической системы «Мас-Поти».

Это тоже новшество.

Для человека слова «свой город», «родной край» — понятия не только географические, территориальные. Это не только фабрики и заводы, высотные здания, проспекты и улицы. Главное — люди. Люди и время. Не удивляйтесь — именно время, в которое городу выпало существовать, жить, трудиться.

Продолжение следует

Гиви АЛХАЗИШВИЛИ

СУДЬБА ХУДОЖНИКА

ОТ ЕГО рассказов веет теплом... Так, наверное, думает каждый, кто читал Реваза Инанишвили. Он пишет о человеке, о его душевном настрое даже тогда, когда описывает пейзаж, пишет о людях, увлеченных своим делом, о людях, сердце которых переполнено добротой. Каждый из них — частичка природы, той земной гармонии, которую мы называем жизнью, гармонии, которая нередко нарушается, но писатель никогда не приходит в уныние, не взывает о помощи, не теряет веры в человека. Он лишь указывает читателю на то негативное, что видит вокруг, с болью в сердце рисует человека, противопоставившего себя природе, забывшего о чем-то главном в этой жизни.

Сколько проходит мимо наших глаз! И исчезают слова, потому что исчезают предметы, которые они когда-то обозначали. Реваз Инанишвили твердо помнит об этом и нет-нет да и напоминает нам в своих рассказах, и делает это так просто, что читателя обуревают какое-то горькое и сладостное чувство.

Его маленькие рассказы повествуют о большой боли и большом горе. Писатель мастерски умещает в не-

большое пространство рассказа почти романную фабулу. Он пишет так, как подсказывает ему сердце, то есть ничего не выдумывает и изначально отрицает нарочитую сложность и вычужденность.

Основное свойство прозы Реваза Инанишвили — естественность. Язык его прозы — это язык народа, язык грузинских народных сказок, грузинской классической поэзии (в особенности Важа Пшавела).

Давно уже пишут и говорят о проблеме отчуждения. Многие забыли о том, что человек — часть природы, и с головой окунулись в так называемый технический прогресс. Начались разговоры и рассуждения о пагубном влиянии сидячего образа жизни, о сердечной недостаточности и тысячах других бед. Один знакомый даже признался мне в том, что совсем не воспринимает природу. А в это время Реваз Инанишвили пишет о Природе и ее истинных сынах. С таким же успехом он мог бы писать о жизни человека с болезненной психикой, прибегнув к так называемому «психоанализу», но он избрал иной путь — путь развития традиционной грузинской прозы, создал свой, одному ему присущий язык, свой самобытный мир.

Его рассказы с одинаковым интересом читают и дети, и зрелые люди, и старики. Каждый ищет в них свое. И находит. А добиться этого дано немногим.

В прошлом году мы вместе отдыхали в Пицунде. Двенадцать дней мы были почти неразлучны. Он рассказывал мне множество интересных историй. Тогда я убедился в том, что как писатель Инанишвили выше Инанишвили-рассказчика. Но ведь случается и наоборот! Он старался подбирать нужные слова, нервничал; порой, протянув руку, в которой держал палку или бамбук, говорил: «Видишь рощи, я хочу пойти туда, посмотреть, что там происходит». А ведь он и без этого был окружен солнцем, растениями, водой, но он хотел быть еще ближе к Природе. И он шел в рощу, как в храм, только там он мог очиститься, освободиться от бремени каждодневности.

Героев многих его рассказов тянет уединиться на лоне природы, но их тяга к природе не есть стремление к одиночеству как таковому — наоборот, в тиши, в совершенном одиночестве человек способен окинуть взором пройденный путь, почувствовать себя частицей того величественного начала, что зовется Природой.

«Была половина девятого утра, но уже стояла такая жара, что, когда я шел вдоль синих стен, мне казалось, что я прохожу мимо пышущих жаром великанов. Внизу, в замершей зноя чащобе, притихли листья осины. Замолкли птицы, не было слышно стрекота цикад, и даже юркие ящерицы не мелькали на тропинках. Я упрямо шагал все вверх и вверх, прошел мимо шиповника, ветви которого провисли под тяжестью алых плодов, мимо курчавой жимолости, перешел через отливающий белизной обмелевший поток и наконец подошел к грабовому перелеску.

Еще издали я заметил — сквозь зелень граба красными огоньками мерцали спелые райские яблочки. Я ускорил шаг, подошел приветствовать их как старых знакомых: «Здравствуйте!» Поистине удивительное зрелище являли собой эти алые огоньки между ветвями граба и глога. Я сел на траву и долго не сводил прищуренных глаз с этой волшебной красоты...» («Карликовый лекарь»).

Пейзаж у Реваза Инанишвили всегда одушевлен и красочен, но отнюдь не как на цветной фотографии: он красив в своем движении, красив духовной динамикой. Райские яблочки для героя рассказа — живые существа, ведь ради них он проделал столь долгий путь и их приветствовал как хороших знакомых и близких людей.

Реваз Инанишвили не прямолинеен. Намек, подтекст, интонация становятся нашими проводниками при чтении его рассказов, основная же мысль мерцает, как светлячок в сумерках, за которым надо следить пристально, чтобы не потерять его. Но стоит тебе случайно «потерять» его, как он вновь мерцает перед тобой — и снова прячется. В этой «игре» равноценно участвуют чувства и разум, доброта и мастерство писателя.

Добротой веет от всех рассказов Реваза Инанишвили. В наш век, в век безумных ритмов и скоростей, человеку не остается времени думать о возвышенном, он погружен в каждодневные заботы. И лишь немногие способны выкроить «свободное» время, чтобы подумать о том, что выходит за пределы обыденности.

В фильме Феллини «Репетиция оркестра» женщина-музыкант рассказывает, что однажды соседский мальчик спросил ее: «Скажите, куда уходит музыка, когда вы не играете?» Этот неожиданный вопрос изумляет нас своей первозданной чистотой и возвышенностью. Мы не можем без волнения слышать эти слова. Под словом «музыка» я подразумеваю ре-

бенка, первооткрывателя, творца, рожденного для поисков и горения.

Заиндевелая, поросшая мхом душа с каждым днем новится все страшнее и страшнее. Человек, в котором умер ребенок, заболевает неизлечимым недугом—духовной бесплодностью. «Детскость», «ребячество» берегли в себе и даже воспитывали «свободные от дел» наши предки, наши родители, соседи, одним словом—люди, в окружении которых растет ребенок. Вспомним рассказ Инанишвили «Яблоневый сад». Бабушка баюкает внука, она заботится о нем, молится о его здоровье, бережет от злого глаза. В этой колыбельной видится мне более глубокая мистерия, в ней сквозит и страх, страх непредвиденного: «Уходите, уходите, все уходите! Мой золотой мальчик должен уснуть, мой золотом заполненный ковчег, мой бриллиантом усыпанный ковчег должен отдыхать, моя сердцевинушка, душа души моей, радость радости мсей должен уснуть. Да умереть мне ради него, превратиться в прах, бальзамом врачевать его, солнечного моего мальчика, у которого зубки, что жемчужинки. Уходите прочь! Мой топотушка должен уснуть! Уходи и ты, лиса длиннохвостая, и ты уходи прочь, шакал востроухий и жадный. Мой мальчик должен уснуть, и нет ему дела до вас. И ты уходи, ав-ав, нет у моего мальчика хлеба, лежит мой мальчик в кроватке и вот-вот уснет... А вы приходите к нам, вас зовет мой мальчик, прекрасные гости сна — разноцветные сновидения, пестрый дятел и быстрокрылая ласточка, красавица-иволга и ты, сладкоголосый соловей...»

После этой прекрасной колыбельной из короткого диалога между бабушкой и дедушкой мы узнаем, что родители мальчика живут и работают в городе, и у них нет времени растить своего ребенка.

Истинный читатель, тот, кто будет вчитываться в каждую строчку, поймет, убедится, как остро звучит в рассказе Реваза Инанишвили социальный мотив.

«Деревня, в которой жила Тебро, так мала, что деревенские дети и по сей день ходят в школу в соседнее село. И сама Тебро закончила в том селе восьмилетку. Хоть и мала была ростом, да так хороша, стройна и белозуба, что к отцу Тебро так и зачастили женихи... К счастью ли, а может, и к несчастью, приехала тетка Тебро, жившая в городе. Эх, вы, темнота, рассердилась она, да какое время думать о заму-

жестве! И увезла Тебро в город, прописала временно у себя и определила в швейное училище».

Так началась жизнь деревенской девушки в городе. Жизнь ее, как две капли воды, схожа с жизнью других деревенских девушек, прибывших в город. Оторванные от семей, привычного окружения, от родной почвы, живут они в Тбилиси — не горожане и не сельчане. «Тебро остро ощущала свое одиночество, даже воздух вокруг нее был пропитан одиночеством...»

Почти бессмысленными стали для нее ожидания лучших дней. Она, казалось бы, живет в городе насильственно, вопреки и наперекор собственной природе. Она не смогла отречься от собственного «я», подавить себя, но город с его непривычным головокружительным ритмом поглотил ее. «У изголовья кровати стоят у нее скляночки с валерианкой и кардиамином. За ней волочится новый начальник цеха, этот подонок, что так и норовит при малейшей возможности облаптать ее, усмехаясь при этом: ну, как нам быть, в Тбилиси ты ведь не прописана. И до слуха участкового дошла весть о том, что эти деревенские девушки живут в городе без прописки. Чуть ли не каждую неделю стучит он в окошко и, противно улыбаясь, спрашивает: ну, что, выселять вас или... Больше он ничего не говорит, но девушкам и без слов все понятно» («Тебро»). Найдется ли человек, который поможет бедняжкам? Кто знает?! А их судьбе и в самом деле не позавидуешь. Вот почему овладевает читателем грусть, когда писатель как бы между прочим пишет: «Она (Тебро) очень редко улыбается, но, даже улыбаясь, прикусывает нижнюю губу и смотрит исподлобья...» Или же — «Она вдруг улыбнется травке, выросшей на краю тротуара, но тотчас, словно вспомнив что-то печальное, отворачивается»

Рассказ этот посвящен сложнейшей проблеме наших дней, проблеме, с которой мы сталкиваемся на каждом шагу. Едет из деревень молодежь — парни и девушки, снимают комнаты, не могут привыкнуть к новой жизни, возвращаются обратно, но и здесь они уже чужие. Так и живут они, неприкаянные — во сне в деревне, а наяву в городе. Ищут, ищут, а тем временем в поисках и ожидании проходит жизнь. Тебро была в деревне завидной невестой, у нее отбоя не было от женихов, да вот тетка, желая «вывести ее в люди», привезла в город. А ей бы остаться в деревне на родной почве, жить так, как живут ее родные.

Люди невольно или же осознанно отрицают свою при-

роду, живут неестественно, и начинается раздвоение личности, борьба с самим собой, нередко заканчивающаяся распадом личности.

У человека, попавшего из идиллической сельской жизни в городской водоворот, невольно закружится голова — трудно после сельского покоя привыкнуть к городскому ритму, тем более, если всем сердцем чувствуешь, что город не для тебя, ты здесь чужой.

Стремление к городу нанесло нашим деревням непоправимый урон. Внешний блеск и фейерверк, чем так пленяет город определенную часть сельской молодежи, тускнеют очень скоро, едва новичок столкнется с трудностями городской жизни.

Вот сколько проблем затронул Реваз Инанишвили в этом небольшом рассказе, легшем в основу книги!

В некоторых же деревнях «размножилась всякая нечисть, почище турка». Кто такой Лапана Додишвили? Почему столь грозен гнев и приговор писателя? Похоронив отца и справив по нему поминки, Лапана «на следующий день заявился к горбуну. А горбун-то, известно тебе, несчастный больной человек. Так вот, заявившись к нему, Лапана так прямо и выложил: — ты, такой и сякой, на поминках вовсю уминал хашламу, ты что думаешь, мясо мне досталось даром? Так вот, гони, мол, деньги.

Опечалился горбун, пошел к соседу, взял у него червонец и отдал «горевавшему» Лапане. А Лапана зашел к Бреца и говорит ему: небось, расселся за моим столом, а денежки-то не уплатил. Бреца поначалу не сдавался — мол, у кого хочешь спроси, я за твоим столом ни мяса не ел, ни рыбы не пробовал. И все же пришлось Бреца посчитать, во что обошлось ему съеденное — немного лобио, немного хлеба, немного зелени, полбутылки «Боржоми» — всего насчитал на рубль. Лапана и этот рубль как ни в чем не бывало положил в карман». Еще один эпизод. На свадьбу некий человек подарил жене своего племянника часы. Прошло много времени. Племянник этот давно уже умер. И вот в один прекрасный день прибегает дядюшка к снохе с бранью, мол, почему не пришли внука моего в армию проводить, почему денег ему не дали, возвращай, мол, обратно мои часы.

Кажется, что эти да и другие не менее печальные истории происходят на наших глазах — с такой болью в сердце, столь взволнованно и возмущенно рассказывает о них писатель, который считает, что «поведал нам лишь о немногом».

Реваз Инанишвили — тонкий и своеобразный художник человеческих судеб.

Нелегка судьба художника, взявшего на себя средствами художественной прозы удивлять людей, притягивать их, заставлять задуматься, вселять в них желание быть лучше, чем они есть. И в то же время открывать читателю сокровищницу родного языка. Фраза Реваза Инанишвили точна, строго ритмична и высокохудожественна.

Судьба писателя столь же необычна, как и у героя новеллы «Судьба художника» из книги «Настольная тетрадь».

«Я два раза рыдал в голос оттого, что мое творчество было оценено неверно». Так начинается эта новелла. Картины художника оценивались дважды. Однажды ценителями были «страшные» люди, во второй — старьевщик. У этих разных людей одинаково были «устроены мозги». А в памяти героя эти слезы оставили глубокий след, хотя он не озлобился и не бросил рисовать. Он и сейчас рисует, но не черным карандашом, а цветными словами.

Мы беседовали в одной из комнат Дома творчества в Пицунде. Реваз Инанишвили читал еще не опубликованные эпизоды из «Настольной тетради». Рукопись меня поразила — листы казались не исписанными, а украшенными орнаментом. Каждая буква, каждое слово были любовно выписаны. Графическое изображение слов было столь же прекрасно, как их смысл.

У Реваза Инанишвили немало последователей среди молодежи. Одни уже вышли из-под его влияния, вышли тогда, когда многому научились, многое почерпнули из его литературного опыта. Другие и сейчас подражают его стилю и почерку.

Ходит рядом с нами тихий, задумчивый человек, активная позиция которого — творить добро и любить человека.

Сколько литераторов пришло к своему шестидесятилетию с пустыми руками. Он же неспешно, но твердо «строил свой дом». Окна этого дома тепло улыбаются солнцу и людям — и это в то время, когда все куда-то спешат, когда людям не хватает друг для друга времени.

Рассказы Реваза Инанишвили способны сблизить людей, растопить сердца ожесточившихся и отчаявшихся, вселить доброту и любовь в их души.

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

В КРИТИКЕ немало писалось о том, что Цмакут Гранта Матевосяна, как и другие географические центры творческого мира выдающихся писателей современности, стал достоянием всех людей, ибо на таких клочках земли вершится история человечества, хотя это и история наших дней, история конкретных людских судеб в конкретно-исторических условиях.

«Я создал собственный космос», — писал Фолкнер. Матевосян тоже создал свой космос. Как справедливо отмечала Г. Белая, в изображенные писателем тревоги людей разных мест втянуто все человечество. Тут речь идет об эпохальном анализе действительности, об интересе к бытию человечества.

Человек издревле связан с землей, с природой, и нарушение этой связи может привести мир к катастрофе. Следует сохранить и развить все лучшее, завоеванное в прошлом, беречь добрые старые традиции, добиться гармонии между научно-технической революцией и старыми, добрыми традициями. В этом — па-

фос лучших произведений Гранта Матевосяна¹.

«Земля — живое существо, она имеет свою душу, в тесной связи с отечеством, родной землей, человек не может найти себя, свою душу», — эти слова Мартироса Сарьяна служат как бы девизом жизни и творчества Гранта Матевосяна, они определяют основную сущность его мировосприятия. Г. Матевосян приближает, приводит к земле и ее запахам, жизнерадостному ее зову, открывает чувственный мир человека в его «девственном состоянии» и в то же время общественно осмысленном, еще раз подчеркиваем, выявляет стремление не терять приобретенное на протяжении тысячелетий, сохранить его и развить, усовершенствовать. Мы начинаем отсюда и идем «в мир другой формы», но не отрываясь от всего хорошего, что идет из тысячелетий.

Рассказ «Буйволица». Горный пейзаж. Жизнь природы, ее «действующих лиц», в едином ансамбле творящих нечто значительное, духовно обновляет нас, оздоравливает. Приводит выдержки из матевосяновского описания пейзажа, думаем, нет нужды. Это поэзия. Все передается без натяжки, без какого-либо напряжения или желания «красиво» описать. Он старается постигнуть истину, вскрыть суть явлений. Поэтому и слова Матевосяна читателем воспринимаются не просто как слова, они —

Грант Матевосян. «Твой род». М., изд. «Молодая гвардия», 1982 (на рус. яз.).

проводники реальных чувств, реальных мыслей, реальных предметов, реальных действий. Стирается мост, грань между внутренним миром писателя и восприятием читателя, они — пейзаж, вся действительность, все предметы, чувства, мысли — прямо, непосредственно от писателя переходят в душу читателя, в его сущность, и он их видит, ощущает, чувствует, слышит запахи этого чудесного, многогранного мира природы.

Повесть уводит нас в гармоничный мир здоровых отношений, природной, народной мудрости и добра, отрицает философию отчуждения и утверждает истину единения, призывает не терять равновесия, гармонии, в которых заключена красота бытия.

Произведения Г. Матевосяна в некотором роде своеобразные искренние излияния, исповедь художника-мыслителя, открывают перед нами человеческий мир с его радостями и печалью, добром и злом, несчастьями и большим счастьем, жестокостью и подлостью, честностью и чистотой, целомудренной красотой, а главное — неустанным трудом.

Основное у Г. Матевосяна — внутренний сюжет, думы, размышления, духовное состояние, переживания, воспоминания героев. Они представляются нам не как «готовые» характеры. Перед нами — сложный процесс рождения, формирования, становления.

В Цмакуте живет Агун, женщина трудной судьбы («Мать едет женить сына»). Сиротская доля. Безбожно мучила мачеха. Выдали

замуж, когда ей было всего пятнадцать лет. Муж Симон, плотник, смиренный, работающий парень, сильно нуждался. Много всякого она натерпелась от родни Симона — холод, голод, преследования, жестокость, побои. Агун чувствовала себя лишней в этом мире и мечтала умереть. Вскоре родился ребенок, и теперь предстояло мучаться с ребенком на руках.

Больше терпеть было невозможно. И она наконец решилась. С помощью колхоза построила дом. Все в этом доме появлялось с трудом, рождалось с болью, кровью, мучительно. Постепенно тяга Агун к самостоятельности, стремление к самоутверждению росли, и она в итоге победила. Она боролась за Симона, за своих двух сыновей, за свою семью, боролась самоотверженно. «Мир, он меняется, а мы крепкий род, мы продолжаем наше существование». Отстояла, честным трудом, упорством создала крепкую, обеспеченную семью. «Самое лучшее — это чтобы и хорошо жилось, и имя незапятнанным было». Привычка к трудностям у нее в крови, и она выдержала. Того же она требовала — той же выдержки, настойчивости — от мужа, сыновей. Не рабского повиновения, а борьбы с трудностями, за счастье, за здоровую семью, за здоровые нравственные начала.

Вот на этих, с первого взгляда, простых житейских фактах, на примере одной из многочисленных конкретных человеческих судеб Гр. Матевосяна раскрывает главное — и для отдельного человека, и для народа, и для всего

человечества — это непримиримая борьба за самоутверждение, созидательный честный труд во имя счастья. На земле должно восторжествовать добро, но оно может быть достигнуто только тяжелым непрерывным созидательным трудом, высокой нравственностью, непримиримой целеустремленной борьбой. Повесть звучит как гимн победившему добру, добру, активному, воинствующему.

С этой повестью перекликается рассказ «Твой род».

В нем излагается философия женщины, многое повидавшей на своем веку. «Не нравишься ты мне, — говорит она сыну, — жалкий ты... злости в тебе никакой». Далее: «...Человек не должен быть таким сладким, чтоб его живьем заглотали, и человек не должен быть таким горьким, чтоб тут же хотелось его выплюнуть».

«Твоих режут, под корень срубают, обделяют, насмеются над ними, — но они бегут от такой памяти, все забудут, и опять их обделят, и опять у них не будет памяти потому, что они боятся против насмешки с кулаком идти...» Она призывает быть мужественными в борьбе со злом. «Вы боитесь ненавидеть, вы вашу любовь платком сделали, завязали ею глаза, потому что вы боитесь взглянуть в упор и возненавидеть — вдруг увидят, что ненавидите, возьмут и пристукнут. Убьют... Встаньте разочек, как мужчины, пусть сгибают вас, пусть всю силу свою на вас испытывают, а вы не сгибайтесь, пусть всю, какая есть, силу положат, посмотрим, в другой раз полезут ли гнуть, посмеют ли приблизиться»

Лучше не скажешь. Высшая истина.

Сюжет рассказа «Начало», как почти всегда у Г. Матевосяна, разворачивается в один предельно насыщенный день. Младший брат Гранта Каряна, Араик, едет на станцию встречать старшего, журналиста, приехавшего из Еревана. Вот и все. Мы из этого рассказа не знаем, доехал ли он до станции, встретился ли с братом (об этом рассказ «На станции»). Это неважно. Важны его думы, чувства, встречи с лесом, деревней, с матерью и друзьями и, наконец, с Лерно.

Тринадцатилетний Араик, ученик шестого класса сельской школы, наделен поэтическим восприятием прекрасного. Он вначале и не осознавал, что самое важное на свете это бесконечно близкие природа, деревня, каждый день после нелегкого труда устало возвращающийся домой отец, несмотря на бедность и бесконечные заботы жизнерадостная мать, многочисленные братья и сестры, уже постаревшая лошадь-трудяга Алхо. После случая с Лерно Араик особенно остро почувствовал глубокую человечность своего привычного окружения и грязь мира внешне красивых, блестящих Лерно. Будущее нашей страны — вот эти мальчики, носители нравственного начала.

Мир Цмакута, представленный Г. Матевосяном во всей своей противоречивой целостности и в итоге — во всем своем нравственном богатстве, утверждает подлинно народную цивилизацию и выступает как бы смелым вызовом буржуазному, а р

нашей стране в определенных кругах властвующему мещанскому мировосприятию. В этой связи не можем не вспомнить повести «Живой и мертвый». В ней описан один день героя повести — слушателя высших сценарных курсов в большом городе — Мнацаканяна, предельно насыщенный встречами, думами, впечатлениями, чувствами. Характеры и отношения — простые, непосредственные, открытые, чуждые условностям и сладкоречию, прямые, естественные, правдивые. Мы видим своего современника с его тревогами и заботами, радостями, богатой духовно, неспокойной творческой жизнью. Для него, как и для Г. Матевосяна, художественная правда — условие и стимул бытия, его специальность — исследование жизни, естественное состояние — творческое горение. Он часто вспоминает деревню, Цмакут, бесконечно любимую родину, свою патриархальную семью.

В жизни и творчестве Г. Матевосяна господствует светлое мироощущение, взаимная привязанность. Не может человек жить один, это невозможно, без тепла другого, без любви, без связывающего их прекрасного, без возвышающей идеи.

Вл. Гусев, отмечая, что «порою даже и в различных уголках земли возникают явления одного художественно-

го отсчета», делает интересное наблюдение: «Я не уверен, что Г. Гарсия Маркес конкретно влиял на Г. Матевосяна. Но типологически много общего в духовной и стилиевой атмосфере их творчества»¹.

В творчестве обоих писателей поставлены коренные вопросы не только местной жизни (Макондо и Цмакут), но и общечеловеческого бытия. Борьба со злом, воинствующим злом, с опустошениями, которые приносит оно, борьба за торжество добра, утверждение заложенных в человеке добрых творческих начал, борьба против сил отчуждения и разобщения, за взаимосвязанность людей, за их единение — вот мотивы, отличающие сегодня передовую литературу мира, и прежде всего лучшие произведения советских писателей Н. Думбадзе, Ч. Айтматова, В. Белова и многих других.

Грант Матевосян, «писатель поразительного эпического дарования» (Н. Думбадзе)², своим творчеством вошел в наши души, как обогащающая, преобразующая сила, как неотъемлемая часть нашего мировосприятия.

¹ «Вопросы литературы», 1981, № 3, с. 62.

² Н. Думбадзе, Несколько мыслей перед юбилеем. «Дружба народов», 1982, № 6.

РАССКАЗ «Мой спутник» еще в 900-е годы оказался в центре внимания критиков, причем самых различных лагерей, и вызвал оживленные, но противоречивые суждения.

Самое раннее упоминание о «Моем спутнике» в литературе о Горьком находим в статье Северова¹, опубликованной в газете «Новости и биржевая газета» 4 ноября 1899 года. Затем в декабре корреспондент той же газеты, обозревая «книги за неделю», особо выделил рассказ «Мой спутник», отметив его высокие художественные достоинства.

«Последние рассказы третьего тома М. Горького, — пишет он, — сбиваются на фельетоны и менее всего могут нравиться (хотя между ними очерк «Мой спутник» очень увлекателен и живой)»². Однако предметом широкого обмена мнениями рассказ «Мой спутник» стал в следующем, 1900 году.

Правда, суждения различных критиков далеко не равноценны, авторы отдельных статей сознательно ух-

Гиви ГВЕНЕТАДЗЕ

«ЧЕЛОВЕК — СТИХИЯ!»

●
КРИТИКА О РАССКАЗЕ
М. ГОРЬКОГО
«МОЙ СПУТНИК»
●

¹ Литературный псевдоним П. О. Морозова.

² Газ. «Новое время», 1899, 15 (27-го) декабря, № 8550.

дят от правильного истолкования глубокого социально-философского замысла автора, встречается даже прямое искажение. Но критика тогда же отметила чрезвычайную актуальность выдвинутых в «Моем спутнике» проблем. В этом отношении интересна статья М. Протопопова, опубликованная в журнале «Русская мысль» в апреле 1900 года.

Он совершенно справедливо отмечает собирательность образа Шахро Птадзе. «Господ Шахро, — писал М. Протопопов, — в нашей жизни — непочатый край. Мы живем не по ту сторону добра и зла, не по ту и не по эту, а в самом их круговороте, и «мудрость жизни» состоит в том, чтобы не терять нравственного равновесия, чтобы любить лишь достойное любви, сердце иметь отверзным, но и камнем за пазухой не пренебрегать. Любить ближнего, но Зулу, поджаривающий детей, но разбойник, выкалывающий глаза, но Шахро, платящий злом за добро, — не ближние мои, а худшие из врагов — враги по человечеству»¹.

29 апреля 1900 года газета «Московские ведомости» поместила обширную статью А. Басаргина, обозревавшую творчество Горького, в которой он останавливается и на анализе рассказа «Мой спутник». Внимание автора привлекает звериная мораль Шахро Птадзе: «Кто силен — тот сам себе закон». Приводя метафорическое выражение Максимыча, адресованное Шахро Птадзе, А. Басаргин восклицает: «Человек — стихия! Этим в самом деле, — продолжает он, — много сказано!»

Сопоставляя образ Птадзе с другими босяцкими персонажами, вышедшими из интеллигентной среды, А. Басаргин пишет: «Наши же интеллигенты, выброшенные в босую команду, по диагнозу г. Горького, еще печальнее. Это, по его словам, уже прямо «мертвые люди», потерявшие всякое уважение к себе, лишенные способности к самооценке. И все они живут лишь тем, что с каждым днем своей жизни падают все ниже и ниже в грязь и гадость; потом они «растворяются в ней и исчезают из жизни». Эти уже прямо и открыто говорят, что им никакого деда нет до того, что морально и аморально, объявляют, что «нет иных законов, как во мне»². Эта выдержка из суждений Басаргина показывает, что он, вопреки утверждениям реакционных критиков, приписывающих великому писателю идеализацию босяков, сумел вник-

¹ «Русская мысль», 1900, № 4, с. 249—250.

² «Московские ведомости», 1900, 29 апреля, № 117.

нуть в специфику горьковского изображения обитателей дна, подчеркнул их трагическую участь.

В том же 1900 году был подготовлен первый сборник, составленный из ранее вышедших статей о Горьком, причем издатели сборника снабдили его вступительной статьей, в которой дан краткий обзор всего творчества Горького и особо подчеркнута типичность образов, созданных писателем на материале личного наблюдения. «Всякое невольное путешествие, — читаем в предисловии, — которое он делает в поисках за заработком, обогащает его впечатлениями новой природы и новой обстановки... Он сталкивается с цыганами, и вот вам готов образ Макара Чудры, рассказывающего дивную историю про Лойку Зобара и Раду. Он посещает Одессу и оттуда идет дальше «на соль», и вот вам готов Челкаш, Емельян Пилий, старуха Изергиль; он случайно сталкивается с равнодушной фигурой грузина в гавани, и вот они вместе путешествуют пешком в Тифлис, и у нас готова фигура «кнэзе Шакро» и т. д. и т. п.»¹

В рассказе «Мой спутник» внимание критиков привлекают не только его главные персонажи. В журнале «Обозрение» в 1901 году появляется интересная статья К. Коробка «М. Горький и его общественное значение», в которой автор справедливо возражает критикам, пишущим об отсутствии положительных образов в произведениях Горького. Он не разделяет также мнения, что у Горького к «мужикам» предвзятое отношение. Критик соглашается с тем, что в творчестве Горького встречаются преимущественно городские типы, но он тут же перечисляет героев из крестьянской среды, в том числе положительных. «Некоторые из этих типов, — утверждает К. Коробка, — внушают к себе искреннее уважение своей простой жизненной гуманностью, готовностью помочь, выручить, как, например, старый чабан в рассказе «Мой спутник», образ которого написан с чисто тургеневской мягкостью и жизненностью»². Образ чабана у Горького претерпел радикальное переосмысление и стал таким только в 1899 году.

Некоторые критики и литературоведы при составлении биографии писателя обращались к рассказу «Мой спутник» и отдельные факты из него считали фактами из биографии автора, обходя при этом самое главное в рассказе — его

¹ Критические статьи о произведениях Максима Горького. Спб., 1901, с. 15—16.

² «Обозрение», 1901, май—июнь, № 5—6, с. 3.

глубокое социально-философское содержание. Среди них в первую очередь следует назвать Андреевича, который еще в 1900 году опубликовал довольно объемистое исследование под общим заглавием «Книга о Максиме Горьком и А. П. Чехове».

В 1901 году в Киеве вышла интересная книжка Г. Александровского «Максим Горький и его произведения». Автор довольно удачно рассматривает произведения молодого писателя, высоко оценивает их и предлагает читателям свои оригинальные наблюдения о его творчестве. Причем при изложении биографии писателя прибегает также к рассказу «Мой спутник», черпая из него отдельные сведения. Однако Александровский далек от мысли считать его автобиографическим произведением и называет «Мой спутник» среди рассказов, написанных на материале личного наблюдения писателя. «Где он только ни побывал, — пишет Александровский, — каких работ ни делывал, чего ни насмотрелся и ни натерпелся! Об этом могут свидетельствовать хотя бы очерки: «Чудра», «Челкаш», «Мальва», «Пилий», «Изергиль», «Мой спутник», «Проходимец» и др.»¹

Прогрессивные литературоведы проявляют умеренность в использовании художественных произведений, особенно рассказа «Мой спутник», при составлении биографии Горького. Они совершенно обходят детализацию фактов, отраженных в произведениях Горького, и тем самым избегают натуралистического искажения художественных полотен писателя. В этом отношении особенно характерна книга первого биографа Горького Б. Боцяновского «Максим Горький. Критико-биографический этюд», вышедшая в Петербурге в 1901 году.

Эта книга уже в 1903 году вышла вторым изданием.

Как известно, Горький указал в письме к Б. Боцяновскому на ряд произведений, в том числе на «Мой спутник», который содержит отдельные «факты биографического характера». И, казалось бы, он особенно широко должен был воспользоваться этим произведением при написании своей книги. Но биограф пошел по другому, безусловно, правильному пути. Он составил биографию Горького в основном на документальной основе, художественными произведениями оперировал редко и в исключительных случаях, чем и объ-

¹ Александровский. Максим Горький и его произведения. Киев, 1901, с. 7.

ясняется успех его книги. В период с 1888 по 1891 год пишет Бояновский, Горький получил возможность ближе изучить среду «бывших людей», в которой он довольно долго жил, и потому его рассказы «Коновалов», «Мой спутник», «Дело с застегками» и «Бывшие люди» вполне правдиво отображают объективную действительность, а также личные впечатления и переживания самого писателя.

Сам же Горький в то время имел основания считать «Мой спутник» произведением, которое содержит «биографические факты», ибо рассказ в своем первом варианте приближался к очерку и был еще далек от того глубокого обобщения и совершенства, какое приобрел впоследствии.

Характерным является утверждение популярного буржуазного критика М. Меньшикова, у которого Горький находил незаурядные литературные способности. Он весьма удачно сформулировал главный конфликт рассказа: «В интересном рассказе «Мой спутник», — писал он, — проведена тонкая параллель между альтруистом и эгоистом, причем первый — просвещенный и гуманный — оказывается в глупом положении работника у человека дикого и тупого, но твердо убежденного в своем праве быть барином»¹.

Меньшиков не разделяет сатирического отношения автора рассказа к «христианской добродетели», которую так усердно проповедовали толстовцы, в том числе и сам критик.

Высокую художественность «Моего спутника» признавал даже реакционный критик Николай Энгельгарт, который писал: «Совершенно правдивых, законченно художественных вещей у Горького очень мало («Дружки», «Мой спутник»)»².

Разумеется, далеко не все критики из буржуазного лагеря сумели сохранить равновесие и проявить объективную добросовестность, столь необходимую при анализе художественных произведений. Нашлись и такие, которые без малейшего угрызения совести искажали не только идейный замысел автора, но даже и содержание рассказа. Черносотенными выпадами отличился критик из журнала «Наблюдатель» А. Р. Кугель.

В статьях, опубликованных в указанном журнале в 1900

¹ Критические статьи о произведениях Максима Горького. Спб, 1901, с. 195—196.

² «Русский вестник», 1902, с. 457.

году. Кугель издевается над автором рассказа «Мой спутник» и над его читателями. Обвиняя Горького в измене национальным интересам, он призывает на помощь единомышленников, играет на их мелких страстях. Особенно часто Кугель обращается к рассказу «Мой спутник» (две свои пространственные статьи он в основном посвятил «разбору» рассказа). Бесцеремонность Кугеля дошла до того, что Шакро он окрестил армянином, а самого рассказчика — евреем, причем читателей он серьезно убеждает, что все это вытекает из самого рассказа. Как ни старался Кугель найти союзников, разделяющих его мысли, ему это не особенно удалось. Он посчитал было своим «единомышленником» М. Протопопова, но тут же убедился в том, что с ним, оказывается, не сходится в главном — «кто его ближний и кто его враг». Тут Кугель полностью разоблачил себя. Возражая Протопопову, он писал: «Мое удовольствие, вызванное вниманием г. Протопопова к этому типу, весьма заинтересовавшему и меня (Шакро Птадзе. — Г. Г.), несколько омрачается тем обстоятельством, что критик «Р. М.» выкинул из рассказа г. Горького одно слово: «армянин». Но из песни слов не выкинешь! И одно это слово «армянин» — культурно-этнографическое понятие — объясняет психологию «спутника» гораздо ближе и проще, нежели размышления г. Горького о мудрости книжной и мудрости житейской, или рассуждения г. Протопопова о том, что «разные люди есть на свете»... Но это болтливое рассуждение нужно было самому Кугелю для «обоснования» своего ультрашовинистического вывода, в котором он раскрылся полностью: «И мне кажется, — продолжает он, — что нам уже давно пора взять за путеводную нить в лабиринте людских отношений этот именно основной признак различия своих от чужих: всякий русский должен быть для нас прежде и помимо всего — ближним»¹, — нагло заявляет он.

Еще более превратное истолкование идейного замысла рассказа «Мой спутник» мы встречаем в статье иеромонаха Георгия. Пытаясь поставить знак равенства между автором и его отрицательными героями, он в журнале «Вера и разум» цитирует слова Шакро Птадзе и толкует их как выражение идеалов автора, а его самого отождествляет с этим проходивцем: «Грузинский князь Шакро, — пишет он, — ...говорит: «Кто силен, тот сам себе закон». Горький вполне симпатизирует ему: «Он (князь) умел быть верным

¹ Журнал «Наблюдатель», 1900, № 12, с. 287—294.

самому себе. Это возбуждало во мне уважение к нему». Горький восхищается, что в требованиях князя «был характер, была сила»¹ Этот отрывок — классический пример того, как, прибегая к выдергиванию слов из контекста и другим ухищрениям, можно создать абсолютно чуждое авторскому замыслу представление о произведении.

На протяжении всей жизни Горький боролся против тех, кто, спекулируя знакомством с писателем, предлагал читателям невероятные домыслы о его жизни и творчестве.

Чтобы создать видимость правдоподобия, эти горе-мемуаристы, часто ссылаются на произведения писателя. Подобной участи не избежал и рассказ «Мой спутник».

В этом отношении характерны «воспоминания» знакомого Горького по Нижнему Новгороду в 1892-1893 годах Ф. Смирнова.

Вариант «воспоминаний» Смирнова был доставлен Горькому, он его прочитал и даже сделал исправления и приписки. Но убедившись в том, что «мемуарист» умышленно искажает факты и клеветает на людей, близких Горькому, он в конце текста дал автору «воспоминаний» губительную характеристику, раскрыл его мелкую гнусную ложь.

В этих «воспоминаниях», подсказанных болезненной фантазией Смирнова, мы находим искаженное толкование главных героев рассказа «Мой спутник» и истории его создания.

«Как-то вечером, — писал он, — я сидел в своей комнате и переписывал набело для отсылки в редакцию, кажется, «Русских ведомостей», рукопись нового рассказа Пешкова «Мой спутник». Рассказ мне не очень нравился: личность Шакро была обрисована ярко, но я не понимал морали, которая настойчиво проводилась в рассказе.

«Бывало, спит он, а я сижу рядом с ним и рассматриваю его спокойное, неподвижное лицо, повторяя про себя, как бы догадываясь о чем-то: «Мой спутник, спутник мой...»

Я чувствую, что никак не могу понять эти строки и потом те, которыми рассказ был заключен:

«Я никогда более не встречал этого человека, моего спутника в течение почти четырех месяцев в жизни, но я часто вспоминал о нем с добрым чувством и веселым смехом. Он научил меня многому, чего не найдешь в толстых

¹ «Вера и разум», 1903, № 1, с. 172.

книгах, написанных мудрецами, ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнее мудрости людей».

Я находил, что грузин Шахро похож на бывшего из теперешнего знакомства Пешкова: и тот, и другой одинаково ограничены и непосредственны, и одинаково насквозь пропитаны атмосферой той среды, в которой выросли и воспитались. Очевидно, у Пешкова слабость к таким людям... Почему?»¹

Вдоль этого текста Горький написал: «Никогда ничего подобного не было». И на самом деле ничего подобного не могло быть. Ф. Смирнов пишет, что он «никак не мог понять», и приводит из рассказа строки, которые он, якобы, читал и переписывал в 1893 году. Но дело в том, что Горьким к тому времени эти строки еще не были написаны, не было их даже в первой публикации 1894 года. Приведенные Смирновым отрывки из «Моего спутника» Горький написал в 1899 году и ввел в текст в процессе переработки рассказа. Ясно, что мемуарист их никак не мог «переписать» в 1893 году, когда рассказ еще не был написан. Вот почему нельзя не сожалеть, что это искаженное утверждение Ф. Смирнова без соответствующего критического анализа приведено в последнем полном издании собрания сочинений писателя (см. т. 1, с. 538).

Рассказ «Мой спутник» в 900-х годах оказался в центре внимания и зарубежных критиков. И там он вызывает разнообразные толкования. Однако доминирует утверждение о противопоставлении двух начал: христианского и антирелигиозного. Причем носителем «божьей» морали выдвигается герой-рассказчик, в котором безоговорочно видят самого писателя. Мы уже знаем, что это ложное толкование героев «Моего спутника» берет свое начало в русской буржуазной критике тех лет.

Английский критик Е. Н. Диллона выражает свое недовольство тем, что Горький, противопоставляя христианскую и антихристианскую мораль в цивилизованном обществе, показывает преимущество последней. «В большинстве рассказов Горького, — пишет он, — противопоставляются две этические системы: христианство и его отрицание. Герои этих драм величественно топчут ногами мелкую, самоуничижающую нравственность Галилеянина. «Кто силен, тот сам себе закон!» — восклицает грубый и ленивый князь Шахро, кото-

¹ Архив А. М. Горького. МОГ-12-39-2, Лл: 22—23.

рый странствует с Горьким, живет на его подачки, принимая их, как должное, и в конце концов, надувает своего же благодетеля. Но его жертва нисколько не оскорблена подобным нахальством... «Он умел быть верным самому себе. Это возбуждало во мне уважение к нему... Я часто вспоминаю о нем с добрым чувством и веселым смехом. Он научил меня многому».

«Но одному он не научил Горького, — продолжает критик, — а именно: почему, если так дурно поработать ближнего в цивилизованной жизни, почему это хорошо среди бродяг и преступников?»¹

В вопросе «обожествления» героя-рассказчика гораздо дальше Горького ушел, вернее, с него все и началось, во всяком случае, в зарубежной прессе, известный буржуазный критик Иван Странник (псевдоним Аничкиной А. М.) В январе 1901 года в парижском журнале «Revue de Paris» она поместила обширную статью «Новый русский писатель Максим Горький». В этой статье она обобщает творчество Горького и особо останавливается на рассказе «Мой спутник», в извращенном, христианском духе истолковывая его основную коллизию.

«В этом странном рассказе, — завершая свои весьма странные суждения, пишет критик, — он (Горький. — Г. Г.) рисуется нам как апостол или мученик сострадания, а между тем силу для исполнения взятой им на себя задачи ему дает чувство, что этим самым он выступает из ряда обыкновенных людей и преобразуется по своему желанию в какого-то сверхчеловека самоотречения»²

С Аничкиной в характеристике главных героев рассказа «Мой спутник», в какой-то мере, солидарен и итальянский критик Л. Граполло. Однако в отличие от нее Л. Граполло предлагает очень глубокое и тонкое наблюдение о творчестве Горького в целом. Он первым отметил своеобразие художественной формы горьковских произведений, которое, по его утверждению, проявляется в отсутствии единой сюжетной фабулы, и прежде всего в драме. Для подтверждения этой мысли он называет пьесу «На дне».

Иоснулся итальянский критик и художественной формы

¹ Иностранная критика о Горьком (сборник статей). Москва, 1904, с. 20—21.

² Там же, с. 235.

«Моего спутника». Рассматривая фабулу горьковских произведений, Граполло указывает, что не она является выразителем их главной сути. «То же самое можно сказать, — пишет он, — и о «Моем спутнике»: путешествие Максима Горького с князем Шакуро не может считаться сюжетом рассказа».

При характеристике героев Горького Л. Граполло отмечает их особую внутреннюю чистоту и душевную щедрость. «Очень часто душа их, — пишет он, — преисполнена любовью и милосердием. В «Моем спутнике» товарищ князя Шакуро радуется жертве, которую приносит. Слова, в которые Максим Горький облакает это чувство, можно было бы назвать гимном братской солидарности: «Он мой спутник. Я мог бросить его здесь, но не могу уйти от него, потому что имя его легион. Он спутник всей моей жизни, он до гроба проводит меня...»

В отличие от реакционных критиков, которые не жалели черных красок, Л. Граполло в положительных героях Горького, в том числе и в «Моем спутнике», увидел утверждение позитивного начала жизни, неудержимое стремление к свободе. И что особенно важно, критик подчеркивает неотразимую силу реалистических образов пролетарского писателя. «Горький, — пишет Л. Граполло, — не выдает себя за жреца или моралиста, он художник, который описывает людей такими, какие они есть, и поэтому не заменяет их мыслей своими собственными, в этом его великая заслуга. Часто мысли, высказанные его героями, могут показаться чуждыми их языку и примитивному уму, но т. к. они суть продукт их затаеннейших чувств, то производят потрясающее впечатление. Ни апостольство Толстого, ни патетический идеализм Достоевского не трогают нас так сильно, как эти безыскусственные речи без всяческих прикрас, обнажающие перед нами все сердечные и душевные язвы этих людей.

Таким образом, сохранив в своих произведениях строго объективный метод, он в то же время познакомил нас со своей собственной удивительной индивидуальностью. Метод же его только усиливает интерес к его произведениям и приближает к такому художнику слова, как Гюстав Флобер»¹.

Зарубежная критика в связи с анализом раннего периода творчества Горького обратила внимание на символический

¹ Иностранная критика о Горьком (сборник статей), Москва, 1904, с. 279—286.

образ Черного моря, которое так рельефно представлено в рассказе «Мой спутник». Здесь следует выделить статью шведского критика В. Лангелет «Новая величина русской литературы Максим Горький», написанную в октябре 1901 года. В статье В. Лангелет характеризуются также жители Черноморского побережья и величественный пейзаж: «...В рассказах встречаются замечательные по силе изображения природы... Величественная гордая природа побережья Черного моря действует с одинаковой силой на всех, кто только видит ее. Глубокий темно-синий цвет моря и разнообразие берегов, то покрытых бесконечными травяными степями, то вздымающимися горами, чаруют каждого. Народ, населяющий эти берега, принадлежит к разным многочисленным племенам, нравы и обычаи которых так же разнообразны, как и типы, и внешний вид.

Таково Черное море и его берега; и поет оно чарующие песни. Художник Айвазовский стал живописцем Черного моря, и еще никто не сумел так, как он, передать на полотне красоты его. Максим Горький сделался певцом Черного моря. Он не писал в честь него дифирамбов, но избрал его как бы фоном для многих своих рассказов...»

Однако еще более важными кажутся нам рассуждения шведского критика о единстве художественного метода в рассказах Горького. Он одним из первых отметил слияние реалистического с романтическим в творчестве пролетарского писателя. «В рассказ вплетены две степные легенды (речь идет о «Старухе Изергиль». — Г. Г.), поразительные по своей величественной красоте. Тут Горький проявил еще одну сторону своего дарования, а именно чрезвычайно богатую фантазию, наличие которой едва ли можно было подозревать у такого завзятого реалиста, но, кажется, однако, очень хорошо уживается с другими его качествами в его чисто русской натуре...»¹

Естественно, возникает вопрос, как обстояло дело с оценкой рассказа «Мой спутник» в грузинской литературе. Нашел ли он здесь своих ценителей? Каково было отношение грузинского читателя и т. д.

Критические статьи, дающие высокую оценку произведениям Горького, появлялись в грузинской прессе с конца 90-х годов XIX столетия. Однако рассказ «Мой спутник»

¹ Иностранная критика о Горьком (сборник статей). Москва, 1904, с. 255—265.

в Грузии обратил на себя внимание только лишь после появления его перевода, опубликованного на страницах «Картинного добавления» в газете «Цнобис пурцели» в 1903 году¹.

В связи с публикацией грузинского перевода рассказа «Мой спутник» в газете «Цнобис пурцели» появилась новая версия «путешествия», автором которой указывался некий С-дзе.

Редакция газеты «Цнобис пурцели», публикуя «рассказ» С-дзе, снабдила его предисловием и послесловием. Газета, учитывая настроение широких слоев грузинского передового общества, а также отношение к певцу свободы, в своих комментариях придерживалась умеренного тона. Чего не скажешь о корреспонденте «Нового обозрения» Рашиде, поместившем в газете далеко не точный перевод «рассказа» С-дзе со своими комментариями.

Следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

Перевод Рашида в «Новом обозрении» появился 30 октября 1903 года, а 31 октября «Одесский листок» опубликовал следующую информацию: «Читатель, вероятно, помнит рассказ Максима Горького «Спутник», в котором в неблагоприятном свете выставляется некий князь Шахро Птадзе, которого автор на свой счет взял из Одессы в Тифлис и который платит своему благодетелю черной неблагодарностью.

Рассказ этот был переведен в числе других на грузинский язык и выпущен отдельной книжкой². Некий железнодорожный кондуктор С-дзе, прочитав книжку, в герое Горького узнал себя, явился в редакцию «Цнобис пурцели» и заявил, что его действительно Ал. Пешков (Горький) выручил из беды, взяв на свой счет из Одессы в Тифлис, но в отношении своего товарища он — С-дзе не позволял себе тех неблагородных поступков, которые приписывает ему автор». Через день, т. е. 2 ноября, та же газета опубликовала версию С-дзе.

В тот же день уже петербургская газета «Новости дня» печатает текст версии С-дзе.

¹ Все номера приложения, в которых был опубликован перевод, выходили по четвергам, а не по воскресеньям, как это указывается в литературе о Горьком (Г. Г.).

² Это сообщение неправильно. «Мой спутник» отдельной книжкой на грузинском языке не выходил ни тогда, ни после (Г. Г.).

Этим публикациям предшествовала отправка письма Горькому, который его получил в Нижнем Новгороде 26 октября. Припомним, что грузинский текст С-дзе в газете «Цнобис пурцели» был опубликован 24 октября. Следовательно Горький получает письмо из Тбилиси на третий день после появления в газете оригинала версии С-дзе.

По письму Горького Пятницкому почти определенно можно сказать, что послание редакции, полученное писателем (оно еще не разыскано), должно быть переводом рассказа С-дзе, опубликованного в газете «Цнобис пурцели», но посланного ему раньше, чем версия С-дзе появилась в прессе.

Редакция газеты «Цнобис пурцели» в целом правильно оценила рассказ Горького «Мой спутник». Прежде всего она справедливо указала на собирательный характер образа Шахро Птадзе, отметила типичность этого героя Горького. Сама по себе небезынтересна трактовка целого ряда положений авторского замысла «Моего спутника», который предлагает редакция газеты «Цнобис пурцели».

Прежде всего заслуживает внимания следующее положение. «Оказывается, Горький, — читаем мы в газете, — воспользовался случаем и описал своего спутника-грузина. По его обрисовке, этот спутник получается слишком диким и низким духом. Вспомните лентяйство князя Шахро, который только и думает о еде и женщинах. Он абсолютно отверг духовную жизнь и стремление к какому бы то ни было идеалу; вспомните, как он всегда врет, ворует и живет чужим трудом. Вспомните все это, и перед вами вырисовуется отвратительный тип. Оказывается, Максим Горький не поспешил и преувеличил, чтобы доказать ничтожество и негодность своего героя, для чего он факты из путешествия использовал тогда же, переиначив их, — кое-что присочинил и какой хотел тип, такой и нарисовал».

Редакция писала и о праве беллетриста пользоваться фактами как из своей жизни, так и из жизни своих знакомых. Причем газета довольно удачно заметила, что писатель имеет неограниченные права на это, что художник не только имеет право, исходя из поставленных задач, изменить виденное и пережитое, но он обязан перерабатывать их в соответствии со своим замыслом. Наоборот, справедливо подчеркивает газета, беллетрист не должен делать фотокопии свои и своих знакомых, обязан творчески воспроизводить пережитое, «примешивая» фантазию к голым фактам, домысливать по-

ступки своих героев и создавать художественные образы, а не снимки знакомых ему людей.

«Беллетрист, — отмечала редакция, — имеет полное право использовать факты, действительно имевшие место в жизни, а также свои встречи и знакомства, на свое усмотрение, изменять их и по-своему пользоваться ими. Наоборот, он не имеет права рисовать портрет своего знакомого, описывать полностью его жизнь. В таком случае он скорее напишет пасквиль, чем подлинное произведение. Беллетрист абсолютно свободен восполнять собственной фантазией увиденную картину, вдохнуть свою душу и мысли, будь это знакомый или «спутник», и этого никто не может зачесть ему за преступление».

Суждения самого Горького по этому вопросу совпадают с вышеприведенной выдержкой из газеты «Цнобис пурцели»: «Когда писатель работает книгу, — писал Горький, — он изображает в ней не портрет того или другого знакомого ему человека, а старается изобразить — в одном человеке многих, похожих на этого, одного человека; хорошо — живо, правдиво — написать, скажем, попа можно только тогда, когда знаешь штук 50 попов, и от каждого из них возьмешь черты характера, сродни с характерами всех других знакомых попов, т. е. основные черты церковнослужителей».

Редакция «Цнобис пурцели», признавая за Горьким полное право свободно пользоваться фактами из своей жизни, собственными наблюдениями и изменять их по своему усмотрению, в одном все же возражала автору «Моего спутника». Редакция считала, что Горький, якобы, без достаточного основания «окрестил» своего героя грузином, ибо, как утверждается в послесловии, типы, подобные Шакро, были и в России, а потому его грузинское происхождение, по мнению сотрудников «Цнобис пурцели», не было вызвано необходимостью.

Еще в 20-е годы поднятые Груздевым вопросы об исключительной мемуаристичности рассказа «Мой спутник» были отрицательно встречены в Грузии. Соответственно отреагировал на это журнал «Картули мцэрлоба». И что характерно, грузинские почитатели таланта Горького вспомнили, что спор вокруг рассказа «Мой спутник» еще в 1903 году был разрешен положительно. Редакция «Картули мцэрлоба» без какой-либо критики приняла позицию редакции «Цнобис пурцели». К сожалению, журнал «Картули мцэрлоба» не решился тогда открыто выступить против извра-

щения идейной сущности рассказа «Мой спутник». Журналом был избран не совсем правильный путь полемики. Вместо того, чтобы дать объективный анализ «Моего спутника» как художественного произведения (это отчасти было сделано в статье М. З. Зандукели, о чем речь пойдет ниже), «Картули мцэрлоба» предпочел перепечатать из «Цнобис пурцели» без изменения и необходимого анализа версию С-дзе. Причем редакция журнала сохранила целиком предисловие, тогда как полностью опустила важное для установления истины послесловие.

В биографической литературе о Горьком часто пользуются сведениями, приведенными в воспоминаниях Серго Робакидзе, известного педагога и общественного деятеля. К сожалению, эти воспоминания были записаны и опубликованы почти 40 лет спустя, а потому к ним следует относиться весьма и весьма критически. Ибо в них встречается описание отдельных эпизодов (якобы, имевших место в жизни Алеши Пешкова), которые скорее напоминают домыслы, чем действительные факты. Но между тем С. Робакидзе сохранил ряд интересных эпизодов из жизни молодого Пешкова, которые получают подтверждение в других источниках. Это прежде всего можно сказать о конспиративной квартире Андро Лежава в районе Чугурети. В своих воспоминаниях С. Робакидзе касается и вопроса прототипа Шахро Птадзе. Хотя об этом он рассказывает несколько приподнято, в романтическом стиле, но отдельные моменты из его воспоминаний по этому вопросу заслуживают доверия.

«Горький, — писал он, — рассказывал тысячи очень интересных историй, и во всех этих рассказах действующим лицом был он сам. По приходе (в Тбилиси. — Г. Г.) в первую же неделю он сам рассказал почти все содержание «Моего спутника». Мы были убеждены, что герой этой повести был выдуман им же самим, однако Максимыч так увлекательно рассказывал о совместном путешествии с Шахро Птадзе, что мы были готовы на второй же день искать его в Тифлисе»¹.

А. М. Калюжный несколько иначе рассказывает об этом эпизоде жизни молодого Пешкова², но нужно полагать, что

¹ «Картули мцэрлоба», 1928, № 5, с. 13.

² См. «Литературная Грузия», 1968, № 3, с. 20.

будущий писатель, наверно, со своими грузинскими знакоми делился впечатлениями совместного путешествия. И образ Шахро Птадзе — «неизбежного спутника», тогда-то и ро-ко зарождался у него.

Описанные в рассказе события Горький подчинял художественной задаче. Это хорошо видно из самого текста произведения.

Сейчас документами, которые не вызывают сомнения, подтверждено, что Горький имел в Тбилиси знакомых, и именно благодаря Началову его освободили из заключения. Об этом впоследствии сам Горький неоднократно писал. Но в рассказе он категорически утверждает обратное: «Такие речи были мне и потому интересны, что я не имел в Тифлисе ни одного человека знакомого, а близилась зима — на Гудауре нас уже встретила вьюга. Я надеялся немного на Шахро».

Это место рассказа автор оставляет без изменения во всех редакциях. Ясно, что такая трактовка фактов была продиктована идейной направленностью всего произведения.

Из грузинских исследователей, как нам кажется, наиболее правильный путь при анализе рассказа «Мой спутник» избрал Михаил Зурабович Зандукели. Это он впервые в нашей литературе еще в 1928 году поставил вопрос о предшественниках Шахро Птадзе как в русской, так и в грузинской литературе. Несмотря на то, что после появления работы М. Зандукели прошло более 50 лет, ряд наблюдений ученого и по сей день не утратил своей остроты и научной ценности.

М. Зандукели совершенно справедливо возражал тем, кто считал рассказ «Мой спутник» произведением исключительно мемуарного характера и игнорировал право автора на «вымысел».

В характере Шахро М. Зандукели видит широкое обобщение.

«По нашему мнению, — писал он, — князь Шахро не является портретом. Поэтому мы считаем, что в князе Шахро Максим Горький изобразил неконкретные особенности свсего спутника. Он скорее от него взял общие черты. Образ Шахро, вне всякого сомнения, является собирательным, в нем воплощены и другие впечатления и наблюдения, полученные писателем в Грузии»¹.

¹ «Картули мшерлоба», 1928, № 5, с. 69.

Проследив становление образа грузинского дворянина в нашей литературе, М. З. Зандукели пришел к следующему заключению: «Если объективно присмотреться к образу жизни Шакро, то следует признаться, что он детище нашей жизни, нашего обреченного сословия; у него в нашей художественной литературе — много братьев. Такие же типы из нашей жизни были созданы лучшими представителями нашей литературы»¹.

«Мой спутник» является произведением широкого социального звучания, это прежде всего художественное полотно, и поэтому включение его в биографию автора чревато многими курьезными ошибками, что вызывает законное возражение хотя бы потому, что при таком подходе к рассказу не избежать одностороннего толкования всего произведения. То, что этот рассказ вот уже более 80 лет находится в поле зрения читателей и критиков, само по себе говорит о важности поставленных в нем проблем.

¹ «Картули мьерлоба», 1928, № 5, с. 72.

ХРОНИКА

ДЕКАДА КНИГИ БОЛГАРИИ

В СТОЛИЦЕ Грузии с успехом прошла Декада болгарской книги, приуроченная к 40-летию Социалистической революции в Болгарии и национальному празднику болгарского народа — Дню свободы.

Вниманию многочисленных посетителей были предложены произведения политиче-

ской, художественной, детской и научно-популярной литературы, книги по истории, архитектуре и искусству.

Интерес представили книги советских авторов, переведенные на болгарский язык, среди которых были и прекрасно изданные произведения Н. Думбадзе «Не бойся, мама» и «Закон вечности», а также богато иллюстрированное издание «Грузинские народные сказки».

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ КОСТА
ХЕТАГУРОВА

Рубен ЧЕТИТЫ

КОСТА ХЕТАГУРОВ

И

ГРУЗИНСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

КОСТА Хетагуров, выдающийся сын осетинского народа, поэт, публицист, на протяжении всей своей жизни и деятельности был тесно связан с Грузией, грузинскими общественными деятелями. В основу его дружбы и взаимоотношений с Михаилом Зааловичем Кипиани, известным грузинским общественным деятелем, соратником Ильи Чавчавадзе, были положены общие цели и интересы. Тесные взаимоотношения с Коста Хетагуровым и с М. Кипиани поддерживал и учившийся в то время во Владикавказской гимназии Климентий Константинович Топуриа. В своих воспоминаниях он писал: «Коста Хетагуров жил рядом, в соседней комнате. Вскоре я и мои школьные товарищи — Иоселиани, Кочинашвили и другие, подружился с ним и еще с двумя осетинами — братьями Баевыми... Мы с Коста жили настолько дружно, что между нами не было никаких расчетов.

В эти же годы во Владикавказе жил и Михаил Заалович Кипиани — управляющий пограничным округом. Среди местного населения он пользовался большой любовью и уважением... Мы вместе с Коста почти каждую субботу ходили к нему «на чашку чая». Ко-

ста и М. Кипиани¹ были тогда и остались впоследствии большими друзьями»².

М. З. Кипиани, многие годы проживший на Северном Кавказе, внес большой вклад в дело развития и просвещения горских народов, тяжелую и безрадостную жизнь которых он описал в книге «От Казбека до Эльбруса». М. З. Кипиани был одним из организаторов и руководителей «Благотворительного общества по распространению просвещения и технических знаний среди горцев Терской области», которое было создано подобно «Обществу по распространению грамотности среди грузин» в Тбилиси.

Общество ставило своей целью создание среди горцев сети начальных школ, распространение полезных технических знаний и ремесел среди молодежи. Общество принесло горцам неоценимую пользу. По инициативе М. З. Кипиани был издан составленный Алмасханом Кануковым учебник для начальных школ — «Осетинский алфавит», была заложена основа для создания и развития национальной письменности, детской литературы. Смерть М. З. Кипиани вызвала большую печаль в сердцах горских народов. Коста Хетагуров написал два стихотворения — «У гроба друга» на осетинском языке и «На смерть М. Кипиани» на русском:

Умер! — И это холодное слово
Так глубоко огорчает подчас,
Умер, и как обездоленный снова
Плачешь и стонешь, родимый Кавказ.
Плачь! Потерял ты достойного сына —
Все, что ты нашей семье завещал, —
В образе скромном простого грузина
Все незабвенный наш брат совмещал.
Много ль их было, способных народу
Так же всецело отдаться, любя,

¹ М. З. Кипиани являлся одним из активнейших членов группы, которой руководил Илья Чавчавадзе. Преследуемый царскими властями, он вынужден был покинуть Тбилиси и устроился во Владикавказе, где благодаря своему образованию получил должность управляющего окраинной частью Терской области. (Магометов А. Взаимоотношения Хетагурова с грузинскими деятелями).

² Имедадзе В. Коста Хетагуров и дружба грузинского и осетинского народов. «Мнатоби», 1959, 10, стр. 127. (на груз. яз.).

Так же бороться за нашу свободу,
Светоч познания в сакли внося?
Нет, их немного — и эту потерю
Наши потомки припомнят не раз.
Плачь! — я в грядущее наше поверю,
Слушая плач твой, родимый Кавказ!

Это стихотворение К. Хетагурова, прочитанное 4 марта 1891 года у гроба М. Кипиани, стало одной из любимых и популярных песен осетин.

Вот что писала газета «Иверия» 10 марта 1891 года: «... с большим чувством прочитал стихотворение сперва по-осетински, а затем второе стихотворение по-русски. Коста Хетагуров. Стихотворения, прочитанные поэтом, произвели глубокое впечатление на присутствующее общество, в частности, на осетин. Находящиеся здесь осетины во время произнесения стихов обратились в слух, старались ничего не упустить из их слов, которые так сильно воздействовали на них, что даже самые сдержанные не смогли удержать слез».

Коста и кистью увековечил облик друга, создав портрет М. Кипиани.

Коста Хетагуров поддерживал деловые взаимоотношения почти со всеми общественными деятелями-грузинами, проживавшими на Северном Кавказе.

Академик Академии наук ГССР Ал. Твалчрелидзе учился в Ставропольской гимназии (отец его в 1890—1892 годах являлся инспектором народных училищ Ставропольской губернии). Одновременно с ним в Ставрополе жил и его дядя Пармен, который публиковал в то время в грузинских периодических органах стихотворения, повести и поэмы. «Мой дядя и Коста часто приходили к нам, — рассказывает Ал. Твалчрелидзе, — оба они любили беседовать с моим отцом на литературные и общественные темы. Кроме того, мой дядя познакомил Коста с грузинской литературой и с содержанием собственных произведений. Коста радовало развитие грузинской прессы, и он был убежден в том, что в скором будущем должна была возникнуть и осетинская литература»³.

Коста Хетагуров живо интересовался грузинской литературой и жизнью грузинских писателей. В этом аспекте показательным его отношение к Ал. Казбеги.

³ Имедадзе В. Коста Хетагуров и дружба грузинского и осетинского народов. «Мнатоби», 1959, № 10, стр. 128 (на груз. яз.).

27 апреля 1893 года газета «Тифлисский листок» (№ 94) опубликовала на первой странице статью «Две награды», в которой сообщала общественности о тяжелом положении Ал. Казбеги. Это известие сильно потрясло Хетагурова. Он послал в связи с этим в «Северный Кавказ» свою статью, в которой выражал резкий протест против бесчеловечного отношения к больному поэту. Он писал: «...Всем, кто сколько-нибудь интересуется деятелями Кавказа, приходилось немало слышать и читать о печальной участи грузинского писателя Александра Казбеги. Однако всякий, кто сколько-нибудь знаком с фамильными связями этого действительно несчастного народного певца, не мог не сомневаться в справедливости всего сообщаемого о нем. Ввиду этого я и беру на себя смелость обратиться с покорнейшей просьбой к ближайшим родственникам Сандро Мцерали опровергнуть или подтвердить печатно последние известия о нем в № 94 «Тифлисского листка», где в статье «Две награды» говорится, что он (А. Казбеги), лишившись драгоценного дара божия, быть может, потому, что слишком много отдал своему народу, и находясь в доме умалишенных, «в общей палате» с другими сумасшедшими, питается, как последний бедняк, и не имеет даже такого насущного предмета, как чай, и такого ничтожного удовольствия, как папироска. Но и это положение он не может удержать за собою — он не может платить больнице за свое содержание, и на днях его как негодную вещь выкидывают на улицу, благо помешательство у него тихое, и никому оно вреда не сделает.

Неужели А. Казбеги — в то время, когда «его сочинения, облеченные в великолепные переплеты, читаются с наслаждением», и после того, как в блестящем доме его отца «многие и многие ели и пили», — выпала несомненная награда» ходить по улице в рубище и умереть где-нибудь под забором с голода?!

Это письмо свидетельствует о том, что Коста не было чуждо чувство глубокого сострадания к чужому несчастью. Там, где его голос мог быть услышан, он всегда и везде в своих пламенных строках сочувствовал всем обиженным и отчаявшимся. Об этом он заявляет и сам: «Обойду страны, чтобы горе других стало и моим горем и печалью».

Я. Гогешвили в своих многочисленных публицистических статьях не раз касался принципов обучения и образования в осетинских школах. Одним из основных условий достижения успехов в учебе он признавал введение обучения на

родном языке. К. Хетагуров высоко ценил и разделял педагогические взгляды Я. Гогобашвили. Сам Коста «был очень близок к грузинской школе. Он не раз читал пламенные стихи как грузинскому юношеству, так и его родителям. Как воспитанники и воспитатели грузинской школы во Владикавказе, а также и все грузинское население глубоко уважали замечательного поэта Коста Хетагурова и ставили его рядом со своими любимыми грузинскими поэтами»⁴.

Коста Хетагуров проявлял живой интерес и к событиям, происходящим в Грузии. Об этом говорит, например, обнаруженный в его архиве неизвестный материал, датированный 1896 годом. Здесь имеется в виду неоконченная брошюра «Церковный вопрос в Грузии». Пока не установлено, кто является ее автором. Известно только то, что она переписана была рукою Коста и что одиннадцать ее страниц посвящены Грузии, в частности, гонениям на грузинский язык и грузинскую церковь со стороны царских колонизаторов. В брошюре приведено множество фактов грабежа царскими губернаторами и чиновниками (граф Панин, генерал Лаваров и другие) собранных в монастырях исторических ценностей грузинского народа.

Идею братства грузинского и осетинского народов Коста отразил в поэме «Хетаг». Поэма эта проникнута оптимизмом, пламенной любовью к родине и ненавистью к врагам. Писать поэму поэт начал в самые тяжелые дни своей жизни — в 1899 году, когда он был выслан в город Херсон.

В основу поэмы Коста положил легенду о Хетаге. Поэма не закончена, но, как видно из рукописи, сюжет ее заключался в следующем: горский удалец Хетаг женится на красавице Чабахане, однако, после принятия им христианского вероисповедания у него появилось много врагов, и он вынужден вместе со своими друзьями бежать в аул Нар. Хетаг был прославленным удалцом, и слава о его геройстве достигла дворца грузинского царя. Когда войско персов вторглось в Грузию, осетины во главе с Хетагом поддержали своих братьев — грузин и вместе с ними самоотверженно вступили в бой с захватчиками. В поэме упоминается и посол грузинского царя Дадиани, которого осетины встречают как любимого друга и кровного брата, — этим они выражают свою любовь к грузинскому народу. Грузинские и осе-

⁴ «Скола да цховреба». Тбилиси, 1976, № 11, стр. 49 (на груз. яз.).

тинские рыцари представлены в поэме как члены одной семьи, которых связывают навечно уважение и любовь.

Коста не сумел завершить поэму по причине болезни. При жизни поэта она не была напечатана, увидела свет лишь в 1927 году во второй книге альманаха «Зивис».

Передовая грузинская общественность проявляла самый живой интерес к творчеству Коста Хетагурова. Так, например, когда впервые был издан сборник стихотворений Коста «Ирон фандыр» («Осетинская лира»), на него сразу же откликнулась грузинская пресса. В 1899 году в газете «Иверия» (№ 136) была напечатана статья известного грузинского ученого Ал. Хаханашвили, в которой он писал: «Отмечается одно приятное движение у соседнего с нами народа, с которым Грузия сосуществовала много веков, и это движение заслуживает внимания: я хочу сказать по поводу стремления осетин к просвещению».

Рассматривая в своей статье вопросы зарождения осетинской художественной литературы, Ал. Хаханашвили абсолютно справедливо связывал его с именем Коста Хетагурова, отмечал его большой вклад в дело развития культуры осетинского народа.

«Ирон фандыр», — продолжает Ал. Хаханашвили, — является многожанровой: она содержит стихотворения, легенды, пословицы и т. д. В первой части г-н Хетагуров приводит стихотворения, которые проникнуты элегическими настроениями и чувством любви к родине. Хороши стихотворения «Магвири зарда» («Сердце бедняка»), «А-лол-лаи» («Колыбельная») и стихотворение в память М. З. Кипиани».

Стихотворения, содержащиеся во второй части сборника, Ал. Хаханашвили относит к категории эпических произведений, среди которых лучшими он считает «Кубад» («Народный поэт»), «Авсат» («Бог дичи»), «Уалмардта» («Кладбище»).

Автор статьи завершает свой обзор следующими словами: «Пожелаем осетинам успехов на этом благородном пути и будем надеяться на расцвет общей литературы».

Известным грузинским композитором Дмитрием Игнатьевичем Аракишвили написаны прекрасные романсы на произведения Коста Хетагурова «Смерть горянки», «Песнь пастуха» и «Зашло солнце».

Эти романсы были исполнены впервые знаменитым певцом Вано Сараджишвили. На русском и грузинском языках они были записаны также на пластинки, выпущенные в Мос-

кве Государственным музыкальным издательством. В 1902 году их издали в литографии Константина Месхиева в Тбилиси.

Дмитрий Аракишвили познакомился с Коста Хетагуровым через старшего брата Георгия, который был с Коста в очень близких отношениях. Д. Аракишвили пишет: «Я учился во Владикавказской гимназии приблизительно в 1885 — 1886 годах, когда мне было 12—13 лет. Часто, возвращаясь из гимназии домой, я обращал внимание на Александровском проспекте (бульваре) на вывеску, на которой было написано: «Выставка картины Коста Хетагурова «Святая посланница Нино — просветительница Грузии». По поводу этой газета «Иверия» (от 16 декабря 1887 г., № 264) сообщила: «В газете «Северный Кавказ» пишут, что во Владикавказе художником г-ном Хетагуровым вывешена большая картина св. Нины, просветительницы Грузии. Картина эта написана, оказывается, так живо, что люди не верят в ее прикрепление к доске, и произведение кажется им изваянием. Поэтому г-на Хетагурова обычно просят разрешить осмотреть картину вблизи»⁵.

Картина эта была выполнена по заказу грузинских духовных лиц и отличалась от других обычных и шаблонных изображений святой Нино поэтическим своеобразием и реализмом.

«В 1899—1900 годах Д. Аракишвили приехал из Москвы в Армавир повидать своего брата Георгия. От брата Дмитрий получил одну маленькую книжку без обложки, в сером переплете — это был сборник русских стихов Коста Хетагурова, который Коста подарил брату Аракишвили»⁶.

Д. Аракишвили часто встречался с поэтом. В 90-х годах с целью сбора и изучения народного музыкального творчества Д. Аракишвили несколько раз объездил Грузию и Северный Кавказ. Осуществление этих экспедиций было поручено ему Московской музыкально-этнографической комиссией. На Кавказе он встретился с прекрасным знатоком осетинского фольклора, корифеем осетинской культуры — Коста Хетагуровым.

«В 1902 году после продолжительных путешествий по Грузии, — пишет в своей статье «Пучок слов» Д. Араки-

⁵ Имедадзе В. Коста Хетагуров и дружба грузинского и осетинского народов. «Мнатоби», 1959, № 10, стр. 133 (на груз. яз.).

⁶ Там же.

швили, — я побывал и на Кавказе, где должен был записать осетинские народные песни. Вместе с одним моим другом Сашей Джаноевым-Хетагуровым мы зашли в дом Коста Хетагурова. Коста встретил нас тепло, ему было очень приятно узнать причину моего прихода. «Я рад, — сказал он, — что вы заинтересовались осетинскими песнями».

Я с помощью фонографии записал семь осетинских народных песен и забрал их в Москву»⁷.

Как известно, Коста Хетагуров подвергался беспрестанному гонению со стороны царских чиновников. От притеснений царских властей его оберегали, насколько это было возможно, его знакомые и друзья — грузины. Среди них родственница матери Ал. Казбеги Софья Тархнишвили, которая была очень дружна с Ильей Чавчавадзе. Она принимала активное участие в работе дворянского банка, покровительствовала учившимся в Петербурге студентам, приехавшим с Кавказа. Благодаря Софье Тархнишвили ссылку в далекую Сибирь Коста заменили высыланием в Херсон, что спасло большого поэта от неминуемой гибели.

Коста в личных письмах, написанных друзьям, с чувством благодарности вспоминает «прекрасную княгиню», «свою фею-хранительницу» Софью Тархнишвили.

Бывая в Тбилиси, Коста Хетагуров общался и с Анной Соломоновной Гедеванишвили, в семье которой часто собирались передовые общественные деятели, писатели. Коста вписал в альбом Анны свое стихотворение без заглавия на русском языке (этот альбом и сейчас хранится в Литературном музее Грузии).

Коста не раз выступал с протестом против притеснений тружеников-земледельцев юго-осетинских сел Сатикари и Гехау со стороны исправника Горийского уезда князя Амилахвари. В 1902 году Амилахвари решил выселить жителей этих сел со своей земли. Между Амилахвари и крестьянами произошли вооруженные стычки, во время одной из которых несколько охранников князя было ранено и один убит.

Жители сел выделили депутацию и послали ее на Северный Кавказ в Дзауджикау к Коста с просьбой помочь им в этом деле. Коста в связи с этим в 1902 году прибыл в Тбилиси, где он провел десять дней у своего товарища Ма-

⁷ Цитируется по статье Магометова «Взаимоотношения Хетагурова с грузинскими деятелями». «Мнатоби», 1954, № 10, стр. 143 (на груз. яз.).

те Томаиты. Он собрал здесь необходимые документы по делу, ради которого он приехал, и в беседе с Мате Томаиты сказал, что теперь-то он расправится с Амилахвари. Но это дело рассматривалось в статье известного осетинского публициста Васо Цабайты «Отъезд Коста в Тбилиси».

Коста Хетагуров очень часто бывал в Картли во владениях своей тетки, которая была замужем за грузинским князем, был очарован природой Картли. И в письме к своему другу Джанаеву-Хетагурову он писал: «Я отправляюсь в Гори по Владикавказской дороге, по военной дороге Грузии... в этом владении много виноградников, фруктовых садов и посаженных лесов. Там не бывает зимы, а только лишь весна, лето и осень»⁸.

Похороны Коста Хетагурова, замечательного человека, поэта, общественного деятеля, превратились в политическую демонстрацию. Царская администрация не смогла воспрепятствовать пришедшим на похороны толпам народа. Весь Кавказ оплакивал любимого поэта и достойного гражданина своей родины. У гроба К. Хетагурова было произнесено много прекрасных слов на грузинском, русском, армянском и других языках народов нашей страны. В прессе того времени опубликовано было много некрологов.

В связи с кончиной поэта в газете «Терек» были опубликованы прощальные слова известного грузинского педагога и общественного деятеля Луарсаба Боцвадзе: «Ты — радуга в дорогом кавказском небе, которая вечно будет жить в сердцах знакомых тебе и близких грузин, видевших в тебе посланника, преданного распространению светлых мыслей и идей»⁹.

Поэзия Коста Хетагурова, в силу содержавшегося в ней протеста, высокой идейности, глубины переживаний и исключительной художественности, является достоянием всего человечества. «Коста Хетагуров, — отмечал Н. Тихонов, — совершенно заслуженно занял место в семье мировых классиков».

⁸ Хетагуров К. Сборник произведений, т. V. Изд. Академии наук СССР. Москва, 1961, стр. 2.

⁹ Цитируется по книге Цотнишвили «Из истории грузинско-осетинских литературных взаимоотношений». Изд. «Книга Южной Осетии», Цхинвали, 1968, стр. 133—135 (на груз. яз.).

30-Е ГОДЫ нашего века поразительно богаты не только литературными фактами и событиями, но и особыми формами контактов писателей.

Несомненно, самой новаторской и показательной встречей литераторов стал I Всесоюзный съезд советских писателей. А одним из наиболее значительных начинаний, предшествовавших съезду и обсуждавшихся на нем, была организация творческих бригад, призванных осуществить дело государственной важности — планомерный перевод на русский язык классической и современной литературы народов СССР. Неизвестно, как воплотилась бы в жизни эта инициатива А. М. Горького, если бы творцами процесса не стали ведущие мастера современности.

Союз русских и грузинских литераторов 30-х годов — содружество, впитавшее все давние традиции взаимоотношений двух народов. Оно стало беспрецедентным по глубине и накалу, по творческой отдаче всех причастных к этому делу. В нем, возможно, особо завершено претворилась горьковская идея, ибо именно к грузинской литературе обра-

К 50-ЛЕТИЮ
I СЪЕЗДА
ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Мария РАМИШВИЛИ,
Елена КИАСАШВИЛИ

**СКВОЗЬ
СТРОКИ
ПИСЕМ**

тили свои взоры самые блистательные русские поэты. Но при всем желании русских писателей постичь грузинскую словесность, их возможности были ограничены незнанием языка, и поверхностным на первых порах знакомством с самой Грузией. Единственным подлинным связующим звеном могли стать лишь грузинские литераторы, которые в концентрированном виде и с самой лучшей стороны представили бы собратьям по перу историю, поэзию и духовную сущность своей страны.

В совместной переводческой работе возникала и человеческая близость. Дружба литераторов тех лет совершенно необычна прежде всего потому, что это союз целой плеяды, многих выдающихся мастеров, в котором причудливо и неразделимо переплелись общественное, творческое и личное. Многие неповторимые, часто трогательные, а иногда драматические моменты их контактов запечатлены в мемуарах, дневниках, переписке. Вне этих материалов, опубликованных пока частично, трудно со всей достоверностью услышать голос эпохи, воссоздать психологическую атмосферу общения, черты характеров.

Переписка русских и грузинских писателей тех лет — уникальное явление в эпистолярном жанре советского периода, да и не только советского. Никогда, пожалуй, в истории литературы не возникало столь длительной (ведь она, начавшись в тридцатые годы, для некоторых корреспондентов длилась почти полвека) и подробной переписки целой группы объединенных общей целью писателей. Наш век — время явного упадка эпистолярной формы, но и он подарил нечто оригинальное в этой области. Сведения, восстанавливаемые благодаря такому источнику, порой калейдоскопичны и отрывочны, к тому же переписка сохранилась подчас фрагментарно, однако и то, что дошло до нас, складывается в мозаику, воскрешающую значительные черты эпохи. Многие факты, обсуждаемые в письмах, и отчасти сами письма, в последние десятилетия стали достоянием широкой общественности, подробные их публикации уже неотъемлемо вошли в литературный процесс. Но исследователи почти не останавливаются на сквозных темах, звучащих в строках разных корреспондентов. А именно письма, личное обращение одного литератора к другому позволяют как ничто иное за дружескими словами прослушать пульс времени, восстановить не только факты, но и их происхождение. В письмах очень густ воздух

эпохи, и они напряженно создают ощущение общности дела всех участников переписки, саму ткань процесса.

Обратимся к некоторым строкам тех лет, часто опубликованным, и проследим, как сквозь них вырисовываются черты разных книг. Большинство сборников и антологий 30-х годов — ныне уже классика советского переводческого искусства. Тогда же были сомнения, раздумья, находки, долгий труд. Все это живет в письмах. Переписка необычайно обширна и может составить несколько томов, и, конечно же, ее цитация носит в данном случае выборочный характер.

Авторское отношение к той или иной книге нередко наиболее выпукло восстанавливается именно из его обращения к друзьям. Порой книги еще нет, она лишь задумана, но ее абрис уже очерчен в строках послания. Конечно, очень интересны самые первые сборники переводов и ранние циклы стихов о Грузии русских советских поэтов, то есть традиция у ее истоков, явление на его подъеме.

Как известно, в 30-е годы был переведен целый массив грузинской классики, и почти все этапы этого масштабного планомерного труда можно проследить по переписке. Любая антология и все значительные произведения обсуждались в письмах к друзьям. Нередко эти письма — моменты творческой предыстории, лирическое и деловое дополнение, комментарий и оценка. С разной степенью подробности освещается процесс создания целого ряда переводов шедевров Ш. Руставели, Н. Бараташвили, А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела.

Мы коснемся лишь переписки, воскрешающей историю освоения русскими писателями поэтического наследия Важа Пшавела. Она интересна во многих отношениях и особенно потому, что мир Важа Пшавела пленил многих русских поэтов — к нему почти одновременно обратились писатели самых разных индивидуальностей. По свидетельству Г. Леонидзе, еще Сергей Есенин, вообще не связанный с переводческой деятельностью, загорелся желанием передать на русском языке поэтическую стихию и могучие внутренние страсти великого пшавы.

Перед самым съездом к Б. Пастернаку обратились с официальным предложением — перевести поэму «Змеед». Однако эта встреча, вне всяких сомнений, рано или поздно произошла бы и самостоятельно, настолько пересекались философия и мироощущение автора и переводчика. Ведь еще в 1933 году Б. Пастернак пишет своим грузинским друзьям

о том, что Ваша Пшавела уже включен в его творческую орбиту.

Сохранился черновик весьма любопытного и содержательного письма Валериана Гаприндашвили, которое можно считать точкой отсчета в переводе «Змееда». Приведем это письмо полностью:

«Дорогой Борис Леонидович! Приветствую вас из Тифлиса. Очень жалею, что не сумел проститься с вами перед вашим отъездом в Москву и поблагодарить вас за внимательное отношение ко мне. Нет такого дня, чтобы я и мои товарищи не вспоминали вас с любовью. Спасибо вам за надпись на книге ваших стихов и еще за то, что вы сами изъявили Фоляну (редактору Закгиза) желание, чтобы я сделал подстрочник для «Гвелис-Мчамели» Важа Пшавелы. Я сделал этот подстрочник и его привезет вам В. В. Гольцев. Не знаю, сумел ли я оправдать ваше доверие, но я старался быть очень близким к подлиннику. Если какое-нибудь место будет для вас непонятно, прошу вас написать мне об этом, чтобы я мог сделать соответствующие комментарии. Особенностью этой поэмы является ее язык, в основном, конечно, грузинский, но с примесью чисто народных, пшавских выражений и слов, не встречающихся в нашем теперешнем литературном лексиконе. Автор поэмы, между прочим, рифмует не все строки, а только вторую строку с четвертой. Мандельштам перевел поэму Важа Пшавелы «Гоготур и Апшина» без рифм, насколько мне помнится, стилем былины. Поэма была напечатана в русском журнале «Восток» (московское или ленинградское издание)¹. Мне лично «Гвелис-Мчамели» напоминает своим эпическим духом и складом «Песнь о Гайавате» Лонгфелло. В свое время (неразборчиво. — М. Р., Е. К.), открывший Важа Пшавелу, как замечательного поэта, сравнивал поэму «Гвелис-Мчамели» по глубине ее содержания с «Фаустом» Гете. В поэме есть места, аналогичные пушкинскому «Пророку».

Делаю все эти замечания в надежде на то, что может быть они в какой-нибудь степени пригодятся вам при расшифровке истинного смысла поэмы. Есть книга Хаханова о грузинской литературе XIX века, в которой покойный профессор уделяет целый ряд страниц творчеству Важа Пшавелы.

¹ Перевод О. Мандельштама был опубликован в журнале «Восток», 1923, № 3. Это — одна из первых попыток перевода поэм Важа Пшавелы.

лы. Эту книгу вы можете достать в Москве. По моему глубокому убеждению, разделяемому моими друзьями-голубо-
рожцами, Грузия имеет двух великих поэтов — Руставели и Важа Пшавелу. При уяснении отдельных мест поэмы вам может помочь Паоло — страстный поклонник Важа, написавший о нем критическую статью. Тициан тоже писал о нем и является знатоком Важа. Здесь организовалась секция переводчиков, в бюро выбраны Али Арсенишвили, Лида Гасвиани и я тоже². Меня думают через месяц или полтора делегировать в Москву в качестве консультанта при поэтах. До свидания, дорогой Борис Леонидович! Паоло и Тициан шлют вам пламенный привет. Тов. Гольцев привезет вам много подстрочников Тициана и других.

Преданный Вам Валериан Гаприндашвили³.

Как можно убедиться, письмо грузинского поэта удивительно насыщено литературными фактами самого разного плана и является как бы дополнением к подстрочнику. Сам В. Гаприндашвили — известный переводчик, и, естественно, ему органически близки все проблемы переводческой практики. Он старается направить Б. Пастернака, со свойственной ему эрудицией определяет основные культурные ориентиры и, вместе с тем, делится собственными мыслями художника. Несомненно, большой исследовательский интерес представлял бы сам текст подстрочника и переписка полностью, включая ответы Пастернака. Однако косвенно **размышления** русского поэта о работе над «Змеедом» прозвучали, скажем, в его письме к редактору «Загиза» П. М. Фоляну от 14.II. 1934 года.

В первой части письма Б. Пастернак перечисляет множество проблем и тягот как морального, так и бытового плана, пишет о смерти Андрея Белого, о болезнях близких (включая в их число лежащего с гриппом Тициана Табидзе).

Из письма видно, что Б. Пастернака торопят с переводом, он раздражен по этому поводу и вместе с тем переживает из-за перебоев в привычном напряженнейшем ритме работы: «Мне очень бы хотелось в ответ на Ваше нетерпение,

² Секция переводчиков была создана при Союзе писателей Грузии в ноябре 1933 года. В Литературном музее Грузии им. Г. Леонидзе хранятся протоколы нескольких совещаний по вопросам подготовки к изданию различных сборников. Среди присутствующих — почти все адресаты цитируемых нами писем.

³ Литературный музей Грузии им. Г. Леонидзе.

сказать Вам, что я за Важу еще не садился, но к крайнему сожалению я себе это удовольствие испортил тем фактом, что сверх нескольких вещей Надирадзе, Гришашвили, Пашиндашвили и Мицишвили (не считая вышеназванных Чиковани и Абашидзе) я еще перевел 200—300 строк Змееда.

Однако не делайте из этого опрометчивых выводов. Это несколько не значит, что этих строк завтра будет 350, а послезавтра 400. Так м. б. пошло бы дело, если бы Вы прислали мне на дом наряд тифлисской милиции, которая перерезала бы телефонные провода, несла караул у дверей моей комнаты, ходила бы детям за молоком и пр. и пр. Вам хотелось бы Важу пригнать к съезду, издатели же современных антологий, обуреваемые теми же похвальными желаниями, рекомендуют мне временно отложить Важа Пшавелу во имя того же съезда и ради современников. Но ни Вы, ни они не хотите учесть того, что с неменьшим рвением готовятся к съезду самые всевозможные стороны жизни, и всех больше — микробы и бактерии, положившие именно до съезда, а никак не после, извести меня и угробить моих близких.

Я работаю над всем сразу, не гуляю, не читаю книг, два месяца не видел своего сына, живущего в 20 мин. езды от меня, — что большего могу я сделать для Вас и Гудиашвили, которому я от души кланяюсь и согласию которого иллюстрировать книгу как первой радости радуюсь на протяжении всех этих 9 страниц. Больше ничего не скажу. Крепко жму Вашу руку. Гаприндашвили же — молодец, и мне так нравится, что я прямо опасаясь, не провел ли он эти 2,5 месяца так же пестро и бурно, как я...»⁴. Письмо это — смесь усталости, раздражения, горечи, одержимости работой и трогательной любви к ней, погружает нас и в мир пастернаковской переводческой мастерской, и достоверно передает атмосферу предсъездовских будней, когда за несколько месяцев было сделано почти невозможное. Некоторые сведения об отношении Пастернака к уже вышедшей книге можно почерпнуть из других писем к его постоянным грузинским адресатам. Так, в декабре 1934 года он делится с Тицианом Табидзе: «Когда я увидел Змееда в виде книги, у меня сердце сжалось от **невозможности** сказать, кому я ею обязан. Это я должен был бы сказать Е(вфимии) А(лександровне)⁵. Первый месяц

⁴ Б. Пастернак. Письма к друзьям, журн. «Литературная Грузия», 1966, № 1, с. 81. Публикация Г. Маргвелашвили.

⁵ Евфимия Александровна — супруга Георгия Леонидзе.

по возвращении я помнил все места и мгновения в Тифлисе, и они за меня работали. А она была их летящим лицом (...) Понимать совсем другой мир, совсем иной стиль и род жизни, это не места и не мгновенья, не Тифлис даже, даже, может быть, не земля, это близкая, случаем подаренная **допущенность** к делам истории, это участие в ее будущем, это широкий роман с теряющимися границами нескольких особо счастливых, под небом, покрывшим их смыслом одной общей даты. Это клей, о котором была речь выше⁶, это Вы и я, это наши соединенные руки...»⁷

Приведенные строки — пример вдохновенного обращения художника к художнику, одному из самых родных для автора, и одновременно в них звучит углубленный «разговор с самим собой», как русский поэт называл свои письменные исповеди, это полет пастернаковской мысли, цепь ассоциаций, отправной точкой для которых стало включение Важа Пшавела в его жизнь и внутренний опыт. Перед нами синтез постижения роли Грузии в собственном «я» мастера, его отдача иной культуре в виде перевода и постижение каких-то нюансов своей души.

Почти одновременно Б. Пастернак писал Г. Бебутову, в то время одному из редакторов «Закгиза», и высказывал четкие, «редакционные», по его же выражению, замечания к изданию, которые, тем не менее, отмечены его неповторимым стилем изложения.

Напомним, что, по предварительной договоренности, «Змеед» должен был появиться в оформлении Ладо Гудиашвили, однако он иллюстрировал лишь московский сборник Б. Пастернака «Грузинские лирики» (1935), а художником поэмы Важа Пшавела, как и антологии «Поэты Грузии» в переводах Б. Пастернака и Н. Тихонова (1934), стал С. Надарейшвили. Его работа и оценивается в письме к Г. Бебутову: «Чудно это все и очень меня радует. Какой хороший художник! Вагнеризм Важа Пшавела (дракон, Зигфрид, птичка и пр.) еще усилился после того, что змея пошла лейтмотивом ко всем главам. Прекрасная графика и сколько вкуса!! Вообще все очень хорошо, только шпоны местами подгуляли:

⁶ Выше Б. Пастернак писал: «...у меня в душе нечто подобное бутылке с крепким клеем, где в один кусок склеивается лучшее из того, что я переживал».

⁷ «Край, ставший мне второй родиной» — журн. «Вопросы литературы», 1966, № I, с. 177. Публикация Г. Маргвелашвили.

то редкая печать, нормальная, то вдруг строка на строке — Вы заметили? Но очень удачное издание, молодец Фойя. Бегло просмотрел сегодня утром (вчера вечером только что пролучил) и не нашел ни одной досадной опечатки, а очень боялся. Редкая по аккуратности корректура». Это написано в октябре, а позже, при внимательном прочтении, В. Пастернак все-таки обнаружил некоторые огрехи и с присущей ему прямо-той сообщил Г. Бебутову: «Очень жаль, что несмотря на Ваше заботливое напоминание (точно угадывавшее мои собственные пожелания), я не воспользовался вовремя открывавшейся возможностью и не предупредил тифлисского издания посылкой московских корректур, выверенных мною самолично. Если я опоздал в отношении современников (в Антологий), то может быть это еще не поздно по отношению к Змееду, в первом издании которого были опечатки не в одной пунктуации, как Вы думаете, а и в тексте. Впрочем, оговорюсь: м. б. это вина переписчицы, то есть м. б. ошибки были в ремингтонированном оттиске, с которого набирали издание. Для большей выпуклости и легкости их обнаружения, я наряду с «Грузинскими лириками», в состав которых входит выправленный Важа Пшавела, высылаю Вам старое тифлиское издание Змееда с нужными поправками»⁸. Отметим, что «Змеед» в окончательной редакции, вошедшей в более поздние издания (в том числе в последний прижизненный сборник переводов В. Пастернака, появившийся в 1958 г.), был значительно переработан, а раздумья о Важа Пшавела возникают в пастернаковской переписке самых разных лет.

Творчество и личность Важа Пшавела включены в круг важнейших интересов всех причастных к переводческому процессу 30-х годов. Уже по высказываниям русских поэтов, из «отчетов» о проведенной работе по осмыслению его философии и художественного мира, можно составить если не целостное, то эмоциональное представление о стиле переписки тех лет и об атмосфере взаимоотношений.

Очень часто письма разных корреспондентов тематически перекрещиваются, как, к примеру, строки Н. Заболоцкого и Б. Брика. В январе 1936 года Николай Заболоцкий делится с Т. Табидзе: «...Очень рад, что перевод Важа Пшавела Вы находите удачным. Очень благоприятный отзыв получен также от В. В. Гольцева, который перевод принял для

⁸ Г. Бебутов. По страницам одной переписки — журн. «Литературная Грузия», 1966, № 3, с. 72.

своего альманаха. В переводе будет несколько небольших исправлений, что необходимо иметь в виду изд-ву «Academia», если оно будет печатать поэму»... В декабре того же года Н. Заболоцкий выносит на суд Т. Табидзе свой новый перевод: «Посылаю Вам перевод «Алуды Кетелаури» Важа Пшавела. Одновременно посылаю его В. В. Гольцеву. Белый стих, которым написан перевод, по моему мнению, в наибольшей степени соответствует поэтике Важа Пшавелы, столь близкой к народному творчеству. О качестве перевода сам судить не берусь. На всякий случай, проверял его здесь, в Ленинграде, на довольно многочисленной аудитории, и отзывы получил самые благоприятные. Прошу Вас просмотреть перевод и сообщить мне о всех недочетах, дабы я мог их исправить своевременно. Также прошу сообщить Ваше заключение В. В. Гольцеву...»

Знаменательно, что мысли Н. Заболоцкого о собственных переводах переключаются в строках писем на оценку русского сборника Тициана Табидзе, вышедшего незадолго до того в Москве: «В течение последних дней читал Вашу книгу «Избранное», которую смог достать только из библиотеки (Ваш экземпляр еще не получил; вероятно, получу на днях; заранее благодарю Вас за него). Несмотря на то, что почти все эти переводы были мне известны поодиночке, должен сказать, что, собранные вместе, они прекрасно дополняют друг друга, и читатель, несмотря на некоторый разницей в голосе переводчиков, имеет возможность наконец почувствовать Тициана Табидзе целиком, убедиться, что автор, благодаря своей яркой творческой индивидуальности, в основном проходит через этот разницей невредимым, что даётся, увы, только очень-очень немногим.

У Вас есть какая-то пленительная чистота лирического голоса, душевность его и очень широкий диапазон: конечно, Вы — один из самых крупнейших поэтов нашего Союза, и я очень горжусь Вашей дружбой; она побуждает меня к постоянной и упорной работе. Ваше малейшее одобрение и сочувствие значат для меня очень много, ибо они исходят от человека с непогрешимым вкусом и истинно поэтической душой...» И далее в письме, как бы вдохновленный успехом друга, Н. Заболоцкий делится своими ближайшими планами и замыслами более отдаленными: книга оригинальных стихов, переводы Ш. Руставели, «Абесаломы и Этери», современных

грузинских писателей. А в заключение — шутливая мольба: «Научите, как быть!..»⁹

Словно бы подключается к их беседе Борис Брик, отражает совпадение тематики и даже последовательности затронутых вопросов. Приведем отрывки из двух его писем конца 1936 и начала 1937 года: «Надеюсь, что Вы будете и в Москве, и в Ленинграде, ибо тут у нас больше разговоров и восторгов перед Вашей книгой¹⁰, чем перед всеми вместе взятыми ленинградскими поэтами, за исключением, может быть, одного лишь Заболоцкого. Я только что вернулся сейчас с его вечера, прошедшего с большим успехом. Он читал свой превосходный, только что законченный им перевод «Алуда Кетелаури» Важа...»

Дальше в письме, как и у Н. Заболоцкого, — мысли о собственной работе, переводах и оригинальном творчестве, о планах, опасениях и успехах: «Книга моя появилась в Ленинграде и ее моментально расхватили¹¹. Отзывы слишком лестные, но отношу их к грузинским поэтам, главным образом к Вам, Леонидзе и Чичинадзе. (...) Где мои стихи о Грузии? Боюсь, что я весь душевный жар отдал своим переводам. Во всяком случае, я и на грузинскую тему написал целую поэму «Завещание Руставели». От Сахелгама зависит теперь или одобрить меня на дальнейшие стихи о Грузии, или разочаровать меня в моих же собственных силах. Быть может, я не могу сам писать. Последняя попытка — Чапаев. Мне писали, что Радиани думает в феврале приступить к изданию моей многотомной поэмы (1,5 печ. листа!). Авось, напечатает. Буду очень благодарен, если подтолкнете, а заодно и попросите тов. Мгалоблишвили, как предс. рустав. комиссии, толкнуть основательно Сахелгами...»¹²

Через несколько месяцев Б. Брик присылает Т. Табидзе свой перевод Важа Пшавела; мысля грузинского поэта одним из главных поэтических экспертов: «Наконец, посы-

⁹ Т. Табидзе. Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964, с. 273, 279.

¹⁰ Имеются в виду предстоящие вечера поэзии Т. Табидзе, состоявшиеся весной 1937 года в Москве и Ленинграде. Названа книга «Избранное», упомянутая Н. Заболоцким.

¹¹ Имеется в виду — «Поэты Советской Грузии» в переводе Б. Брика. М., 1936.

¹² Литературный музей Грузии им. Г. Леонидзе.

лаю Вам на просмотр и строгий суд перевод «Этери». Простите, что задержал. Я кончил недавно свою поэму «Василий Чапаев», которая идет в номере «Нового мира», посвященном 20-летию Октября. То, что я работал над «Этери» долго — надеюсь, послужило на пользу переводу. Ваш подстрочник всегда выводил меня на верную дорогу. Я старался сделать этот перевод проще, чем мой перевод «Гостя и хозяйина...»¹³.

Творчество Важа Пшавела остается актуальной темой в переписке поэтов на протяжении многих лет. В конце сороковых годов поэму «Этери» перевел уже Н. Заболоцкий. Почти все этапы его работы прослеживаются в письмах к С. Чиковани. Обратимся к нескольким отрывкам: «Посылаю тебе для ознакомления мой перевод «Этери» Важа Пшавела. Когда будет свободное время, просмотри его, пожалуйста, и сообщи мне свое мнение. Я с большой любовью делал эту вещь, заботясь о том, чтобы по-русски она звучала во весь голос, и признаюсь, доволен ею, особенно некоторыми частями. Это моя первая работа для будущей книги Важа Пшавела¹⁴. Теперь я заново делаю «Алуду Кетелаури» сплошь рифмованным ямбом. Дальнейшая работа тормозится за неимением подстрочников. В первую голову мне нужны «Гость и хозяин» и «Бахтриони» (...) Я очень увлечен Важа Пшавела и надеюсь в течение года, если Вы меня поддержите, сделать хорошую книгу. Я ей сейчас отдаю все лучшие свои силы и смотрю на нее, как на дело своей писательской чести...»

«Я продолжаю работать над Важа Пшавела. Кроме «Этери», я заново перевел «Алуда Кетелаури» рифмованным стихом и сейчас работаю над поэмой «Гость и хозяин». Переводы Важа — очевидно, мои лучшие переводы; по крайней мере здесь их принимают с энтузиазмом...»¹⁵

Н. Заболоцкий часто упоминает о переводах из Важа Пшавела и не только в письмах к грузинским друзьям, а, например, к Миколу Бажану, также включившему грузинскую культуру в свой магистральный творческий интерес. Таким образом, переписка русских и грузинских писате-

¹³ Литературный музей Грузии им. Г. Леонидзе.

¹⁴ Имеется в виду: Ваша Пшавела. Поэмы. М., 1953.

¹⁵ Е. Квасавили. Из истории содружества русских и грузинских писателей (Письма Н. Заболоцкого к С. Чиковани), сб. «Мегობра», № 1, 1979, с. 167, 169.

лей расширяется, и в хор голосов вступают деятели ^{иных} культур.

Показательно, что в своей любви к грузинской литературе объединялись поэты самых несхожих и даже полярных направлений, дарований, индивидуальностей и судеб. А возникла подлинная общность, одержимость общим делом. Так, пожалуй, Грузия была одной из немногих точек соприкосновения для Н. Тихонова и Б. Пастернака, но в обращенности к Грузии их имена всегда стоят рядом, более того, сами они мыслили себя в единстве. Скажем, на I Всесоюзном совещании переводчиков в 1936 году Борис Пастернак выступал от имени обоих, совершенно определенно чувствуя свою неразделимость с Н. Тихоновым в этом огромном деле: «...Я хочу, чтобы не думали, что то, что в моей или в тихоновской работе не удалось, мы считаем удачей и настаиваем на этом как на системе. Конечно, с моей стороны будет смело так говорить и за Тихонова, но мы с ним работаем настолько в сходных условиях и настолько во многих случаях сходно смотрим и на задачи искусства и на свои собственные, что, я думаю, могу свои слова распространить и на его роль... У вас мог бы остаться какой-то след недоумения, если бы я не сказал, что эта работа меня и Тихонова осчастливила. Думаю, что мы кое-что дали и вам и тем, которые пойдут по вашим стопам, пусть не все совершенно, но мы ознакомили публику с изумительной, огромной поэзией»¹⁶.

Через 35 лет, когда этот процесс уже можно было наблюдать с дальней временной дистанции, Н. Тихонов словно присоединился к пастернаковской мысли: «...Когда-то давно потому и пошло так быстро это дело, что русские поэты, при знакомстве с грузинской советской поэзией, были сразу поражены и увлечены этим замечательным явлением. Я и себя не исключаю из их числа; мы тогда с Борисом Пастернаком начали, может быть, первыми вот такое, до этого невиданное дело. Мы не могли не делать этого, и мы работали, так сказать, в четыре руки, работали для того, чтобы дать хотя бы первое представление об этой поэзии».

Сборник переводов Б. Пастернака и Н. Тихонова «Поэты Грузии», выпущенный «Загизом» в 1934 году перед съездом, стал новаторским фактом не только в литературной

¹⁶ «Это обмен опытом, это жизненное дыхание наших республик», — журн. «Литературная Грузия», 1968, № 8, с. 38—39. Публикация Г. Бебутова.

жизни страны, но и в освоении одной культурой другой: «...Этот труд себя действительно оправдал. И когда состоялся вечер наших переводов в 1934 году, перед первым сведом писателей, то этот вечер, вечер этих переводов, произвел очень большое впечатление на всех собравшихся, а собравшиеся были поэтами со всех концов Советского Союза. Они не ожидали в такой собранности, в такой концентрации встретиться с незнакомой до этого поэзией», — вспоминал Н. Тихонов¹⁷.

И, конечно, такой материализованный результат, ставший стимулом для дальнейшей работы, явно или косвенно прозвучал в переписке. Поэты работали очень напряженно, сборник надо было сдать в предельно сжатые сроки, материал был совершенно новым, советский метод перевода только вырабатывался, да и фактически это самые ранние встречи русских советских писателей тех лет с культурой Грузии.

Любая антология либо персональный сборник грузинских поэтов на русском языке в те годы — очередная ступень в освоении наследия в целом, событие в литературной жизни всей страны и основная тема переписки литераторов. Письма, в которых повествуется об истории перевода и подготовки к печати лирики Г. Табидзе, П. Яшвили, Т. Табидзе, Г. Леонидзе, С. Чиковани и других, составляют на сегодня целую историко-литературную летопись и являются как бы параллельным комментарием к библиографии различных изданий.

Вот проникновенные строки П. Антокольского, написанные накануне выхода «Избранного» Т. Табидзе в Москве в 1935 году: «...Несколько дней назад я видел в Гослитиздате гранки Вашей книги. К сожалению, только мельком — но у меня екнуло сердце от самого нежного чувства к Вам и от предчувствия того дня, когда эта книга уже будет лежать на столе, пойдет по рукам наших общих и не общих друзей, словом, начнет свое существование, независимое от Вас»¹⁸. Через тридцать лет Павел Антокольский напишет С. Чиковани о книге Т. Табидзе из серии «Библиотека поэта», в издании которой и его немалая заслуга: «Только что я несколько дней держал в руках корректуру книги Тициана. Издательство («Библиотека поэта») очень торопит с нею. Книга

¹⁷ Н. Тихонов «...Облик Грузии любимой». — Журн. «Литературная Грузия», 1980, № 2, с. 12. Публикация Г. Маргвелашвили.

¹⁸ Т. Табидзе. Статьи..., с. 268.

действительно **получилась**. Ранний Тициан (Халдейские бреды, кафе «Химерион», меньшевистское правительство... все это встает очень ярко и поучительно. Твоя статья ^{уже один} дечна по тону и строга по содержанию. И вообще уже один факт, что ты открываешь книгу старшего поэта, служишь ему прологом, очень обогащает этот сборник, делает его историческим явлением. Серьезно, — дело обстоит именно так! Все мы прожили слишком напряженную и многозначительную жизнь в эпохе и обязаны друг другу бесконечно. Я много думаю об этом за последнее время и убежден в том, что ты — человек сугубо исторический — присоединишься к такому ощущению нашей взаимной связи и поруки. Принадлежать к одному поколению — дело далеко не шуточное. В твоей статье о Тициане это ощущение проходит каким-то подземным гулом, но изредка дает знать о себе легкими толчками в сердце. Не каждый читатель должен это чувствовать, пускай! Для меня в этом все дело»¹⁹

Письма 30-х годов воссоздают процесс становления самого переводческого метода, споры вокруг него, творческие переговоры, обоюдную конкретную помощь, вехи работы над определенными произведениями, сомнения и желание поделиться радостью удач. Это в полной мере относится к письмам одного из первых организаторов переводческого дела В. Гольцева, который в силу специфики своей деятельности писал довольно обстоятельно, и круг его корреспондентов весьма обширен. Вот строки из писем, относящихся ко времени работы над сборником С. Чиковани (Стихи. Авторизованный перевод с грузинского под редакцией В. В. Гольцева. М., 1935):

«Москва, 4 октября 1934 г.

Дорогой Симон!

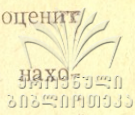
(...) Ваш сборник получается очень хороший. Готово у меня уже 1865 строк Ваших стихов. К этому надо прибавить еще «Балладу о черепе», «Морду» и «Сванскую колыбельную». Кстати: если увидите Ник. Сем. Тихонова — поторопите его с двумя последними переводами. В октябре сборник должен идти в набор.

Мне очень приятно, что благодаря опубликованию переводов Ваших стихов Вас теперь у нас хорошо знают и це-

¹⁹ Музей дружбы народов Академии наук Грузинской ССР.

нят. Еще более наша литературная общественность оценит Вас, когда появится Ваш сборник...»

Ко времени написания второго письма книга уже находится в верстке.

«Дорогой Симон!

Ответ Ладо Гудиашвили давно послан ему по телефону: поскольку книга уже находится в верстке, он должен делать супер-обложку и рисунок переплета, а от моей затеи со шмуц-титулами приходится отказаться. Но украшения такого рода вовсе не обязательны в книге. На супер-обложке пусть Ладо использует мингрельские, сванские и хевсурские мотивы. (...)

Получил ли ты дубликат гранок? Если у тебя есть исправления — срочно пришли их обратно. Павла Антокольского я заставил исправить «Дорогу». Теперь стало совсем хорошо, как мне думается. Вообще, твой сборник получается очень удачным и, несомненно, будет иметь у нас успех.

Я писал Давиду Деметрадзе о нашем решении устроить перед пленумом Правления ВССП большой закрытый вечер грузинской поэзии. Для участия в вечере, помимо членов правления Эули и Яшвили, намечено вызвать в Москву (а потом в Ленинград) человек трех-четырёх поэтов...

...Дружески жму твою руку. Привет друзьям.

Твой Виктор Гольцев.

Москва. 6.1.35.

P. S. Вопрос об устройстве отдельного вечера, посвященного твоей поэзии, вовсе не отпадает. В...»²⁰

Перекликается с этими письмами послание к тому же адресату другого автора. Прочитанные одно вслед за другим, они позволяют говорить об уже складывающемся коллективном единстве личностей, вначале связанных лишь официальными обязанностями — включенностью в одну бригаду. Здесь чувствуется не просто общность дела и мыслей, но возникновение общего поля деятельности в масштабе двух республик, единого общественно-литературного контекста. Хотя на письме Н. Тихонова к С. Чиковани не проставлена дата, она восстанавливается по каким-то деталям, включенным в него и письма коллег. Если В. Гольцев пишет о пред-

²⁰ Музей дружбы народов Академии наук Грузинской ССР.

полагаемом приезде грузинского поэта, о возможном вечере его стихов, о необходимости поторопить Н. Тихонова с переводами для сборника, то Н. Тихонов, по-видимому, позже говорит о приезде С. Чиковани и его вечере — как о событиях ближайшего будущего:

«Дорогой друг Симон!

Я никогда не забывал о Вашем существовании и о Вашей дружбе. Я просто в этом году восемь месяцев из одиннадцати отсутствовал из Ленинграда.

Но я из разных источников и от друзей общих знал и следил как за успехами грузинской прекрасной поэзии, так и за прекрасными людьми грузинской поэзии, за мастерами, чей привет мне всегда ощутителен.

Я писал кахетинские свои стихи именно как благодарность изумительному краю, заключающему в себе столько человеческого.

Я думаю, что оставив ненадолго грузинские переводы, я вернусь к ним и, в первую очередь, попытаюсь перевести со свежими силами Вашу «Осень» и «Сванскую колыбельную».

В Тифлисе я буду, по всей вероятности, в мае будущего года.

Вашу мысль — приехать в Ленинград — приветствую вдвойне. Во-первых, я всегда рад видеть Симона Чиковани у себя и слышать его гулкой голос, полный силы и бодрости. Во-вторых — в начавшейся дискуссии о Всесоюзной поэзии голос Чиковани должен обязательно быть услышан русскими, в первую очередь — ленинградскими поэтами.

Вечера мы устроим и дружеские тесно, и широкие — общественные.

Приезжайте. Когда будете в Москве, напишите, когда Вам удобно в Ленинграде выступить. Все будет сделано.

Привет всем моим тифлисским друзьям, всем, кто еще не забыл меня. Привет Вашей жене от меня и Марии Константиновны...

Приезжайте. Мы выпьем за грузинскую поэзию, за русскую поэзию, за мировую нашу будущую поэзию — за все, что в мире весело и молодо.

Крепко жму руку. Н. Тихонов.»²¹

Почти для всех русских поэтов, отдавших значительную часть своей творческой жизни переводам грузинской литературы, Грузия, естественно, стала неотъемлемым и органиче-

²¹ Музей дружбы народов Академии наук Грузинской ССР.

ским явлением их духовного мира, этапом судьбы художника, темой поэтического вдохновения. И здесь, несомненно, особое место Н. Тихонова, для которого встреча с Кахетией — переломный момент в поэтических исканиях, веха в творческом становлении. Грузинский материал Н. Тихонова, его поэтические циклы, проза и очерки составили двухтомное издание²², в которое, впрочем, вошло далеко не все. А самый первый сборник — «Стихи о Кахетии» — был выпущен «Советским писателем» еще в 1935 году. О своем замысле поэт часто упоминал в письмах 1934 года. Так, к примеру, он писал С. Шаншиашвили: «...По ночам снится синее небо Кахетии и наш знаменитый автомобиль и Сигнах с его дорогой кольцами на горе. Вот куда бы я нашел дорогу с закрытыми глазами. Правда, программа моих путешествий еще не вся выполнена. Я еще буду на берегах Лиахвы, в Южной Осетии — не правда ли?»

Я еще Ваш большой должник, Маро (супруга С. Шаншиашвили. — М. Р., Е. К.), я еще не кончил обещанных и Вам принадлежащих стихов о Кахетии. Честное слово — они будут весной совсем готовы и положены к Вашим ногам. Меня снова потянуло с прозы на стихи. Я сейчас собираю в одну книгу стихи прошлых лет и прочитываю их как страницы моей молодости.

Говорят, что детство человека так же возвещает его жизнь, как заря указывает, какой будет день. Это, конечно, не совсем так. В детстве я так много играл в солдатики, что, по крайней мере, должен был быть генералом или, как мы сейчас говорим, командармом. Однако я сражался солдатом, самым простым — а из писательского моего таланта тоже особой величины мировой не получилось. Это я пишу, милая Маро, к тому, что когда-нибудь я, как Важа Пшавела, уйду в грузинские горы, буду жить охотником, писать по-грузински и петь «Лилео» — песню утренней зари, и Маро будет приезжать ко мне в гости на коне, нагруженном чурчхелами и гранатами из Джугаани.

А пока я еще в Ленинграде, Вы должны увидеть Ленинград и тот кахетинский угол, какой основал я в доме, на 6 этаже, с которого виден весь город, и сегодня облака были похожи на вершины снежных гор...»²³

²² Н. Тихонов. Избранное в двух томах. Тбилиси, 1978.

²³ Музей дружбы народов Академии наук Грузинской ССР.

Это лирическое отступление — довольно оригинальный самокомментарий, пусть и шуточный, но пронзительно-искренний, погружающий нас в душевный настрой автора в момент рождения стиха.

Мы в основном цитировали отрывки из переписки русских и грузинских поэтов 30-х годов — самой яркой начальной поры, времени создания Союза советских писателей, периода первой грандиозной встречи писателей, и поры, когда контакты вырастали в общие замыслы и дела, когда вообще формировалась в своем единстве советская многонациональная литература, весь контекст новых общественно-литературных отношений. Разные по тематике письма пронизывают радость сопричастности, единый общий опыт, постоянное ожидание встреч и событий, праздник этих контактов, жизнь на подъеме, молодость плеяды. Большая часть писем необыкновенно эмоциональна, населена фактами, именами. Это эпистолярное наследие, к которому мы обратились лишь в самых кратких отрывках, — непосредственное доказательство того, как безоглядно и полновесно вращались переводчики в культуру иной страны, становились как бы ее представителями в своей, русской литературе. Переписка эта длилась несколько десятилетий, обрывалась лишь со смертью одного из корреспондентов и заложила удивительную традицию, к которой подключились литераторы всех следующих поколений, причастившиеся к Грузии благодаря все тем же именам.

Литературная Грузия
802201010333

Редакция журнала «Литературная Грузия» и его редколлегия с болью в сердце прощаются с безвременно ушедшим от нас замечательным грузинским писателем, любимцем многочисленной армии читателей, ее постоянным автором на протяжении многих лет — Нодаром Думбадзе, чья статья, посвященная Первому съезду писателей СССР, публикуемая ниже, была последним из написанного им и переданного нам.

Нодар ДУМБАДЗЕ

ДОЛГ И ПРИЗВАНИЕ

НЕСКОЛЬКО лет назад у нас, в Грузии, проходила встреча советских писателей с французскими коллегами. Проводилась она в Пицунде, в чудесном доме на берегу Черного моря. Участники встречи, как это обычно у нас бывает, были окружены вниманием местных и республиканских руководителей, за их работой следили и местные жители, и приезжие со всех концов страны. Дело уже шло к концу, когда ко мне подошел один из французских гостей и спросил:

— Скажите, пожалуйста, что вы такого пишете, что вас так любят и ценят ваши власти?

Конечно, удивление зарубежного коллеги могло быть и искренним—они к такому вниманию не привыкли, а могло быть и шуткой. Однако не слишком ли привыкли мы сами к такому вниманию и заботе, которым окружены в нашей повседневной работе? Не кажется

надо завоевать так же, как его завоевало старшее поколение...»

Хочется вспомнить здесь еще один эпизод из работы съезда, юбилей которого мы отмечаем, эпизод, в котором, как мне кажется, очень наглядно проявился сам ход, процесс сплочения национальных литератур нашей страны в единую многонациональную советскую литературу, наделяющую их чертами идейной общности и единства, его диалектика, сохраняющая самобытность традиций, язык, художественные особенности каждой из них.

Один из ораторов Первого съезда пожаловался в своем выступлении, что в нашей поэзии тех лет были сильны настроения пессимизма. Корней Чуковский в ответ на это в своей яркой и темпераментной речи воскликнул: «...Как будто грузинская поэзия нынче не наша поэзия, как будто эта широкая и бурная песня, в которой описываются явления нашей советской действительности, ставящая их на одну доску с самыми лучезарными и сладостными дарами грузинской природы, — как будто она не насыщена той же безбрежной радостью, которая свойственна нашей стране и немыслима больше нигде на свете».

Сегодня в сокровищнице советской литературы мы безоговорочно числим и обостренное чувство правды и справедливости героев Шукшина и Распутина, и философскую углубленность раздумий Айтматова, и незаживающие раны минувшей войны в произведениях Быкова, Бондарева, Бакланова, и библейскую умудренность Матевосяна.

Думаю, никто не обвинит меня в предвзятости и пристрастности, если я скажу, что в нашем многонациональном, многоязыковом хоре сегодня достойно и авторитетно звучит и голос грузинских писателей. Для доказательства этого можно было бы заняться статистикой: перечислить награды и премии, которыми отмечены грузинские писатели в последние годы, подсчитать количество переводов на языки братских народов нашей страны и зарубежных стран, привести, наконец, тиражи наших книг, о которых наши старшие мастера не могли и мечтать, не говоря о писателях-классиках, — не подумайте, что я хочу сказать, что мы пишем лучше, чем классики, нет, про-

сто нас лучше издают, лучше читают, лучше пропагандируют.

Однако есть и другой критерий, другое мерило, по которому можно судить, насколько полезно работает литература для своего народа. Хорошо известно, как многое переменялось в жизни нашей республики за последние годы во всех областях хозяйственной, политической, культурной жизни, какой поистине революционный дух царит в нашей повседневной деятельности, как много у нас поисков, перемен, экспериментов, результаты которых известны сегодня всем. Именно в этом всенародном походе голос грузинских писателей постоянно звучал громко и решительно. Нам дорога высокая оценка, данная руководителем грузинской партийной организации, возглавившей этот всенародный поход, Э. А. Шеварднадзе вкладу грузинской творческой интеллигенции, в том числе грузинских писателей, в эту борьбу.

На последнем по времени, Седьмом съезде писателей Г. М. Марков в своем докладе сказал: «...Писатели будут повсюду, где борется наш народ, будут делить с ним и радости, и горести, вдохновенным словом звать людей на труд и подвиги, с честью оправдывать высокое доверие партии и народа». Он заявил это от имени и по поручению всех наших братских литератур, всех советских писателей.

Оружие писателя — его слово. Его вклад в копилку труда и побед народа — его произведение.

Выступая на Первом съезде, Борис Пастернак заявил: «При огромном тепле, которым окружают нас народ и государство, слишком велика опасность стать литературным сановником» и призывал избегать этого соблазна «во имя большой, и дельной, и плодотворной любви к Родине». Ведь не стали сановниками и не перестали писать Горький, Фадеев, Федин. Нет, сановником грозит стать тому, кто отдает свое перо не служению делу партии и народа, а своим личным целям и интересам. Звание писателя — не звездочка на погонах, не знак отличия, а долг и призвание. Не служба, а служение — партии, народу. Еще раз повторяю, они дали нам все, отняв только одно право — плохо писать.

НОДАР ДУМБАДЗЕ

Грузинская литература, культура, вся многонациональная советская литература понесли тяжелую, невозполнимую утрату — 14 сентября 1984 года после тяжелой продолжительной

болезни на 57-м году жизни скончался выдающийся грузинский советский писатель и общественный деятель, секретарь правления Союза писателей СССР, председатель правления Союза писателей Грузии, лауреат Ленинской премии, Государственной премии Грузинской ССР имени Шота Руставели и премии Ленинского комсомола, депутат Верховного Совета СССР, член Центрального Комитета Компартии Грузии Нодар Владимирович Думбадзе.

В лице Нодара Думбадзе наша творческая интеллигенция лишилась замечательного мастера художественного слова, большого гуманиста, подлинного патриота и интернационалиста, сочинения которого обогатили сокровищницу грузинской советской духовной культуры.

Вся жизнь и творчество Нодара Думбадзе были отданы беззаветному служению советскому народу и Родине, великому делу коммунизма. Он был страстным пропагандистом идей добра и благородства, любви и справедливости, коммуни-

эстетической морали. Его творчество — правдивая и возвышенная художественная летопись жизни современной Грузии. Оно покорило сердца читателей именно силой этой большой художественной правды, высокой идейности, неповторимого обаяния.

Романы и рассказы Нодара Думбадзе, в которых с глубоким знанием действительности, вдохновенно отображены жизнь народа, его самоотверженная, героическая борьба за воплощение высоких идеалов — могучее идеологическое оружие формирования гражданственности, нравственного кредо современников.

На протяжении своей не столь уж продолжительной, но чрезвычайно плодотворной творческой биографии, охватывающей немногим более трех десятилетий, Нодар Думбадзе — писатель, мыслитель и общественный деятель — всегда находился на передней линии нашей литературной и общественной жизни, беззаветно служил делу обогащения и подъема нашей художественной культуры, являлся образцом литератора и гражданина.

Нодар Владимирович Думбадзе родился 14 июля 1928 года в Тбилиси. В детстве на его долю выпали тяжкие испытания, в грозные годы войны, оставшись сиротой, он отправился в свое родное село Хидистави и именно здесь, в Гурии, этом прекрасном, благодатном крае, окруженный отеческой заботой людей труда, уверовал в неодолимую силу добра и красоты. Эту веру писатель пронес через всю жизнь, она и определила тематику и пафос всего его творчества.

После окончания в 1950 году экономического факультета Тбилисского государственного университета он некоторое время работал здесь же лаборантом, затем сотрудничал в редакции основанного в те годы журнала «Цискари», являлся членом сценарной коллегии киностудии «Грузия-фильм», заместителем редактора, затем — главным редактором журнала «Нианги».

С 1973 года Нодар Думбадзе — секретарь правления Союза писателей Грузии. В 1981 году он был избран секретарем правления Союза писателей СССР и председателем правления Союза писателей Грузии. На этих должностях он и проработал до последних дней жизни.

Литературный дебют Нодара Думбадзе состоялся в 1949 году, когда его стихи были напечатаны в университетском студенческом литературно-художественном альманахе «Пирвели схиви». Они сразу же обратили на себя внимание литератур-

ной общественности, заслужили большое одобрение, и с тех пор его произведения систематически публиковались на страницах литературной прессы, издавались отдельными книгами. Он начинал с лирики и написал прекрасные стихи, но то, что называют художественным миром Нодара Думбадзе и что привлекало к себе внимание читателей всего мира, выражено главным образом в его художественной прозе.

Творчество Нодара Думбадзе — глубоко национальное и в то же время общечеловеческое. Оно истинно грузинское, отраженными в нем действительностью и характерами, образом жизни и обычаями, а самое главное, теми корнями, которыми оно связано с национальной культурой. Каждому читателю близки и знакомы заветные думы и чувства писателя, ибо его художественный мир такой светлый и человеческий. В этом обобщении, умении возвыситься от национального до общечеловеческого, в преимущественно эмоциональном, лирическом проявлении глубокого оптимизма и гуманистического духа — секрет творческой победы писателя.

Всенародное признание снискал первый же роман Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион», в котором гуманизм автора раскрылся во всей своей силе и обаянии мягкого юмора и лиризма. Его выразителями стали простые люди. Всех четверых его прекрасных героев, в характерах и судьбах которых проявились величие духа и гражданственность советских людей, сразу же горячо полюбил народ. Этот роман открывает новый этап не только в художественном творчестве писателя, но и в грузинской литературе.

За первым романом последовали романы и повести «Я вижу солнце», «Солнечная ночь», «Не бойся, мама!», «Белые флаги», «Кукарача», «Закон вечности», сборники рассказов. Так создавался тот неповторимый, исполненный огромного обаяния эмоциональный мир, который мы именуем творчеством Нодара Думбадзе.

Его роман «Закон вечности» как выдающееся произведение советской литературы был отмечен высшей наградой — Ленинской премией. Герой романа, олицетворяющий лучшие черты нашего современника, коммуниста-борца, занял достойное место в галерее положительных образов советской литературы.

Жизнь — это путь к добру через труд и борьбу. Неустанное и вдохновенное шествие по этому пути, преодоление препятствий возвышают человека. По этому пути преодоления

жизненных преград шагают герои романов и повестей Нодара Думбадзе, и пример их заразителен.

Впитав лучшие традиции грузинской национальной культуры, богатейший опыт советской классики, Нодар Думбадзе в свою очередь сумел обогатить литературу социалистического реализма глубоко самобытными и значительными произведениями, в которых высокие гражданственные устремления органически сочетались с теплым лиризмом и юмором. Неповторимому юмору писателя особую примечательную силу придает то, что он призван не только вызывать грустную улыбку или сострадание, но служит утверждению веры в торжество добра. В этом оптимистическом видении жизни — сила творчества Нодара Думбадзе. Биение сердца, полного любви, отчетливо слышно во всех его романах и рассказах.

Самобытный национальный колорит, юмор и лиризм, дух гуманизма, высокая идейность и художественное мастерство принесли творчеству Нодара Думбадзе широкое признание как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. Художественные произведения писателя переводились и многократно издавались на русском языке, языках других братских народов, в странах социалистического содружества, почти на всех континентах земного шара.

Столь значителен и обаятелен художественный мир Нодара Думбадзе, что почти каждый роман и повесть его экранизированы, стали достоянием десятков миллионов зрителей. Во многих театрах Советского Союза и зарубежных стран ставятся спектакли, созданные по его произведениям.

Остро и вдохновенно также публицистическое слово Нодара Думбадзе. Он неоднократно принимал участие в международных форумах писателей, с трибуны которых страстно пропагандировал советскую литературу, ее идейную направленность и могучую силу художественного воздействия, способствовал сближению, взаимопониманию писателей разных стран, их мобилизации на борьбу за высокие идеалы мира и прогресса. В статьях Нодара Думбадзе всегда слышен голос горячего сердца писателя-коммуниста.

Нодар Думбадзе — депутат Верховного Совета СССР — был подлинным слугой своего народа. Он принимал активное участие в общественной жизни страны и выступал инициатором многих добрых дел. Особую заботу проявлял он о молодежи и был глубоко тронут, когда свою идею о создании пионерского городка «Мзнури» увидел воплощенной в жизнь.

Велики заслуги Нодара Думбадзе перед Союзом писате-

МАЛО кто из художников удастаивался в последнее время столь пристального внимания искусствоведов, писателей, деятелей театра и кино, как Пиросмани. О нем пишут исследования, книги, ставят спектакли, снимают кинофильмы. Не обошли своим вниманием Пиросмани и композиторы. Огромную популярность приобрела «Песня Пиросмани» Арчила Чимакадзе, подкупающая величавым лиризмом и выразительностью. Образ художника нашел воплощение в крупных музыкальных жанрах грузинской музыки 60—70-х годов. Признание слушателей получила камерная оратория Нателы Сванидзе «Пиросмани», отмеченная оригинальностью авторского замысла. Одним из наиболее интересных достижений современного грузинского симфонизма по праву признана симфония «Пиросмани» Сулхана Насидзе, с успехом исполнявшаяся в различных городах нашей страны и за рубежом. Сочинения Н. Сванидзе и С. Насидзе имеют ряд общих черт. Это, в первую очередь, сходство художественного замысла сочинений, конфликтность драматургии, основанной на острых столкновениях контрастных на-

Нато ЖГЕНТИ

ДВА ПРОЧТЕНИЯ ОБРАЗА

лей Грузии. Как руководитель этого творческого Союза, он многое сделал для дальнейшего углубления связей грузинских писателей с жизнью народа, повышения их гражданской активности, развития творческого сотрудничества с русскими писателями, представителями всех братских литератур. Последним воплощением его мечты явилось основание Дома литераторов в историческом здании на площади В. И. Ленина, дома, которому присвоено имя великого Ильи Чавчавадзе.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили большую общественную деятельность и вклад писателя в обогащение и развитие советской литературы. Он был удостоен орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалей. Дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР, был делегатом XXV съезда КПСС.

Имя Нодара Владимировича Думбадзе, достойного сына партии и советского народа, пламенного патриота и интернационалиста, всегда будет жить в сердце народа.

Э. А. Шеварднадзе, Г. А. Андроникашвили, В. М. Архипов, Г. Д. Габуния, П. Г. Гиладшвили, Г. Н. Енукидзе, А. Н. Инаури, Д. Л. Картвелишвили, Б. В. Никольский, Д. И. Патиашвили, Т. В. Ростиашвили, С. Е. Хабеишвили, О. Е. Черкезия, Н. А. Читанава, З. А. Чхендзе, Б. В. Адлейба, Т. И. Мосашвили, В. Р. Папунидзе, Ф. С. Санакоев, Ж. К. Шартава, Н. В. Гургенидзе, Н. Ш. Джанберидзе, В. Г. Лордкипанидзе, Е. К. Харадзе, Н. Ш. Энделадзе, Г. Г. Абашидзе, И. В. Абашидзе, Д. А. Алексидзе, Э. Д. Амашукели, Р. Б. Амашукели, Ч. И. Амирэджиби, И. О. Андриадзе, Т. Г. Бадурашвили, А. Г. Барамидзе, Г. В. Бединеишвили, М. И. Бердзенишвили, Х. М. Берилава, Т. П. Буачидзе, Г. Е. Гвердцители, Д. Н. Гвинджилия, А. А. Двалишвили, Г. Н. Лордкипанидзе, Г. А. Згерский, Д. В. Квицаридзе, М. Т. Ласурия, Г. Д. Лордкипанидзе, К. А. Лордкипанидзе, З. А. Ломидзе, К. И. Маргиев, М. И. Мачавариани, Н. М. Мгалоблишвили, Р. С. Миминошвили, Ш. Г. Нишнанидзе, Э. Е. Нижарадзе, Г. И. Панджикидзе, Н. А. Попхадзе, Р. Р. Стуруа, А. С. Сулакаури, Ф. И. Халваши, С. С. Цаишвили, С. Ф. Цинцадзе, Г. Ш. Цицишвили, Д. А. Чарквиани, В. В. Челидзе, Н. Г. Черкезишвили, Т. И. Чиладзе, Т. Н. Чхендзе, Э. Н. Шенгелая, Б. В. Шинкуба, О. И. Эджибадзе.

чал. Но вместе с тем произведения эти достаточно ярко демонстрируют и несхожесть авторских решений. Образ смани, окружающий его мир с характерными приметамени воссоздаются композиторами в индивидуализированных формах звуковой материи.

Для реализации своего художественного замысла авторы обратились к различным жанрам, что, естественно, послужило одной из главных причин драматургического своеобразия сочинений. Н. Сванидзе привлекла камерная оратория — жанр, чутко откликающийся на особенности поэтического текста. Это было очень важно для Н. Сванидзе, стремившейся в поэтической форме, посредством поэтического обобщения воссоздать образ художника, колорит старого города. Камерная оратория «Пиросмани» написана на поэтические тексты Т. Табидзе, Б. Пастернака, П. Антокольского. Необычен и состав исполнителей произведения. Помимо камерного оркестра, вокального мужского секстета, контральто-соло, в сочинение вводится партия чтеца, на которого и возлагается основная функция поэтического изложения. В соответствии со спецификой жанра сочинение лишено сюжетной событийности. Тем не менее драматизм переживаний достаточно велик. Не случайно обращение Н. Сванидзе к различным текстovým источникам. Использование в пределах одного музыкального произведения различных по стилистике и лексике текстов широко распространено в современной музыке. Принцип этот дает композиторам возможность значительно расширить смысловую значимость произведения, раздвинуть пространственно-временные границы замысла. Н. Сванидзе, одна из первых грузинских авторов, обратившаяся в пределах единого сочинения к текстам различных поэтов, руководствовалась своим художественным замыслом — стремлением вырисовать несколько смысловых планов, сблизить прошлое и настоящее, придать сочинению некоторую документальность. Стихи Т. Табидзе, П. Антокольского и Б. Пастернака — строгая и высокая поэзия, щедро оперирующая свободными метафорами. Несмотря на разнохарактерность текстов, в сочинении не нарушено стилистическое равновесие.

Как же распределяются поэтические источники в стройной пятичастной композиции? В основу первой части взяты стихи Т. Табидзе «Жил в Грузии Мастер, он счастья не знал». Строки эти, положенные на мелодию церковного песнопения, поведают о чистоте и целомудрии духовного облика художника.

Вторая часть «Да будет прославлена его десница» — на-

и более лаконичная и единственно инструментальная во всем цикле, что имеет свое объяснение. Здесь как бы присутствует враждебное художнику злое начало, выраженное через гоккатную механичность и диссонирующие аккорды — «кляксы».

В музыкальную ткань третьей части «Сады горы Давида» включены терпкие, изысканно-утонченные стихи Б. Пастернака. Поэтический текст поручен соло-контральто. В общей атмосфере господствует сдержанная, несколько аскетичная лирика.

Четвертая часть «От жизни художнику некуда деться» — колоритная жанровая картина. Стихи П. Антокольского красочно воссоздают бытовой фон жизни Пиросмани.

И наконец пятая часть «Post scriptum» — наиболее важная в драматургическом отношении — распадается на два раздела. Здесь вновь вводятся стихи Т. Табидзе «Жил в Грузии Мастер» — напоминание об основной идее произведения. Завершают сочинение строки Б. Пастернака «Мы были в Грузии».

В распределении текста между частями ощутима убедительная художественная логика. Не случайно для крайних частей камерной оратории избрана поэзия Т. Табидзе, соответствующая эпически обобщенному тону музыкального изложения. В противовес крайним средние части сочинения лирико-психологического и жанрового характера. Утонченная пряность стихов Б. Пастернака подчеркивает эмоциональную обостренность музыки. Чтец исполняет:

Я видел чем Тифлис
Удержан по откосам,
Я видел даль и близь
Кругом под абрикосом...
По склонам цвел анис,
И, высясь пирамидой,
Смотрели сверху вниз
Сады горы Давида.

Поэтическая речь сопровождается построенной на изломанных интонационных ходах мелодической линией солирующего контральто. Данная партия не имеет текстовой опоры — это выразительный мелодический контрапункт ведущего голоса. В иных тонах разрешен колорит четвертой части, что ощутимо как в стилизованном музыкальном материале, так и самом поэтическом тексте.

Стихи П. Антокольского, органично вписанные в музыкальную ткань, не только воссоздают колорит пиросманиевской эпохи, они вызывают в памяти и картины самого художника —

красочно бытовые зарисовки, изображения животных. «Люблю
писать животных — это друзья моего сердца», — как-то ска-
зал он.

В сочинении Н. Сванидзе использование поэтического текста, причем в каждой из частей стилистически разного, способствует и подбору характерной музыкальной интонации. Это особенно ощутимо в тех разделах, где в качестве активного «участника событий» выступает чтец. Партия солиста-чтеца не имеет фиксированной звуковысотности, она строится по принципу так называемого шпрыхштимме — речевого пения. Такая манера произнесения текста свидетельствует о приоритете поэтического слова. Однако в то же время поэтическая интонация рождает соответствующий тон изложения, а моментами и характерную музыкальную интонацию, что ярко проявляется в кульминационных разделах сочинения. Такова кульминация I части, попадающая на слова:

В духане меж блюд и хохочущих морд,
На черной клеенке, на скатерти мокрой
Художник белилами, суриком, охрой
Наметил огромный, как жизнь, натюрморт.

Здесь в партии чтеца появляются точные обозначения звуковысотности. Под воздействием текста формируется изломанная мелодическая линия, неуклонно восходящая, а затем внезапно срывающаяся.

Следует отметить и присущую камерной оратории некоторую театрализованность действия. Это ощутимо хотя бы в самой трактовке исполнительского состава — чтеца-комментатора и мужского секстета. Партии секстета и чтеца несут различные выразительно-драматургические функции. Секстет вводит в действие, он является как бы рупором идеи произведения, подает текст в увеличении. Эпически-повествовательному тону изложения вокального секстета противостоит экспрессивная партия чтеца — «пристрастного комментатора» происходящего, функция которого состоит в выявлении авторской позиции. Разные выразительные функции секстета и чтеца подчеркивают контрастность звукового материала (церковное песнопение — взвинченные мелодические линии), само распределение между партиями поэтического текста.

Поэтическая основа сочинения Н. Сванидзе обусловила и определенную трактовку композитором образа героя. Лирико-экспрессивная лейттема Пиросмани носит как бы символическое значение. Эта единственная связанная с образом худож-

ника тема олицетворяет собой поиск, устремленность к прекрасному, что подчеркивается тембровым решением (струнные), самым типом мелодии. Символичность присуща и музыкальным темам сочинения. В качестве обобщенной характеристики родины, народа выступает цитата из древнегрузинского песнопения. Контрастом к обобщенному смысловому пласту в сочинении выступает фон, конкретизирующий эпоху Пиросмани. Имитация звучания зурны, характерные интонации лезгинки в IV части вызывают определенные зрительные ассоциации. В этом глубоко поэтичном в самой своей сути произведении фон приобретает как бы пластично-изобразительное решение. Воссозданный Н. Сванидзе образ лезгинки так же живописно пластичен, как и фигуры карачохели на полотнах Никос Пиросмани.

Симфония С. Насидзе «Пиросмани» — произведение иного плана. Композитор обратился к жанру, отображающему действительность в многообразии ее проявлений. Отсюда и определенная позиция автора. Давая музыкальную характеристику Пиросмани, С. Насидзе не замыкается в одном измерении, в определенном эмоциональном состоянии. Погруженный в атмосферу загадочности образ Пиросмани далек и неуловим, в то же время он наделен конкретными чертами, показан в теснейшей связи со своим народом. Одночастная симфония С. Насидзе написана без какой-либо опоры на текст. Тем не менее сочинение настолько зримо, что невольно в слушательском восприятии рождаются определенные ассоциации. Цепь воссоздаваемых событий складывается в нить повествования, основная тема которого — Художник и Время. Стремление композитора представить своего героя зримо и красочно побудило его обратиться к заимствованному из киноискусства принципу монтажа. Симфония состоит из семи эпизодов, в которых образ Пиросмани предстает в различных преломлениях. Это и загадочная личность, и порывистая эмоциональная натура. Одиноким, не понятым окружением обрисован художник в психологически напряженных эпизодах. Пугающий своей безысходностью лейтритмотембр литавр как бы воссоздает шаги одинокого художника. Выявлены в сочинении и лирические стороны образа. Среди разгульно-разбушевавшихся танцевальных ритмов кульминационного раздела симфонии появляется хрупкая тема. Не напоминание ли это об актрисе Маргарите — героине полотен Пиросмани? Подчеркивается в сочинении близость художника к своему народу. Не случайно использо-

вание темы, близкой грузинским аробным песням, повеству-
ющим о тяжелой доле бедняка-крестьянина.

В симфонии С. Насидзе значительное место отведено фону — одному из важнейших компонентов художественной структуры сочинения. В сравнении с камерной ораторией Н. Сванидзе в симфонии «Пиросмани» фон наделен большей жизненной действительностью, документальностью. Конкретизируя эпоху, композитор вводит в музыкальную ткань своего сочинения две цитаты, распространенные в музыкальном быту старого Тифлиса. Марш Печерского полка, типичный образец садово-парадной музыки, и трансформированная, несколько приземленная цитата из оперы Доницетти «Фаворитка» появляются в виде полярного контраста к духовному миру художника — яркого, почти театрално зримого.

Дана в симфонии и имитация городского фольклора с характерными интонациями дудуки и зурны. Хорошо продуманный музыкальный материал точно характеризует старый Тифлис с его причудливо переплетающимися азиатской и насаждающейся европейской тенденциями. Воссоздавая враждебный художнику мир, С. Насидзе не ограничивается его однозначной обрисовкой. Трактовка зла в симфонии имеет полную и насыщенную трансформациями характеристику — от бытовой музыки до разгульно-дикой оргии. Отсюда и все возрастающая эмоциональная напряженность кадровых сдвигов, крен в сторону большей образной обобщенности, постепенное заострение социальной стороны конфликта.

Художественные достоинства симфонии С. Насидзе, ее жизненность и достоверность в значительной мере обусловлены органичным сочетанием лирического, эпического и жанрового начал, что присуще и картинам самого Пиросмани. Тема столкновения героя с окружающей действительностью рассматривается композитором в различных аспектах. При господстве субъективно-психологического начала значительное место в симфонии уделено жанровой, эпической образности. Не от эпичности ли и моментами возникающий повествовательный, несколько импровизационный тон изложения? Тут хочется опять обратиться к сравнению. В камерной оратории Н. Сванидзе использование различных поэтических текстов обусловило некоторую замкнутость эмоционально-смысловых сфер. При несомненной внутренней спаянности каждая из пяти частей — носитель определенного начала. В симфонии же С. Насидзе различные образные сферы органично сосуществуют, подчеркивая тем самым многообразие жизненных яв-

лений. Естественность переходов из состояния в состояние достигается возможностями монтажной драматургии, которую композитор искусно претворяет в симфонии. Каждый эпизодов отмечен правдивым ощущением течения времени. Категория времени в различных эпизодах наполняется различным смыслом. Сиюминутному действию противопоставляется нечто происходящее постоянно, всегда, обычному ходу повествования — течение жизни в широком смысле слова. Изменение ритмической пульсации вызывает ощущение меняющихся фокусных расстояний. В каждом из кадров, помимо ритмической пульсации, меняется и колорит. По ходу драматургии наблюдаются постоянное сгущение и разрежение звуковой палитры, подключение новых, неожиданных тембровых сочетаний. Если в камерной оратории Н. Сванидзе сами особенности камерного жанра (присутствие лейттем — символов с неизменной тембровой окраской) ограничивали возможность тембровых перевоплощений, то в симфонии С. Насидзе «Пиросмани» звуковые нововведения наблюдаются вплоть до последних тактов, где как бы врывающаяся мелодия гитары еще раз подчеркивает нетронутость души художника.

Камерную ораторию и симфонию объединяет общее стремление авторов подчеркнуть неразрывную связь художника со своим народом. Именно поэтому в кульминационных эпизодах симфонии С. Насидзе образ Пиросмани подается на фоне близкой ему атмосферы старого города, а в камерной оратории Н. Сванидзе трагедия непонятого при жизни художника в конце произведения оборачивается дифирамбом в честь Мастера и его родины.

Многоплановость музыкальной ткани, контрастность интонационного материала, использование новейшей композиционной техники в обоих сочинениях способствуют созданию остроконфликтных образных сфер, выявлению основных драматургических линий. Как в камерной оратории Н. Сванидзе — сочинении музыкально-театрального жанра, так и в близкой принципам кинодраматургии симфонии С. Насидзе моменты стилизации, событийность изложения не подменяют собой собственно музыкальную концепцию произведений, основная идея которых — бессмертие таланта.

ГРУЗИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Прогресс» (Москва) выпустило в свет книгу известного писателя ГДР, лауреата Национальной премии и литературной премии имени Фонтане Гюнтера Штайна «Путешествие по стране Руставели». Автор романов и рассказов Г. Штайн широко известен как переводчик советской литературы на немецкий язык. Им переведены произведения и современной грузинской литературы, в частности, Н. Думбадзе «Я вижу солнце» и Р. Джапаридзе «Марухские белые ночи».

В своей книге Г. Штайн в живой увлекательной форме передает увиденное в Гру-

зии. С восхищением делится автор с читателями своими впечатлениями о красоте природы, прекрасном народе, истории, экономике и культуре «страны Руставели».

Эмоционально и искренне переданы его впечатления о встречах с деятелями литературы и культуры Грузии, с простыми людьми, с которыми он познакомился во время многодневных путешествий по республике.

Удачно подобранные фотоиллюстрации дополняют рассказ автора, отражая все новое и новые стороны жизни Грузии. Книга Г. Штайна, несомненно, привлечет внимание многочисленных читателей своей искренностью, увлеченностью и познавательностью.

На 1-й стр. обложки: Ладо Гудиашвили. Иллюстрация к поэме Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре».

Сдано в набор 24.VIII.84 г. Подписано к печати 1.11.84 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 1¹/₉₇, Уч.-изд. л. 14,0. УЭ 09213. Тираж 6.100 экз. Заказ 1914. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93 31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

